

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЗАКОННОСТИ

2

Сборник подготовлен редакционной коллегией
при Харьковском юридическом институте.

Редакционная коллегия:

М. И. Бажанов, М. И. Бару (зам. отв. ред.), *Ю. М. Грошевой* (отв. секр.), *Л. Я. Носко, А. А. Пушкин, И. Е. Середа, Н. Н. Страхов, В. Я. Тацкий* (отв. ред.), *В. В. Штерн*.

Адрес редакционной коллегии:

310024, Харьков, Пушкинская, 77, юридический институт. Тел. 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы
Зав. редакцией *Г. И. Шинкаренко*

Проблемы социалистической законности. Респ. меж-вед. темат. науч. сборник. Вып. 2. X., «Вища школа», Изд-во при Харьк. ун-те, 1977.

144 с. Списки лит. в конце статей.

В сборнике освещаются актуальные проблемы советского государства и права, вытекающие из решений XXV съезда КПСС. Обобщается практика местных Советов депутатов трудящихся, органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, разрабатываются рекомендации, направленные на дальнейшую эффективность правоприменительной деятельности и совершенствование действующего законодательства.

Сборник рассчитан на научных работников и специалистов.

П $\frac{11002-437}{М 226 (04) - 77}$ 370-77

© Издательское объединение «Вища школа», 1977.

О. М. Я к у б а, д-р юрид. наук, Р. С. П а в л о в с к и й, проф.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БОРЬБЕ
С АДМИНИСТРАТИВНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии с особой остротой поставлены важные задачи нравственного воспитания советских граждан. В нем подчеркивается необходимость воспитания у них чувства ответственности перед обществом. «Именно ответственный подход каждого гражданина к своим обязанностям, к интересам народа создает единственно надежную базу для наиболее полного воплощения принципов социалистического демократизма, подлинной свободы личности» (Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 85). Это положение с новой силой прозвучало в речи Л. И. Брежнева на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС, где указывается на необходимость уделить самое пристальное внимание состоянию трудовой дисциплины, поднятию ответственности широких трудящихся масс за выполнение и перевыполнение намеченных на десятую пятилетку народнохозяйственных планов («Правда» 26 октября 1976 г.).

Усиление идейной стороны решения проблемы обеспечения законности и правопорядка, что отражает общее повышение уровня сознательности советских людей, предполагает вместе с тем и дальнейшее совершенствование правового урегулирования поведения членов общества, их прав и законных интересов. Принятые за последние годы основы законодательства о труде, о здравоохранении, о народном образовании, законы об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов и др. отражают принципиальную линию партии на то, чтобы постоянно расширять и обогащать права личности. «В целом можно сказать, что наше законодательство за последние годы серьезно обновилось, стало более стабильным и демократичным» [3, с. 14]. В связи с этим важнейшей задачей является неуклонное соблюдение действующего законодательства, отвечающего потребностям социалистического общества.

Среди правонарушений, все еще имеющих место в современных условиях, значительный удельный вес занимают административные проступки, которые нарушают общеобязательные правила профилактического характера в различных сферах государственного управления, установленные в интересах государства и граждан: ох-

рана общественного порядка, в том числе безопасность движения транспорта и пешеходов; санитарное и противозидемическое состояние населенных пунктов; паспортная система, безопасность ведения работ в промышленности и строительстве; карантинные правила и др.

Несмотря на то, что административные правонарушения не преследуются в уголовном порядке, эти деяния, будучи антиобщественными, причиняют определенный вред социалистическим общественным отношениям, нормальному функционированию государственных и общественных органов, интересам граждан. Поэтому усиление борьбы с ними приобретает актуальное значение.

Средства борьбы с административными правонарушениями многообразны. Они выражаются как в правовых, так и неправовых формах. К числу последних относятся многие организационные, воспитательные меры, проводимые государственными и общественными органами по доведению до сведения и разъяснению трудящимся различных общеобязательных правил, освещению их содержания в печати, по радио и телевидению. Большая воспитательная работа проводится, например, среди различных слоев населения по разъяснению условий безопасности движения транспорта и пешеходов. Становится массовым добровольное исполнение общеобязательных норм в силу роста сознательности советских людей. В этих условиях правовые средства борьбы с административными проступками, оставаясь необходимыми, приобретают вспомогательный характер.

Однако значение правовых средств борьбы с правонарушениями в развитом социалистическом обществе еще очень велико. И чем более совершенными становятся эти средства, тем эффективнее они воздействуют на поведение должностных лиц и граждан. Поэтому упорядочение и совершенствование законодательства о борьбе с административными правонарушениями ввиду его значительного объема и разбросанности источников уже давно является насущной потребностью, необходимой предпосылкой усиления эффективности правовых средств борьбы с правонарушениями.

В последние годы были предприняты определенные шаги в этом направлении. Наиболее важный из них — принятие Президиумом Верховного Совета СССР 21 июня 1961 г. указа «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» и соответствующих нормативных актов в союзных республиках. Как известно, Указ детально урегулировал многие вопросы установления административной ответственности в виде штрафа и применения этого вида взыскания. В последующие годы на основе Указа в целях усиления борьбы с некоторыми административными проступками законодательство об административной ответственности подверглось существенным дополнениям и изменениям.

Рассмотрим основные направления развития законодательства о борьбе с административными проступками в различных отраслях государственного управления.

В сфере хозяйственных отношений урегулированы многие во-

просы применения мер административного воздействия за нарушение общеобязательных правил, действующих в промышленности и энергетике, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте, в дорожном хозяйстве и связи, в торговле, а также природоохранительных правил.

В области промышленности введена ответственность должностных лиц, виновных в неоднократном нарушении правил, норм и инструкций по безопасному ведению работ в отраслях промышленности и на объектах, подконтрольных органам госгортехнадзора [см.: 8, ст. 48]. В интересах усиления борьбы с расточительным расходованием электрической и тепловой энергии установлена административная ответственность должностных лиц — руководителей, главных инженеров предприятий, начальников цехов и др. [см.: 6, ст. 106]. Определяется административная ответственность должностных лиц и граждан за нарушения Правил охраны высоковольтных электрических сетей и Правил охраны электрических сетей напряжением до 1 тыс. вольт, которые привели к повреждению электрических сетей [см.: 24, ст. 133], а также за нарушение правил пользования газом [см.: 44, ст. 71].

В области строительства в союзных республиках повышается роль государственного архитектурно-строительного контроля в обеспечении соблюдения строительных правил. В частности, в УССР предусматривается, что указания и требования должностных лиц органов государственного архитектурно-строительного контроля, даваемые руководителям строительных и проектных организаций и предприятий промышленности строительных материалов, являются обязательными для выполнения независимо от их ведомственной подчиненности [см.: 42, ст. 63; 51, ст. 117]. Приводятся в соответствие с Указом Президиума Верховного Совета УССР от 15 декабря 1961 г. нормативные акты об административной ответственности должностных лиц, виновных в систематических и грубых нарушениях утвержденных проектов планировки и застройки городов, правил и технических условий выполнения строительно-монтажных работ, ГОСТов и технических условий изготовления строительных конструкций, деталей, изделий и материалов [см.: 43, ст. 6; 50, ст. 63], а также должностных лиц и граждан за самовольную застройку в городах, поселках городского типа и сельской местности [см.: 47, ст. 59].

В области сельского хозяйства в дополнение к ранее установленной ответственности за погрывы посевов в колхозах и совхозах и за нарушение мероприятий по карантину растений в союзных республиках определяются административно-правовые меры по борьбе с сорняками [см.: 18, ст. 204]. В декабре 1967 года вводится в действие новый Ветеринарный устав СССР, предусматривающий административную ответственность за нарушение ветеринарно-санитарных правил, в частности, правил по карантину животных, а также решений местных Советов депутатов трудящихся и их исполкомов по вопросам борьбы с эпизоотиями [см.: 35, ст. 1].

На транспорте — железнодорожном, морском и воздушном —

в общесоюзном масштабе, а на речном — в союзных республиках в 1963 г. определяется перечень нарушений, за которые могут налагаться штрафы в административном порядке, и система органов, правомочных применять это взыскание [см.: 33, ст. 6; 48, ст. 106]. В республиках устанавливается ответственность за нарушение правил пользования пассажирским автомобильным транспортом и электротранспортом [см.: 52, ст. 33]. Правительством СССР утверждается перечень нарушений правил движения по улицам и дорогам Союза ССР, влекущих наложение штрафов в административном порядке [см.: 34, ст. 193]. В 1968 г. серьезно усиливается административная ответственность за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами. В УССР, например, было установлено, что водители транспортных средств — автотранспорта, городского электротранспорта, тракторов и других самоходных машин — за управление ими в состоянии опьянения подлежат штрафу и лишаются права на управление транспортными средствами на срок до двух лет [см.: 20, ст. 272; 27, ст. 110].

В области природоохранительной деятельности в соответствии с Основами земельного законодательства Союза ССР и союзных республик существенно усиливается государственный контроль за использованием земель [см.: 37, ст. 71]. В общесоюзном масштабе устанавливается административная ответственность должностных лиц и граждан, виновных в нарушении земельного законодательства — в порче сельскохозяйственных и других земель, в несвоевременном возврате временно занимаемых земель и пр. [см.: 10, ст. 165]. Вводятся в действие новые правила пожарной безопасности в лесах СССР [см.: 38, ст. 89] и усиливается административная ответственность за их нарушение [см.: 11, ст. 257]. Усиливается она также за нарушение правил рыболовства и охраны рыбных запасов в водоемах СССР и за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря [см.: 5, ст. 202; 15, ст. 161]. В союзных республиках в соответствии с их законами об охране природы учреждается Государственный контроль по охране почв и защитных лесонасаждений [см.: 46, ст. 126] и вводится административная ответственность за нарушение правил охраны и использования водных ресурсов, а также водоемов колхозов, совхозов и подсобных хозяйств [см.: 45, ст. 94; 49, ст. 65]. В целях усиления борьбы с нарушениями правил охоты и улучшения охраны полезных диких зверей и птиц в охотничьих угодьях усиливается ответственность за нарушение этих правил, устанавливается ответственность за незаконную скупку, продажу и переработку шкурок пушных зверей, добытых охотой [см.: 25, ст. 172]. Устанавливается или повышается административная ответственность за нарушение общеобязательных правил, действующих в области торговли, дорожного хозяйства и связи [см.: 9, ст. 108; 21, ст. 284; 36, ст. 104; 39, ст. 85].

Таким образом, важнейшая тенденция в развитии законодательства о борьбе с административными правонарушениями в сфе-

ре хозяйственных отношений в современных условиях состоит в установлении или усилении административной ответственности, прежде всего, должностных лиц за нарушение ряда общеобязательных правил. В целях повышения оперативности в применении мер воздействия расширяется круг органов, пользующихся правом непосредственного наложения административных взысканий. В новых нормативных актах последовательно проводится принцип недопущения наложения штрафов в административном порядке на учреждения, предприятия и организации. Все это отвечает партийным директивам о всемерном народном укреплении государственной дисциплины во всех звеньях народного хозяйства, о строгом соблюдении социалистической законности в хозяйственных отношениях, о повышении ответственности каждого хозяйственного руководителя за бережное и разумное использование природных и материальных ресурсов [см.: 2, с. 298].

Существенным дополнениям и изменениям подверглась система и содержание нормативных актов, регулирующих административную ответственность в области охраны государственной безопасности и общественного порядка. Определена административная ответственность за контрабанду валюты или валютных ценностей, совершенную пассажирами, следующими через государственную границу СССР [см.: 12, ст. 321]. Усиливается административная ответственность за мелкое хулиганство и злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работников милиции и народных дружинников [см.: 4, ст. 83; 7, ст. 59], за нарушение мер борьбы против пьянства и алкоголизма [см.: 23, ст. 221]. В августе 1974 г. Правительством СССР утверждается Положение о паспортной системе в СССР, предусматривающее административную ответственность за нарушение правил паспортной системы [см.: 40, ст. 109]. В союзных республиках устанавливается административная ответственность за нарушение правил пожарной безопасности и правил приобретения, учета, хранения и пользования охотничьими ружьями и боеприпасами к ним [см.: 48, ст. 107]. В Украинской ССР вводится административная ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества и за изготовление или хранение самогона и аппаратов для его выработки [см.: 26, ст. 78; 28, ст. 340].

Как видим, административная ответственность граждан в сфере охраны общественного порядка расширена, что вызвано необходимостью его дальнейшего укрепления и усиления роли закона в воспитании трудящихся в духе точного и неуклонного исполнения общеобязательных норм, бережного отношения к социалистической собственности, честного отношения к государственному и общественному долгу, соблюдения правил социалистического общежития. За отдельные наиболее серьезные проступки (мелкое хулиганство, злостное неповиновение законному распоряжению работника милиции или народного дружинника) допускается применение административного ареста, исправительных работ как меры административного воздействия или штрафа в повышенном размере.

Вместе с тем, законодательным путем усиливается охрана прав, чести и достоинства граждан, их здоровья.

Одним из основных направлений развития законодательства о борьбе с административными проступками является расширение правового регулирования порядка производства по делам об административных нарушениях. Наряду с республиканскими положениями об административных комиссиях, закрепляющими правила рассмотрения дел об административных проступках [см.: 17, ст. 609; 29, ст. 166], вводятся в действие ряд новых общесоюзных и республиканских нормативных актов. Они предусматривают последовательный процесс подготовки и рассмотрения отдельных категорий дел об административных нарушениях (о мелком хулиганстве, о нарушениях правил дорожного движения, ветеринарных правил и пр.), применение взысканий (административного ареста, исправительных работ, конфискации и пр.), исполнение постановлений о мерах административного воздействия, а также их обжалование [см.: 7, ст. 595—596; 20, ст. 272; 32, с. 155—160].

Вырабатывается система административно-процессуальных норм, охватывающая в комплексе порядок применения норм материального административного права. Все это направлено на обеспечение более эффективной борьбы с административными проступками и усиление ее воспитательного значения, установление виновных и правильное применение законодательства об ответственности с тем, чтобы к каждому, совершившему административное нарушение, были применены справедливые меры административного воздействия.

Развитие законодательства о борьбе с административными проступками в современных условиях идет по пути закрепления более широкого и эффективного участия общественности во всех стадиях производства по делам об административных нарушениях и работе по их предупреждению и пресечению. Усилились коллегиальные начала при рассмотрении этих дел, повсеместно созданы административные комиссии и комиссии по делам несовершеннолетних с вхождением в их состав депутатов и представителей общественности. Широкими полномочиями по рассмотрению административных проступков наделены товарищеские суды. Органам, применяющим взыскания, предоставлено право вместо наложения штрафа передать материал в отношении нарушителя в товарищеский суд или общественную организацию для применения мер общественного воздействия и т. п. Для расширения участия общественности в борьбе с административными проступками исключительно важное значение имеют мероприятия ЦК КПСС и Совета Министров СССР по дальнейшему совершенствованию деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка и закрепление их основных обязанностей и прав [см.: 41, ст. 67].

Один из важнейших факторов усиления борьбы с административными проступками в современных условиях, как уже было сказано, состоит в дальнейшем совершенствовании законодательства об административной ответственности и, прежде всего, в его систе-

матизации. Изданные в последние годы инкорпорированные сборники нормативных актов об административной ответственности в УССР [см.: 30], БССР [см.: 31], РСФСР [см.: 32] и других союзных республиках отчасти способствуют более правильному применению законодательства в указанной области. Однако инкорпорация правовых норм, делая их более доступными, не затрагивает их содержания.

Пересмотр норм по существу, отмена устаревших норм, не отвечающих назревшим потребностям общественного развития, создание новых, более совершенных — это задача кодификации законодательства, которая решается в области административного права очень медленно уже в течение многих лет. Первые публикации, в которых теоретически разрабатывались проблемы кодификации административного законодательства, в частности, регулирующего административную ответственность, появились еще в конце 50-х годов. Полезное обобщение высказанных по этой проблеме взглядов было проведено на расширенном заседании Ученого совета Всесоюзного научно-технического института советского законодательства в 1965 году [см.: 53, с. 3—33].

В результате усилий ученых и практиков поручение Правительства СССР о подготовке проекта Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административной ответственности¹ было выполнено. В течение последних лет также активизировалась работа по подготовке проекта нового Административного кодекса Украинской ССР, в частности, тех его разделов, которые регулируют административную ответственность. Таким образом, в настоящее время сложились реальные предпосылки для принятия новых кодифицированных законодательных актов в рассматриваемой области. В связи с этим позволим себе высказать некоторые суждения, касающиеся содержания будущих законов.

Представляется, что в Основах следует закрепить получившее единодушное признание в ходе дискуссий определение понятия административного проступка; круг органов, устанавливающих административную ответственность, и круг органов, полномочных налагать административные взыскания; основные правила производства по делам об административных проступках.

Вместе с тем в Основах целесообразно, на наш взгляд, закрепить и меры пресечения административных проступков, такие, как: требование прекратить проступок; привод и официальное предостережение; административное задержание; принудительное лечение; временное отстранение от выполнения определенных работ; изъятие документов; задержание и арест имущества; приостановление работ и временное запрещение эксплуатации объектов и другие аналогичные меры, которые, не будучи мерами взыскания, непосредственно связаны с проступками, позволяют их предотвратить, а в необходимых случаях, служат средствами обеспечения применения мер административной ответственности. Заметим, что по-

¹ В дальнейшем будем называть Основы.

следние варианты проекта нового Административного кодекса УССР содержат меры административного пресечения. Практическая нужда в их законодательном урегулировании несомненна.

В настоящее время урегулированы законом лишь доставление в милицию и задержание лиц, совершивших административные правонарушения, в целях пресечения нарушений, а также для установления личности нарушителя и составления протокола (акта) о нарушении [см.: 13, ст. 309]. Нуждаются в законодательном урегулировании и все иные меры пресечения, что будет способствовать и целям профилактики административных проступков. Это особенно важно, если учесть, что в отличие от мер административного взыскания, применяемых лишь к физическим лицам, некоторые меры пресечения (снос самовольно выстроенных сооружений; приостановление работ; запрещение эксплуатации объектов и пр.) в административном порядке применяются и к организациям.

В Основах и законодательных актах союзных республик об административной ответственности, которые могут иметь форму Административного кодекса (УССР) или Кодекса об административной ответственности, принципиальным моментом является, на наш взгляд, закрепление того положения, что нормы об административной ответственности могут устанавливаться лишь законами СССР и союзных республик, а также указами Президиумов Верховных Советов союзных республик. Включение в проекты Основ и кодексов положений о том, что административную ответственность правомочны устанавливать Правительство СССР и правительства республик, ослабляет стабильность законодательства об административной ответственности, которое должно формироваться аналогично законодательству о других видах правовой ответственности — уголовной, гражданско-правовой и дисциплинарной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1962. 144 с.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971. 320 с.
3. Брежнев Л. И. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 14 июня 1974 г. М., Госполитиздат, 1974. 25с.
4. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1962, № 8.
5. Там же, 1964, № 14.
6. Там же, 1965, № 13.
7. Там же, 1966, № 30.
8. Там же, 1968, № 7.
9. Там же, 1970, № 13.
10. Там же, 1970, № 20.
11. Там же, 1971, № 25.
12. Там же, 1971, № 31.
13. Там же, 1973, № 24.
14. Там же, 1974, № 12.
15. Там же, 1974, № 10.
16. «Ведомости Верховного Совета УССР», 1961, № 25.
17. Там же, 1961, № 53.
18. Там же, 1962, № 18.
19. Там же, 1967, № 5.
20. Там же, 1968, № 41.
21. Там же, 1968, № 43.

22. Там же, 1970, № 15.
23. Там же, 1972, № 26.
24. Там же, 1973, № 18.
25. Там же, 1973, № 20.
26. Там же, 1973, № 11.
27. Там же, 1973, № 15.
28. Там же, 1973, № 40.
29. «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1962, № 3.
30. Законодавство про адміністративну відповідальність. Київ, Політвидав України, 1969. 340 с.
31. Сборник законодательных актов об административной ответственности. Минск, «Беларусь», 1970. 323 с.
32. Сборник законодательных и нормативных актов об административной ответственности. М., Изд-во «Правда», 1972. 318 с.
33. СП СССР, 1963, № 1.
34. Там же, 1963, № 19.
35. Там же, 1968, № 1.
36. Там же, 1969, № 18.
37. Там же, 1970, № 9.
38. Там же, 1971, № 12.
39. Там же, 1972, № 16.
40. Там же, 1974, № 19.
41. Там же, 1974, № 12.
42. СП УССР, 1961, № 4.
43. Там же, 1962, № 1.
44. Там же, 1962, № 5.
45. Там же, 1962, № 7.
46. Там же, 1962, № 9.
47. Там же, 1963, № 7.
48. Там же, 1963, № 10.
49. Там же, 1964, № 5.
50. Там же, 1964, № 4.
51. Там же, 1964, № 8.
52. Там же, 1968, № 3.
53. «Учен. зап. Вsesоюз. науч.-ислед. ин-та сов. законодательства». Вып. 5. М., 1965. 250 с.

Н. Н. Страх ов, д-р юрид. наук
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОНФЕДЕРАЦИИ

Теоретическому анализу понятия конфедерации в нашей юридической литературе отводится незначительное место. Обычно, рассматривая формы государственного устройства, авторы выделяют унитарное, или единое, и федеративное, или сложное, государство. Унитарное государство характеризуется полным политическим единством, наличием общих для всей страны высших органов власти и управления [см.: 10, с. 78]. Федеративное государство — это «соединенное, союзное государство, т. е. государство сверх и наряду с теми, которые входят в его состав» [10, с. 78]. Следовательно, оно состоит из нескольких государств или государственных образований, располагающих своими законодательными, исполнительными и, как правило, судебными органами [см.: 8, с. 239]. Вследствие этого в федеративном государстве осуществление государственного суверенитета распределено между высшими органами власти для всей страны и высшими органами власти государств, входящих в федерацию [см.: 9, с. 54; 11, с. 74—75].

Что касается конфедерации, то она упоминается в таких случаях лишь как противопоставление федеративному государству. От федерации, являющейся союзным государством, надо отличать конфедерацию, представляющую собой союз государств, — таков исходный пункт в определении сущности конфедерации [см.: 8, с. 240; 11, с. 75]. Развивая это положение, авторы указывают, что постоянный союз государств в виде конфедерации создается для «определенных целей», и поэтому его органы ведают строго определенными вопросами. В качестве целей в большинстве случаев они называют внешнеполитические и военные [см.: 8, с. 240; 14, стб. 861], хотя иногда этот перечень значительно расширяется включением дипломатических, экономических и др. [см.: 11, с. 75]. Во всех остальных вопросах государства члены конфедерации сохраняют независимость. Таким образом, конфедерация чаще всего определяется как «союз государств, сохраняющих свою независимость и объединяющихся лишь для координации действий в определенных целях, преимущественно внешнеполитических и военных» [14, стб. 861].

Стремясь расширить это определение, сделав его более конкретным, ученые обычно выделяют дополнительные признаки, отличающие конфедерацию от федерации. Отмечают, например, специфику работы органов конфедерации: их решения «принимаются по принципу единогласия, подлежат осуществлению только с согласия органов власти соответствующего государства» [13, с. 78] и «вступают в силу после их ратификации всеми или квалифицированным большинством членов конфедерации» [8, с. 240], субъекты конфедерации обладают правом «отмены акта, принятого органом конфедерации» [12, с. 224] и т. д. Иногда подчеркивают отсутствие у конфедерации единой территории, так как «здесь имеются территории отдельных государств, вступивших в союз», единого гражданства, поскольку сохраняется гражданство каждого отдельного государства [см.: 12, с. 223]. Указывают, что в конфедерации нет единых вооруженных сил и единой налоговой системы [см.: 13, с. 78]. Финансовые средства конфедерации складываются из взносов входящих в нее государств. В качестве особенностей называют и правовую форму закрепления государственных связей: создание федерации оформляется конституцией, а конфедерации — заключением договора между государствами [см.: 12, с. 223].

Включение в понятие конфедерации такого рода признаков, отличающих ее от федерации, хотя и расширяет значительно само определение, но все же оставляет много неясного, не дает четкого ответа на ряд существенных вопросов:

1. Можно ли рассматривать конфедерацию как государственное образование, наиболее слабую форму государственного союза? В литературе высказаны самые разнообразные мнения. Одни авторы считают конфедерацию непрочным государственным образованием [см.: 9, с. 54], предшественником, как правило, федерации [см.: 13, с. 78]. Другие же — отмечают, что это не государственный, а, скорее, международно-правовой союз [см.: 15, с. 56], международно-

правовое объединение, так как новое государство здесь не образуется [см.: 12, с. 223].

2. В чем заключается специфика структуры и порядка формирования органов конфедерации?

3. Каковы цели создания конфедерации: военные и внешнеполитические или экономические? В чем содержание конфедерации?

Вопросы эти постоянно возникают в процессе исторических исследований, при характеристике тех или иных связей и взаимоотношений между государствами. Наглядным примером могут служить разногласия в оценке Статей конфедерации США 1781 г. В одном случае их рассматривают как международно-правовой договор об образовании союза тринадцати независимых штатов, так как только с принятием конституции США 1787 г. было создано единое союзное государство [см.: 15, с. 56—57]. В другом — утверждают, что США уже с 1776 г. начали существовать самостоятельно в качестве нового государства — республики с конфедеративным устройством [см.: 16, с. 524, 528]. Различно определяют хронологические рамки существования конфедерации в США: 1776—1787 гг., 1781—1787 гг., 1781—1789 гг. и т. д. [см.: 12, с. 223; 13, с. 78; 14, стб. 861]. Совершенно по-разному излагают в литературе и переход от конфедерации к федерации в США. И это не случайно. Ведь если строго следовать приведенному выше определению конфедерации, то придется признать, что вплоть до 1789 г. или даже до 1791 г. единого самостоятельного государства в виде Соединенных Штатов Америки не существовало, а были лишь отдельные штаты — Пенсильвания, Виргиния, Нью-Гемпшир и др., вступившие в международно-правовой союз.

Неясности возникают и при изучении истории Швейцарии, бывшей до 1848 г. конфедерацией.

Чтобы разрешить такого рода противоречия, следует, очевидно, обратиться к истории наиболее известных конфедераций, определить их сущность и своеобразие, а затем сопоставить теоретические определения с конкретно-историческим материалом.

Какие же конфедерации встречались в истории? К их числу обычно относят: Швейцарию (1291—1798 гг. и 1815—1848 гг.), Республику Соединенных Провинций (1579—1795 гг.), возникшую в ходе нидерландской буржуазной революции XVI в., Германский союз (1815—1866 гг.), Соединенные Штаты Америки (1776—1787 гг.). Иногда называют еще Рейнскую конфедерацию (1254—1350 гг.) и Ганзейскую Лигу (1367—1669 гг.). Рассмотрение этого перечня показывает, что конфедерация была свойственна феодальной эпохе и началу капитализма. То, что основные черты конфедерации сложились в условиях феодализма, и предопределило ее сущность.

Наглядное представление о содержании конфедерации в условиях феодального общества дает история Швейцарии. Здесь основание конфедерации положил договор 1291 г. трех кантонов Швейцарии, представители которых в 1307 г. поклялись быть верными союзу в совместной борьбе против австрийского владычества. Ко-

личественный рост членов союза не менял его сущности. Вплоть до середины XIX в. Швейцария представляла собой пестрый конгломерат суверенных кантонов, связанных лишь внешнеполитическими интересами. В соответствии с союзной конституцией 1815 г. во главе находился Союзный сейм, собиравшийся поочередно в трех главенствующих кантонах. В нем были представители 22 суверенных кантонов с императивными мандатами. Слабость Союзного сейма и суверенность кантонов все больше вступали в противоречие с потребностями развивающейся буржуазии. Конфедерация в этих условиях превращалась в оплот феодально-патриархальных порядков. «Суверенность кантонов, наиболее подходящая политическая форма для *старой* Швейцарии,— писал Ф. Энгельс,— стала для буржуа тяжелыми оковами» [1, с. 465]. Пересмотр союзной конституции в 1848 г. обеспечил верховенство центральной власти [см.: 1, с. 464], превратив Швейцарию в федеративную республику, создал условия для успешного экономического развития страны.

Подобную роль играл и Германский союз, созданный в 1815 г. В его состав вошли 34 независимых государства и 4 вольных города. Членами Германского союза были и три иностранных монарха — английский, голландский и датский короли — в качестве владетелей (соответственно) Ганновера, Люксембурга и Гольштейна. Это была конфедерация государств, между которыми не было органической связи. Органом Германского союза являлся Союзный сейм, который состоял из представителей государств, назначаемых исключительно правительствами. Равенства между членами союза не было. На пленарных заседаниях они располагали различным количеством голосов. Председательствовал на собраниях союза австрийский делегат. Союзный сейм не обладал реальной властью, его решения практически не были обязательны для членов союза. Германский союз не имел ни единого законодательства, ни собственных вооруженных сил, ни общих финансов, ни общего дипломатического представительства. Основная его цель — сплочение правительств германских государств для подавления революционно-го и национально-освободительного движения.

Анализ этих наиболее крупных и развитых феодальных конфедераций раскрывает их основную черту. В условиях феодализма, когда не было экономических связей и экономического объединения, конфедерация вынуждена была ограничиваться внешнеполитическими или военными целями, а в силу этого ее органы не могли располагать прямой властью над вполне самостоятельными государствами или государственными образованиями, вступившими в подобное объединение. И принятое ныне определение конфедерации вполне соответствует характеру этих феодальных объединений. В тех условиях конфедерация действительно представляла собой союз государств, объединяющихся лишь для координации своих действий в определенных (внешнеполитических или военных) целях.

Несоответствие данного определения реальной действительности обнаруживается применительно к конфедерациям, существовав-

шим на ранней стадии развития капитализма (Нидерланды XVI—XVIII вв., США). Конфедеративная форма межгосударственных связей в новых условиях приобрела многие новые черты по сравнению с феодальными союзами. Поэтому определение, принятое в нашей литературе, не отражает полностью их содержания.

В этом смысле очень показателен анализ Статей конфедерации США 1781 г. [см.: 7, с. 171—178]. Стремление штатов сохранить только что завоеванную независимость, расхождение и недоверие между северными и южными штатами — все это отразилось на характере названного документа. Внешне этот союз принял форму прежних феодальных конфедераций. Штаты сохраняли «свое верховенство, свою свободу и независимость, равно, как всю власть, всю юрисдикцию и все права, которые не предоставлены этой конфедерацией Соединенным Штатам, собравшимся на конгресс» (ст. II). Верховным органом конфедерации считался конгресс, состоявший из делегаций тринадцати штатов, ежегодно избираемых законодательными собраниями штатов. В период между сессиями конгресса делами союза ведал комитет штатов, в состав которого входило по одному делегату от каждого штата (ст. V, IX). В то же время конгрессу принадлежало «исключительное право разрешать вопросы касательно войны и мира», только конгресс имел право отправлять и принимать послов, заключать трактаты и союзы, назначать всех должностных лиц сухопутной армии, находящейся на службе Соединенных Штатов (кроме полковых офицеров), назначать всех должностных лиц для военного флота, руководить военными действиями, делать займы от имени Соединенных Штатов и т. д. (ст. IX). Кроме этого, конгрессу было предоставлено исключительное право «устанавливать норму для весов и мер во всех Соединенных Штатах», учреждать и регулировать почтовые сообщения между различными штатами (ст. IX). Жители каждого штата имели право свободно въезжать в другие штаты и выезжать, пользоваться там наравне с местными жителями промышленными и торговыми привилегиями (ст. IV). Следовательно, конгрессу были предоставлены весьма большие полномочия. Трудности заключались в ином. Конгресс не имел достаточно сильных органов для исполнения его решений и принуждения штатов их выполнять. У конгресса не было средств для проведения намеченных мероприятий, серьезно сказывалось отсутствие единой союзной денежной системы и т. д. Но несмотря на все эти слабости, конфедерация США представляла собой форму государственно-правового союза, шаг по пути создания союзного государства.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы.

1. Конфедерация существовала и в период феодализма, и на ранней стадии развития капитализма. Но ее основные черты сложились в условиях феодального общества. Это и предопределило особенности конфедерации, в частности, отсутствие социально-экономических связей в таком союзе.

2. Имеется определенное своеобразие в структуре и порядке формирования органов конфедерации. По замечанию Ф. Энгельса,

одно из отличий союзного государства от унитарного заключается в том, что в первом «рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует как таковой, независимо от того, велик он или мал» [2, с. 239]. Но в таком случае можно сказать, что в конфедерации создается только одна палата — палата представителей от государств. Эта черта становится хорошо заметной при переходе от конфедерации к федерации. Превращение, например, Швейцарии в 1848 г. в федерацию отразилось в структуре союзных органов. Вместо существовавшего ранее Союзного сейма были созданы две палаты: Национальный совет, избираемый населением, и Совет кантонов — несколько подновленный по сути Союзный сейм периода конфедерации.

3. Основная сфера деятельности конфедерации, ее содержание — военное дело и внешняя политика. В силу этого конфедерация лишь частично объединяет деятельность входящих в ее состав государств. Поэтому даже в условиях буржуазного общества конфедерация могла обеспечить только очень слабое единство своих составных частей.

Основываясь на этих положениях, можно определить конфедерацию следующим образом. Конфедерация — одна из форм межгосударственных связей. В условиях феодализма она представляет собой постоянный союз государств для координации внешнеполитической и военной деятельности. В условиях буржуазного общества — становится одной из первоначальных форм государственно-правового объединения. Содержание конфедерации — военное дело и внешняя политика. Конфедеративные органы формируются только из представителей государств, входящих в этот союз. Уделяя должное внимание конфедеративной форме (структуре и порядку формирования союзных органов), следует признать, что определяющее значение имеет содержание конфедерации. Лишь при таком подходе появляется возможность уяснить характер союзных отношений между государствами, определить сущность различного рода государственных союзов.

С этой точки зрения интересно рассмотреть историю сотрудничества и объединения советских республик, выяснить характер связей, существовавших между ними до образования СССР.

Можно ли оценивать их в качестве конфедеративных, допускать существование в какое-то время конфедерации советских республик [см.: 17, с. 3, 6, 47—48]? Нет, потому что с первых дней существования советских республик их связи выходили далеко за рамки конфедеративного союза, имея в своей основе тесное хозяйственное сотрудничество. Уже в «первые послеоктябрьские годы, — отмечал товарищ Л. И. Брежнев, — сложился тесный политический, военный, хозяйственный, дипломатический союз всех существовавших тогда советских республик» [5, с. 5].

В июне 1920 г. В. И. Ленин характеризовал связи между советскими республиками как федеративные, подчеркивая, что федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность [см.: 3, с. 164]. Поэтому В. И. Ленин возражал против употребления наряду

с понятием «федерация» понятия «конфедерация» как формы взаимоотношений советских социалистических республик. Он писал: «Федеративное объединение — как форма перехода к полному единству.

Опыт РСФСР: конкретный учет содержания федерации (железные дороги, почта, военное дело, народное хозяйство и пр.)» [4, с. 438]. А позже, в период образования СССР, В. И. Ленин решительно выступил против ошибочной тенденции — ограничиться чем-то вроде конфедерации, не создавая единых общегосударственных органов, наделенных большими полномочиями.

Характерным примером может служить и история объединения советских республик Закавказья.

12 марта 1922 г. на полномочной конференции представителей советских республик Азербайджана, Армении и Грузии был подписан союзный договор [см.: 6, с. 358—359] о том, что они «вступают между собой в тесный военный, политический и экономический союз». В соответствии с этим договором высшей властью союза являлась Полномочная конференция представителей, избираемых в равном числе правительствами Азербайджана, Армении и Грузии (ст. 1), а его исполнительным органом — Союзный Совет, члены которого избирались и отзывались конференцией (ст. 2). Таким образом, по своей структуре и способу формирования органы этого союза внешне напоминали конфедеративную форму. Однако по содержанию союза здесь совершенно отчетливо проявились характерные черты федерации. В ведение Союзного Совета переходили не только военные дела и иностранная политика, но также финансы, внешняя торговля, пути сообщения, народная связь, борьба с контрреволюцией и руководство экономической политикой на территориях договаривающихся республик (ст. 3). В связи с этим в республиках, которые подписали союзный договор, соответствующие народные комиссариаты (за исключением ЧК) упразднялись. При Союзном Совете на правах постоянной комиссии был создан также Высший Экономический Совет для руководства экономической политикой республик и установления единого для них хозяйственного плана (ст. 6, 8). Все это говорит о том, что определение данного союза в качестве федеративного полностью соответствует сущности этого объединения.

Следовательно, отношения между советскими республиками уже с момента их появления складывались как федеративные, завершившись в 1922 г. созданием СССР — единого союзного государства.

Возникает, наконец, и такой вопрос: исчерпала ли себя конфедерация, возможно ли ее появление в будущем? В настоящее время конфедеративных объединений нет. Но для стран, освободившихся от колониальной зависимости, где в силу тех или иных обстоятельств нет пока еще условий для установления прочного единства, конфедерация может оказаться перспективной формой как первый шаг на пути их объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Движения 1847 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 460—470.
2. Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22, с. 227—243.
3. Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.— Полн. собр. соч. Т. 41, с. 161—168.
4. Ленин В. И. Материалы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Полн. собр. соч. Т. 41, с. 437—461.
5. Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1972. 64 с.
6. История Советской конституции (в документах). 1917—1956. М., Госюриздат, 1957. 1046 с.
7. Конституции и законодательные акты буржуазных государств (XVII—XIX вв.). Сборник документов. М., Госюриздат, 1957. 587 с.
8. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., «Юрид. лит.», 1970. 624 с.
9. Основы теории государства и права. М., «Юрид. лит.», 1971. 406 с.
10. Теория государства и права. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972. 531 с.
11. Теория государства и права. М., «Юрид. лит.», 1974. 664 с.
12. Советское государственное право. М., «Юрид. лит.», 1975. 576 с.
13. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 13. М., «Сов. Энциклопедия», 1973. 608 с.
14. Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., «Сов. Энциклопедия», 1965. 1022 стб.
15. История государства и права зарубежных стран. Т. II. М., «Юрид. лит.», 1969. 488 с.
16. Всемирная история. Т. V. М., Изд-во социально-экон. лит., 1958. 782 с.
17. Палиенко Н. И. Конфедерации, федерации и Союз Социалистических Республик. Гос. изд-во Украины, 1923. 72 с.

А. Д. Постовой, канд. юрид. наук

РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОГО СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОРГАНАХ ДОЗНАНИЯ

Полное искоренение преступности в СССР — одна из задач, поставленных Программой КПСС. «Уважение к праву, к закону, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС, — должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа» [2, 8].

Огромную роль в разрешении этих задач призваны сыграть органы, ведущие борьбу с преступностью, прежде всего, суд, прокуратура, следственный аппарат и органы дознания. В обеспечении эффективности их деятельности важное значение имеет научная разработка различных сторон организации и процессуальных форм расследования и рассмотрения уголовных дел. Советская юридическая наука в настоящее время получила широкое развитие. Между тем еще недостаточно внимания уделяют в научных исследованиях проблемам организации и деятельности органов дознания в то время как к их компетенции отнесено не только предваритель-

ное расследование некоторых уголовных дел в полном объеме, но и оперативно-розыскные и неотложные следственные действия по делам, по которым предварительное следствие обязательно. Производя расследование по «горячим следам», органы дознания вносят неоценимый вклад в разрешение проблемы искоренения преступности. В связи с этим, представляется, весьма актуальной была бы серия статей о наиболее существенных сторонах дознания в советском уголовном судопроизводстве. Памятуя значение ленинского метода историзма в научных исследованиях [см.: 1, с. 67], целесообразно начать эту серию историческим очерком о развитии советского законодательства об органах дознания.

Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила все буржуазно-помещичье государство и его аппарат, в том числе и один из самых ненавистных народу, самых реакционных его органов — царскую полицию. Победа Октябрьской революции на Украине повлекла за собой установление Советской власти и на этой части бывшей царской империи. В конце декабря 1917 г. был разработан Проект инструкции Народного Секретариата Украины о компетенции и работе органов Советской власти на Украине. Проект возлагал на Секретарство по судебным делам в числе других обязанностей заведывание уголовно-розыскными отделениями и милицией. Организацией же советской милиции занимались местные Советы, ревкомы и уполномочиваемые ими лица и даже члены ЦИК Украины непосредственно. В феврале-марте 1918 г. советская милиция была организована почти во всех местностях Украины, где к этому времени победила Советская власть. Однако работа не была завершена полностью в связи с нашествием на Украину германских оккупантов. В ноябре 1918 г. началось освобождение республики от захватчиков и восстановление Советской власти, в том числе и органов милиции. С этой целью в составе НКВД УССР были организованы наряду с другими отделами Управление милиции и Управление уголовного розыска. Местные отделы милиции создавались на основании декрета Временного Рабоче-Крестьянского Правительства «Об организации власти на местах», принятого в конце 1918 г. при всех ревкомах, Советах и исполнительных комитетах. Пятого февраля 1919 г. было принято специальное постановление СНК «Об организации милиции». К ее обязанностям относилась охрана революционного порядка и личной безопасности граждан, а также борьба с уголовными преступными элементами. Милиции предоставлялось право составлять акты и протоколы о нарушениях общественного порядка, о проступках и происшествиях. Она производила неотложные следственные действия, принимала меры к задержанию преступника, оказывала необходимое содействие следственным и судебным властям. На основании постановления от 5 февраля 1919 г. в середине того же года НКВД утвердил Инструкцию по организации советской рабоче-крестьянской милиции.

Местными органами уголовного розыска являлись уголовно-следственные комиссариаты и отделы уголовного розыска, состояв-

шие в ведении исполкомов местных Советов — губернских окружных (уездных) и городских.

Декретом СНК от 18 апреля 1919 г. «Об организации судебно-уголовного розыска» органы уголовного розыска вновь были переданы в ведомство юстиции. В развитие этого декрета НКЮ принял инструкцию-положение «Об органах уголовного розыска и судебно-уголовной милиции» и ввел ее в действие с 11 мая 1919 г. На уголовный розыск возлагалась обязанность «иметь неослабное наблюдение за преступным элементом и предупреждать совершение преступлений, а также производить сыск как лиц, подозреваемых в совершении преступлений, так и предметов и следов, могущих послужить к раскрытию преступлений» (§ 49). Судебно-уголовная милиция состояла в подчинении уголовного розыска и, являясь наружным исполнительным органом, производила по его поручению отдельные следственные действия и дознание по уголовным делам в полном объеме (§ 47).

Система органов уголовного розыска по декрету от 18 апреля 1919 г. включала: а) отделение центро розыска при контрольно-следственном отделе НКЮ; б) секции уголовного розыска при местных контрольно-следственных подотделах во главе с заведующими в составе инспекторов, секретных агентов, экспертов и специалистов. При каждом уездном и городском судугрозыске состоял резерв из милиционеров, находившийся в постоянной боевой готовности и служивший реальной силой при ликвидации налетов грабителей и других преступных элементов. Он нес охрану зданий суда, арестантских помещений и выполнял конвойные обязанности (§ 44). Как отмечалось в Инструкции для народных следователей 1919 г., «взаимоотношения народного следователя и органов судебно-уголовной милиции определяются Положением об органах судебно-уголовной милиции и судебно-уголовного розыска и Инструкцией к этому положению».

Из рассмотренных актов видно, что органы уголовного розыска и судебно-уголовной милиции являлись важнейшими органами дознания и выполняли вспомогательные функции при расследовании уголовных дел, будучи подчинены и подконтрольны во всей своей розыскной деятельности народному следователю и своим вышестоящим органам.

Дальнейшее развитие органов дознания на Украине вновь было прервано нашествием белогвардейских войск Деникина.

С началом освобождения территории республики от белогвардейцев Декретом Всеукраевского комитета от 21 января 1920 г. все законы и положения белогвардейской власти были аннулированы и восстановлены в силе все декреты СНК УССР, изданные до нашествия белогвардейцев. В развитие этого Декрета Комиссия юстиции при Всеукраевском комитете циркуляром № 2 от 24 февраля 1920 г. восстановила все декреты, положения, инструкции и циркуляры по ведомству юстиции. Однако в отношении розыскных органов Всеукраевком утвердил в феврале 1920 г. новое Положение об организации уголовного розыска, которым они вновь были изъяты из

ведения НКЮ и переданы в систему НКВД. В связи с этим в мае 1920 г. была принята и новая Инструкция по уголовному розыску. Однако уголовный розыск по-прежнему осуществлял свою деятельность под непосредственным руководством и надзором следователей, контрольно-следственных подотделов и юридических отделов исполкомов. Постановлением СНК от 10 мая 1921 г. «О работе Наркомюста» было признано необходимым «учредить более строгий контроль органов следствия за уголовным розыском» (п. 5). Новая Инструкция для народных следователей от 18 июня 1921 г. установила, что народный следователь производит предварительное следствие с помощью судебно-уголовной милиции. Взаимоотношения их по-прежнему определялись указанным выше Положением и Инструкцией к нему 1920 г. Народному следователю предоставлялось право не производить предварительное следствие, если материалы дознания являлись полными, ясными и соответствующими обстоятельствам дела. Положением о местных органах юстиции от 5 октября 1921 г. на следователя было возложено, в частности, руководство деятельностью рабоче-крестьянской милиции и уголовно-розыскных органов. Устные и письменные предложения следователя являлись для них обязательными. Тем самым руководящая роль следователя была распространена на деятельности всех видов милиции.

В 1922 г. Управлением милиции и Укрцентррозыском была издана специальная Инструкция о порядке производства дознания, представлявшая акт уголовно-процессуального права огромной важности. Она регулировала порядок производства дознаний по всем отнесенным к ведению милиции и уголовного розыска делам и состояла из Общей и Особенной частей. Общие положения о производстве дознания содержались в главе 1-й, включавшей 43 параграфа. Остальные одиннадцать глав, делившиеся на пункты с литерными обозначениями, регулировали порядок производства дознания по отдельным видам преступлений. Так, глава 2-я касалась расследования дел о разбоях и грабежах; 3-я — о кражах; 4-я — о пожарах; 5-я — о преступлениях против чести и целомудрия женщин (о растлениях и изнасилованиях); 6-я — о детоубийствах; 7-я — о нанесении телесных повреждений; 8-я — о подделке денежных знаков; 9-я — о тайном винокурении; 10-я — о скоропостижно умерших и найденных телах; 11-я — о сопротивлении и неповиновении властям и, наконец, 12-я — о самоубийствах.

К общим положениям Инструкция относил правила допроса свидетелей, подозреваемых, потерпевших, производства осмотров, обысков, выемок, освидетельствований и других следственных действий. Наряду с этим она содержала указание о том, что даже «в обстоятельствах, не терпящих отлагательства... формальных допросов ни свидетелям, ни обвиняемым представители уголовно-розыскной милиции не делают, за исключением случаев, когда потерпевшему лицу грозит опасность для жизни, например: тяжелые ранения, отравления и т. п.» (§ 20).

Уголовно-Процессуальный Кодекс 1922 г. установил перечень органов дознания, определил их задачи, характер взаимоотношений со следователем, прокурором, судом, подробно регламентировал порядок их деятельности. Органами дознания являлись: 1) милиция и уголовный розыск, 2) Государственное Политическое Управление (ГПУ), а также податная, продовольственная, санитарная, торговая, трудовая инспекция по делам, отнесенным к их ведению, и 3) правительственные учреждения и должностные лица по делам о проступках, подлежащих дисциплинарному взысканию (ст. 102 УПК). Основными из них были милиция, уголовный розыск и ГПУ.

На органы дознания возлагалась обязанность «сохранения следов преступления и пресечения подозреваемому возможности скрыться» (ст. 103 УПК). По делам о преступлениях, за которые законом предусматривалось наказание до трех лет лишения свободы, органы дознания производили расследование в полном объеме. Те из них, по которым виновному грозило лишение свободы до одного года, направлялись непосредственно в суд, а остальные — прокурору, которому и принадлежало право дальнейшего его направления (ст. 107 УПК). Если дознанием не были установлены виновные или в деянии отсутствовали признаки состава преступления, материалы направлялись прокурору для прекращения.

О преступлениях, по которым предварительное следствие являлось обязательным, органы дознания в течение суток обязаны были сообщить следователю и прокурору (ст. 101), ограничиваясь «опросами» подозреваемых и свидетелей. Только при наличии оснований опасаться, что следы преступления и вещественные доказательства могут быть уничтожены или скрыты, они вправе были производить обыски, выемки, осмотры, освидетельствования (ст. 104), а также задержание подозреваемого (ст. 105). О всех случаях задержания подозреваемого орган дознания сообщал суду, следователю или прокурору, по принадлежности, в течение 24 часов с момента задержания. При неподтверждении ареста указанными органами в течение 48 часов с момента получения извещения арестованный освобождался.

УПК УССР 1922 г. в точном соответствии с постановлением ВУЦИК от 22 марта 1922 г. «Об упразднении ВУЧК и об организации Госполитуправления» отнес ГПУ и его органы к числу органов дознания и прав производства предварительного следствия, не предоставил (ст. 102). Однако интересы борьбы с преступностью в скором времени потребовали пересмотра этой нормы. Постановлением ВУЦИК от 20 сентября 1923 г. они были наделены правами органов предварительного следствия по некоторым категориям уголовных дел. После этого циркуляром № 12 от 1 февраля 1926 г. НКЮ разъяснил, что органы ГПУ являются по делам определенных категорий органами предварительного следствия. Постановлением от 9 июня 1926 г. ВУЦИК и СНК возложили на органы ГПУ обязанность принятия мер предупреждения и ведения на равных основаниях с другими органами дознания и следствия борьбы

срядом преступлений. Наконец, Постановлением ВУЦИК и СНК от 10 октября 1928 г. им было предоставлено право возбуждать уголовное преследование и производить дознание или предварительное следствие по делам о преступлениях контрреволюционных (ст. 54²—54¹⁴), против порядка управления (ст. 56¹⁶—56¹⁷, 56²¹—56²², 56²⁸, 67, 80, 81), должностных (ст. 97—109), хозяйственных (ст. 116—119, 126—128), имущественных (ст. 170 п. «г» и «е», 181, 182, 184, 186) и воинских преступлениях (ст. 206²⁴ и 206²⁶ УК УССР). Кроме того, они имели право производить предварительное следствие и дознание и по делам об иных преступлениях, однако, исключительно с разрешения прокурора.

Установленный УПК 1922 г. порядок производства дознания оказался неудачным во многих отношениях и в связи с этим подвергался неоднократным доработкам. Основные направления, которых они касались, относились к следующим моментам: а) круг дел, по которым дознание заменяло предварительное следствие, постепенно расширялся; б) регламентация порядка дознания в процессуальном законе становилась все более детальной; в) на органы дознания постепенно распространялась обязанность соблюдения процессуальных правил, обязательных для предварительного следствия; г) актам дознания была присвоена такая же доказательственная сила, как и актам предварительного следствия; д) непосредственный надзор за органами дознания был изъят из ведения прокуратуры и возложен на следователя.

Первоначально по указанному пути пошло законодательство РСФСР. Постановлением ВЦИК и СНК от 16 октября 1924 г. была изменена ст. 108 УПК РСФСР 1923 г. «в целях разгрузки следственного аппарата от дел о преступлениях, в силу сложности своей не нуждающихся в безусловном производстве предварительного следствия». Впоследствии она неоднократно изменялась, перечень преступлений, по которым предварительное следствие признавалось обязательным, все более сужался, а компетенция органов дознания систематически расширялась.

НКЮ УССР пошел по несколько иному пути, распространительно толкуя правило, сложившееся еще по первым актам о суде. Так, еще Инструкция для народных следователей 1919 г. говорила о том, что дознание, произведенное судебно-уголовной милицией и достаточно выяснившее дело, «следователь, не приступая к производству следствия, направляет народному судье при своем мотивированном постановлении» (ст. 71). Инструкция от 18 июня 1921 г. воспроизвела эту норму лишь в иной редакции: «Народный следователь вправе не производить следственных действий, если представленные ему акты дознания признаются им полными, ясными и соответствующими обстоятельствам дела» (ст. 7). УПК 1922 г. сохранил это правило, вменив следователю обязательное производство таких следственных действий как: 1) предъявление обвинения, 2) допрос обвиняемого, 3) составление обвинительного заключения (ст. 111), а УПК 1927 г. дополнил этот перечень ознакомлением обвиняемого с материалами дела (п. 3 ст. 107).

Исходя из этих правил НКЮ УССР циркуляром № 49 от 9 апреля 1924 г. обратил внимание следователей и судов на то, что «поступающие от органов дознания материалы часто настолько полно разъясняют дело, что производящееся затем следствие является повторением уже проведенных органами дознания действий». В целях ускорения расследования следователям рекомендовалось ограничиваться в таких случаях лишь проведением обязательных следственных действий.

Как отмечалось выше, компетенция органов дознания была существенно расширена УПК 1927 г. По многим категориям уголовных дел они производили расследование в полном объеме в таком же порядке, как и следователь. По остальным делам от следователя требовалось произвести после дознания лишь упомянутые выше четыре следственные действия. Круг дел, по которым дознание заменяло предварительное следствие, еще более расширился с принятием постановлений ВУЦИК и СНК от 8 августа 1928 г., 6—13 февраля 1929 г. и 29 сентября 1929 г. Циркуляром НКЮ от 13 декабря 1930 г. был установлен перечень дел, по которым дознание заменяло предварительное следствие, с указанием конкретных статей УК. Постановлениями ВУЦИК и СНК от 5 мая 1931 г. и 4 декабря 1932 г. правила, сформулированные в упомянутом циркуляре, были закреплены в законодательном порядке.

В результате этих мер к середине 30-х годов дознание приняли на себя основную массу расследований (до 80%). Производимое ими расследование продолжало формально именоваться дознанием. Однако производилось оно с соблюдением всех правил предварительного следствия, а функция расследования уголовных дел являлась для них, как и для следователей, не только главной, но и единственной.

Еще Постановлением от 14 августа 1928 г. СНК УССР признал необходимым выделить из состава милиции наиболее квалифицированных работников для постоянного производства дознания (прот. № 40/582). В развитие этого Постановления, НКВД и НКЮ 17 октября того же года приняли циркуляр № 67 «О выделении в окружных центрах постоянных работников для производства дознаний». Начальникам окрмилиции предлагалось выделить по согласованию с окрпрокурорами необходимое количество вполне подготовленных, наиболее квалифицированных и опытных работников для производства дознаний во всех районах милиции. Выделенные лица могли быть привлекаемы к иной работе лишь при условии, что это ни в какой мере не отразится на качестве и сроках производимого ими дознания. В связи с этим они были подчинены непосредственно начальникам милиции, которые руководили дознанием и несли ответственность за его качество и своевременность так же, как и непосредственные исполнители.

УПК 1927 г. конструировал органы предварительного расследования, подобно системе судебных учреждений, из трех звеньев: прокурора, следователя и органов дознания. Отличие состоит

лишь в том, что судебная система строилась по принципу инстанционности, при которой вышестоящая инстанция исправляет недостатки суда нижестоящего в порядке пересмотра приговоров и решений, а система органов расследования — по принципу подчиненности, при которой вышестоящий орган руководит деятельностью нижестоящего, контролирует его, осуществляет за ним надзор и дает обязательные для него указания.

В соответствии с такой системой, новый УПК относ непосредственный надзор за органами дознания к компетенции следователя, а надзор за предварительным следствием сохранил в ведении прокуратуры. За органами дознания прокурор осуществлял лишь общий надзор, под которым понимали право дачи общих указаний о порядке и правилах производства дознания. Исключение составляли органы ГПУ и трудовая инспекция, как органы дознания, в отношении которых на прокурора возлагалась обязанность непосредственного надзора (прим. 1 и 2 к ст. 104 УПК). Право непосредственного надзора предоставляло следователю, а по делам ГПУ и трудовой инспекции — прокурору возможность: 1) в любое время знакомиться со всеми материалами дознания (ст. 104); 2) получать копии важнейших постановлений органов дознания (п. 5 ст. 95); 3) давать разрешение поднадзорным органам на производство определенных действий (п. 2, ст. 95); 4) непосредственно руководить их деятельностью (п. 3 ст. 95); 5) давать указания органам дознания и делать предложения произвести те или иные действия (ст. 104); 6) отменять или изменять выносимые ими постановления по жалобам заинтересованных лиц (ч. 2 ст. 104); 7) разрешать вопрос об отводе лица, производящего дознание (ст. 105); 8) контролировать правильность направления дела по окончании дознания (ст. 212—219).

УПК 1927 г. расширил круг органов дознания, включив в их число НК РКИ и лесную стражу, не известные УПК 1922 г. Однако эти, как и все перечисленные в ст. 94 органы дознания, носили ведомственный и вспомогательный характер. Основными по-прежнему являлись милиция, уголовный розыск и ГПУ. К компетенции остальных органов относилось дознание лишь по делам о преступных нарушениях правил, издававшихся в порядке управления соответствующими ведомствами.

10 июля 1934 г. был образован общесоюзный Народный Комиссариат Внутренних Дел. Руководство деятельностью важнейших органов дознания было отнесено к его ведению. Процессуальная же форма расследования, производимого органами дознания, определялась УПК союзных республик, так как единый УПК СССР принят не был.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.— Полн. собр. соч. Т. 39, с. 64—84.

2. Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.— Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, с. 3—106.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО СЕМЕЙНОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Ответственность за нарушения правовых норм, регулирующих семейные отношения, отличается от ответственности, установленной в советском гражданском праве. Ее особенности обусловлены спецификой самой отрасли семейного права. Между тем в юридической литературе на протяжении длительного времени отдельные авторы утверждали, что семейное право не имеет своего самостоятельного предмета регулирования и является лишь частью гражданского права [см.: 4, с. 186; 7, с. 10—12]. Поэтому проблема ответственности по семейному праву самостоятельно не исследовалась. Недостаточно изучена она и в настоящее время [см.: 3, с. 254].

Мы исходим из того, что советское семейное право представляет собой самостоятельную отрасль права. Его основное назначение, в отличие от гражданского права, состоит не в регулировании товарно-денежных отношений, а в содействии формированию коммунистических общественных отношений в сфере брака и семьи, окончательному очищению их от материальных расчетов и построению семейных отношений на основе взаимной любви, дружбы и уважения [см.: 1, с. 65].

Предметом регулирования советского семейного права являются, прежде всего, личные неимущественные отношения, возникающие между членами семьи. Эти отношения по своему содержанию существенно отличаются от гражданско-правовых тем, что их участники связаны определенной общностью, действуют в ее пределах и не противостоят друг другу как обособленные субъекты. Советское семейное право регулирует также имущественные отношения, складывающиеся между членами семьи. Однако и эти отношения по своему содержанию также отличаются от имущественных, регулируемых гражданским правом.

Особенности семейно-правовых отношений обусловили специфику ответственности за нарушение норм семейного законодательства. При определении особенностей ответственности в семейном праве нужно исходить из того, что она является одним из видов юридической ответственности. Поэтому ей свойственны признаки, основания и функции, которые характеризуют юридическую ответственность в целом как разновидность социальной ответственности.

Юридическая ответственность заключается в определенных неблагоприятных для правонарушителя последствиях имущественного или неимущественного характера: в возложении на него новой, дополнительной по отношению к нарушенной обязанности, в ограничении либо лишении отдельных субъективных прав, отказе в защите права. Так, на лицо, уклоняющееся от уплаты алиментов, возлагается обязанность по возмещению расходов, связанных с его

розыском (ст. 80 ГК УССР). Родителю, проживающему отдельно от ребенка, может быть запрещено общение с ним, если оно оказывает вредное влияние на ребенка и мешает нормальному его воспитанию (ст. 65 КоБС УССР). Суд на основании ст. 69 КоБС УССР может, исходя из интересов ребенка, отказать родителям в возврате ребенка от других лиц. Своеобразная мера предусмотрена ст. 45 КоБС Литовской ССР, согласно которой лицо, зарегистрировавшее второй брак без расторжения первого, лишается права требовать признания второго брака недействительным. Это право предоставляется лишь тому супругу, который не состоял в другом браке. Действующее законодательство предусматривает и ряд других конкретных мер ответственности за нарушение норм семейного права.

Некоторые авторы рассматривают в качестве ответственности исполнение юридической обязанности, если оно осуществляется в силу государственного принуждения, например, взыскание в судебном порядке алиментов в пользу детей [см.: 2, с. 30; 6, с. 58]. Однако с этим едва ли можно согласиться. Исполнение субъектом правоотношения своих обязанностей (хотя бы и под воздействием государственного принуждения) нельзя отождествлять с ответственностью за отказ от добровольного их исполнения, поскольку при принудительном исполнении виновное лицо не испытывает дополнительных обременений или лишения (ограничения) каких-либо субъективных прав, что должно составлять содержание ретроспективной ответственности. Подмена ответственности принудительным исполнением обязанностей по существу ведет к освобождению от ответственности и вносит путаницу в употребление терминологии. Поэтому следует признать более правильной позицию О. С. Иоффе, который требует четкого разграничения указанных понятий [см.: 5, с. 38].

В семейном праве, в отличие от гражданского, первостепенное значение придается мерам ответственности личного неимущественного характера.

Наиболее существенной из таких мер является лишение родительских прав, предусмотренное семейным законодательством, за уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей, за злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с детьми, вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением. Эта мера применяется и в тех случаях, когда родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами (ст. 19 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье и соответствующие статьи кодексов о браке и семье союзных республик). Придавая важное значение борьбе со злоупотреблениями родительскими правами, большинство союзных республик предусмотрели лишение родительских прав также и в качестве дополнительной меры уголовного наказания за преступление. Уголовные кодексы Армянской, Латвийской, Молдавской и Узбекской ССР предусматривают возможность лишения родительских прав на срок, установленный судом. Однако представляется более правильной позиция уголовных кодексов тех со-

юзных республик, где эта ответственность не ограничена каким-либо сроком, так как возможность восстановления в родительских правах должна связываться не с истечением определенного времени, а с поведением родителей. Лишение родительских прав означает, что родители утрачивают личные неимущественные права, предоставленные им законом в отношении несовершеннолетних детей, а именно: право на воспитание детей и защиту их интересов, право передавать детей на воспитание другим лицам и требовать возврата детей от других лиц, разрешать их усыновление и пр. Вместе с тем лишение родительских прав означает и утрату родителями будущих прав на получение содержания от совершеннолетних детей, а также некоторых других имущественных прав, основанных на факте родства и регулируемых иными отраслями права (например, право на пенсионное обеспечение и наследование после смерти детей). Этими правами родители не обладают в момент решения судом вопроса о лишении их родительских прав. Право на получение содержания от совершеннолетних детей возникает после достижения детьми 18-летнего возраста при условии нетрудоспособности и нуждаемости родителей, а эти условия и в будущем не всегда могут наступить. Поэтому лишение родительских прав следует рассматривать, главным образом, как меру ответственности неимущественного характера.

Ст. 76 КоБС УССР предоставляет суду право решать вопрос об отобрании ребенка и передаче его на попечение органов опеки и попечительства и без лишения родительских прав, если оставление ребенка у родителей или других лиц опасно для него. Эту меру также следует рассматривать в качестве ответственности, если основанием для ее применения явилось виновное поведение лиц, у которых отбирается ребенок.

Советское семейное право предусматривает и другие меры неимущественной ответственности. Все они выполняют функцию предупреждения нарушений семейного законодательства, побуждая виновных лиц к исправлению своего поведения и устранению допущенных ими нарушений закона. И хотя любая мера ответственности призвана выполнять общепрофилактическую задачу предупреждения правонарушений, ответственность по семейному праву в этом смысле рассчитана на достижение особенно эффективного воздействия на нарушителя. С учетом этого закон, в частности, допускает возможность восстановления родителей в родительских правах или возвращения ребенка родителям и другим лицам, у которых он был отобран, если их поведение и отношение к детям изменится к лучшему. Предоставляя такую возможность, законодательство тем самым стимулирует исправление правонарушителей.

Предусмотренные семейным законодательством меры неимущественной ответственности должны применяться независимо от желания субъектов семейного правоотношения, поскольку нарушением закона в соответствующих случаях существенно затрагиваются общественные интересы. Так, уклонение от выполнения родительских обязанностей причиняет серьезный ущерб воспитанию де-

тей. Поэтому государство и общество не могут безразлично относиться к недобросовестному выполнению этих обязанностей родителями.

С другой стороны, применение мер ответственности связано с вмешательством в сферу семейных отношений, которые, в свою очередь, должны быть ограждены от необоснованного постороннего вторжения. Поэтому закон ограничивает круг лиц и организаций, которым предоставлено право возбуждать вопрос о применении соответствующих мер ответственности. Например, согласно семейным кодексам союзных республик дела о лишении родительских прав могут возбуждаться только по заявлению государственных или общественных организаций, одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также по иску прокурора.

Аналогична роль семейного законодательства в отмене усыновления. Семейные кодексы союзных республик предусмотрели отмену усыновления, если оно, хотя и было произведено с соблюдением всех установленных законом условий, но в силу ряда обстоятельств впоследствии перестало соответствовать интересам ребенка. Обычно это имеет место тогда, когда усыновитель перестает заботиться о ребенке, оказывает на него вредное влияние, допускает иные нарушения при выполнении возложенных на него обязанностей по воспитанию. Усыновление может быть отменено в силу обстоятельств, не связанных с виновным поведением усыновителя, например, когда он лишается возможности воспитывать ребенка вследствие тяжелой болезни, объявления его недееспособным. В таких случаях отмена усыновления, естественно, не является мерой ответственности за виновное поведение.

При отмене усыновления и возобновлении прежних отношений между усыновленным ребенком и его кровными родителями учитывается, что ребенок после отмены усыновления по разным причинам может не получать от своих родителей содержания. В этом случае в соответствии с законодательством большинства союзных республик, если усыновление было отменено в связи с неисполнением усыновителем своих обязанностей, ребенок сохраняет право требовать от бывшего усыновителя средства на содержание.

Ответственность в семейном праве, как уже было отмечено, не ограничивается только мерами неимущественного характера. Законодательство о браке и семье содержит нормы, предусматривающие имущественную ответственность, отличную от имущественной ответственности в гражданском праве.

Одна из существенных особенностей ее состоит в том, что имущественная ответственность в семейном праве наступает не только за правонарушение имущественного, но даже и неимущественного характера. Например, в семейных кодексах союзных республик за недостойное поведение в брачных отношениях супруг может быть лишен права на получение алиментов от другого супруга.¹ Естест-

¹ Ст. 32 КоБС Эстонской ССР указывает о неприменении этих правил к беременным женщинам

венно, закон не содержит определения и критериев оценки недостойного поведения. Суд при рассмотрении конкретного дела должен установить обстоятельства, характеризующие недостойное поведение супруга. К ним могут относиться: совершение преступления или других антиобщественных поступков, систематическое пьянство, причинение членам семьи телесных повреждений, измена супружеской верности, отсутствие заботы о другом супруге, детях и т. п. По существу мера имущественной ответственности устанавливается за аморальное поведение супруга в браке. Соблюдение норм морали настолько существенно для укрепления брачных и семейных отношений, что закон придал этому правовое значение, установив конкретную имущественную санкцию за их нарушение. Эта особенность соответствует специфике семейных правоотношений и согласуется с идеей укрепления семьи.

Имущественная ответственность в семейном праве может наступить и за имущественное нарушение либо за неисполнение имущественных и неимущественных обязанностей одновременно. Например, за уклонение от обязанностей по содержанию либо воспитанию детей родители могут быть лишены права на получение алиментов от них по достижению ими совершеннолетия. Но и в этих случаях особенность имущественной ответственности по семейному праву проявляется в том, что она не опосредствует меру имущественного воздействия применительно к требованиям возмездности утраченных благ. Это важно учитывать в практическом применении норм семейного законодательства, предусматривающих такую ответственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971. 144 с.
2. Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности.— «Сов. государство и право», 1973, № 4, с. 27—35.
3. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., «Юрид. лит.», 1972. 336 с.
4. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Ч. III. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 347 с.
5. Иоффе О. С. Вина и ответственность по советскому праву.— «Сов. государство и право», 1972, № 9, с. 34—43.
6. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., «Юрид. лит.», 1971. 240 с.
7. Толстой Г. К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961—1965 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. Л., 1970. 32 с.

РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

XXV съезд КПСС определил принципиальные установки экономической стратегии партии, высшей целью которой остается неуклонный подъем народного благосостояния. Это будет достигнуто путем динамического и пропорционального развития общественного производства, повышения его экономической эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства. В недалеком будущем страна будет иметь приблизительно вдвое больше материальных и финансовых ресурсов. Намечена программа улучшения размещения и использования производительных сил страны.

Марксистско-ленинское учение о природе и обществе исходит из того, что они имеют общую материальную основу; природа образует систему, совокупность тел (материальных реальностей), окружающих человеческое общество, а последнее существует и развивается только в окружении природы, взаимодействуя с ней. Основной формой развития общества всегда является общественное производство, которое люди организуют, соединяясь и вступая в отношения, связи с природой, воздействуют на нее. Человеческий разум и труд отрывают от природной среды необходимый материал и создают разнообразные предметы (вещи), необходимые человеку: орудия и средства труда, промышленную и сельскохозяйственную продукцию, предметы потребления и т. п.

Природа и ее ресурсы (земля, воды, недра, леса и др.), действительно, — «великая лаборатория, арсенал...» (К. Маркс), кладовая материальных благ, неперемное материальное условие жизни человека, развития общества, источник его силы и благополучия, здоровья и духовного богатства.

Все возрастающие масштабы промышленного освоения природных богатств, огромный рост потребления энергии и энергоресурсов, гигантское развитие науки и техники, рост народонаселения, прогрессирующее загрязнение окружающей среды поставили перед человечеством очень остро проблему природопользования и чистоты среды обитания. Из технической она переросла в проблему социально-политическую, международную.

В Заключительном Акте, подписанном государствами-участниками европейского Совещания в Хельсинки 1 августа 1975 г., сказано: «Государства-участники, подтверждая, что защита и улучшение окружающей среды, а также охрана природы и рациональное использование ее ресурсов в интересах нынешнего и будущего поколений являются одной из задач, имеющих большое значение для благосостояния народов и экономического развития всех стран, и что многие проблемы окружающей среды, в частности в Европе, могут быть эффективно решены только путем тесного международно-

го сотрудничества... для достижения этих целей будут использовать каждую возможность для сотрудничества по вопросам окружающей среды» («Известия», 1975, 2 авг.).

Многочисленные статистические данные свидетельствуют о том, что потребность в сырьевых материалах с каждым годом возрастает, а мировые запасы природных ресурсов, хотя и значительны, но безграничны. Недостаточная охрана природы и нерациональное использование природных ресурсов приносит большой вред окружающей человека среде. Это, естественно, вызывает обоснованную озабоченность народов всех стран.

Мировая экологическая проблема имеет свои особенности. Экономическое развитие капиталистических стран, основанное на частной собственности, ведет к нерациональному, часто хищническому использованию богатств природы, исчерпанию материально-сырьевых запасов, энергетическому кризису и неблагоприятным изменениям в окружающей среде.

В Советском Союзе и странах социалистического содружества, где экономическое развитие базируется на всенародной собственности на средства производства и природные ресурсы, на научно-обоснованных планах, имеются несравненно большие возможности для охраны природы и эффективного, комплексного использования ресурсов природы. Однако и для социалистических государств вопросы рационального природопользования и охраны окружающей среды очень актуальны. Они находятся в центре внимания Советского государства.

«Принимаемая мера для ускорения научно-технического прогресса, необходимо сделать все, чтобы он сочетался с хозяйским отношением к природным ресурсам... Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины» [1, с. 257]. Основой природоохранной политики Коммунистической партии и Советского государства всегда являются ленинские идеи рационального природопользования и охраны природы и, прежде всего, соблюдение при этом научно-технических правил и рациональной эксплуатации.

Новым, ярким проявлением огромной заботы партии об использовании природных богатств нашей Родины и охране окружающей среды стали решения XXV съезда КПСС, наметившего программу великих свершений в коммунистическом строительстве, экономической и социальной политики нашего государства. На съезде с новой силой прозвучали ленинские заветы о настоящем и будущем комплексном использовании благ природы. «К сельскому хозяйству мы, строители коммунизма, должны подходить и еще под одним углом зрения — охраны окружающей среды. ...Использовать природу можно по-разному. Можно — и история человечества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы. Есть такое простое, известное всем выражение «цветущий край». Так называют земли, где зна-

ния, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе поистине творят чудеса. Это наш, социалистический путь» [2, с. 64]. В этом усматривает партия основной путь сохранения, восстановления, улучшения природных ресурсов, окружающей среды.

На примере сельскохозяйственного производства Л. И. Брежнев показал, что производственная деятельность — это по существу использование природы, окружающей нас среды для удовлетворения нужд человека и что пользоваться землей и другими природными благами необходимо без ущерба для других ресурсов, всегда помнить о том, что любая производственная деятельность влияет определенным образом на природную среду, как и на другую производственную деятельность.

В докладе А. Н. Косыгина XXV съезду КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» показаны практические шаги нашего государства в деле использования, восстановления и приумножения природных богатств и защиты окружающей человека среды — земли, лесов, вод, минерально-сырьевых ресурсов.

В современных условиях использовать природные ресурсы и охранять их от бесхозяйственности, безответственных поступков людей невозможно без комплексного подхода к решению этой проблемы.

Комплексное, эффективное использование природных ресурсов — главное средство хозяйственного, государственного к ним отношения. Оно предполагает необходимость учитывать все факторы природной среды, зависимость природных ресурсов друг от друга и их эксплуатацию с учетом данной зависимости и взаимодействия.

Заслуживают одобрения исследования В. Л. Мунтяна о теоретическом и практическом значении принципа комплексного использования природных богатств в природоохранительном законодательстве. Автор достаточно широко раскрыл содержание этого принципа, показал, в частности, что использование каждого природного ресурса должно удовлетворять комплекс различных потребностей и направлений человеческой деятельности. Правильными являются выводы автора о том, что при использовании природных ресурсов нужно учитывать, прежде всего, общегосударственные интересы, преодолевать узковедомственные [см.: 3, с. 180].

Охрана природы и рациональное использование ее ресурсов в нашей стране осуществляются целым комплексом организационно-хозяйственных, научно-технических, санитарно-гигиенических, агробиологических, культурно-воспитательных и правовых методов и соответственно комплексом различных отраслей науки. Содержание правовых методов в данном случае составляет правовая регламентация поведения людей. В действующих законодательных актах союзного и республиканского значения об охране природы основное внимание сосредоточено на правильном, комплексном использовании природных богатств, на охране окружающей среды, на развитии органической природы, ее восстановлении и обогащении

Природоохранительным правоотношениям присущи общерегулятивные, конкретно-регулятивные и охранительные свойства. В деле охраны природы особое значение представляют охранительные правоотношения, в рамках которых осуществляется комплекс юридической ответственности за нарушения природоохранительного законодательства. В этом проявляется специфика конкретного природного объекта, получающего свое опосредствование в содержании и характере конкретных правовых санкций.

Выдвинутое XXV съездом КПСС требование комплексного, эффективного использования природных ресурсов, охраны окружающей природной среды на современном этапе ставит перед наукой задачи дальнейшего совершенствования законодательства об охране природы, улучшения организационно-хозяйственных общественных отношений, укрепления социалистической законности. Советское природоохранительное законодательство должно и впредь быть важным инструментом в осуществлении экономических задач, определенных XXV съездом КПСС. За последние годы в соответствии с объективными экономическими потребностями большое развитие получило хозяйственное законодательство, в том числе земельное, водное, горное, лесное и др. В принятом 25 июня 1975 г. постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства» подчеркнута, что это законодательство призвано способствовать дальнейшему росту общественного производства и повышению его эффективности, обеспечивать четкое функционирование всех звеньев хозяйственного механизма, расширять хозяйственные отношения, повышать роль хозяйственных договоров, укреплять социалистическую законность и государственную дисциплину [см.: 4, ст. 98]. В названном документе непосредственно определена роль гражданского, земельного, водного законодательства. Эти отрасли советского права являются правовым комплексом, призванным внести достойный вклад в надлежащее регулирование хозяйственных отношений в процессе использования и охраны природных богатств. Это законодательство с учетом новых задач призвано выполнять свою служебную роль, обеспечивать правовое регулирование многогранных, сложных экономических процессов в сфере хозяйствования.

В деле дальнейшего совершенствования законодательства об использовании природных ресурсов и охране окружающей среды в современных условиях представляется необходимым более полно и четко сформулировать юридические обязанности природопользователей в земельном, водном, горном и другом законодательстве. Особенно нуждается в этом, на наш взгляд, законодательство в части юридической ответственности за нерациональное (а значит, бесхозяйственное) использование природных ресурсов (земли, вод, недр и др.) В этой связи сошлемся на пример определения юридической ответственности за нерациональное использование главного природного богатства — земли. В земельном законодательстве, Примерном Уставе колхоза юридическая ответственность за не-

рациональное использование земель часто устанавливается в общей форме, недостаточно конкретизирована. Например, в п. 9 Примерного Устава колхоза сказано, что правление колхоза, руководители и специалисты его отвечают за высокопроизводительное использование земли. Такое указание, повторяем, носит не юридический, а скорее морально-общественный характер.

Взникает необходимость улучшить Примерные правила внутреннего распорядка колхоза, одобренные Союзным Советом колхозов 4 марта 1970 г. в смысле конкретизации обязанностей должностных лиц и особенно в деле использования земель. Понятно, что от этого зависит и характер юридической ответственности за нарушения в землепользовании.

Учитывая, что колхозы и совхозы имеют в пользовании огромные земельные массивы, возникает настоятельная необходимость пополнить состав главных (старших) специалистов хозяйств должностью специалиста по использованию земель и внутрихозяйственному контролю за ними, определив конкретные его права и обязанности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 3. М., Политиздат, 1972, 534 с.
2. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., Политиздат, 1976. 112 с.
3. Мунтян В. Л. Правовые проблемы рационального природопользования. Киев, Изд-во Киевского университета, 1973. 180 с. (на укр. языке).
4. СП СССР, 1975, № 16.

А. И. Процевский, д-р юрид. наук

ВЛИЯНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ТРУДОВОЙ ФУНКЦИИ

Важным условием построения коммунистического общества является достижение высшей производительности труда [см.: 2, с. 167]. Решение этой задачи требует ускорения научно-технического прогресса во всем народном хозяйстве.

Особенностью научно-технического прогресса в СССР является сочетание его с полной занятостью трудоспособного населения, кожное облегчение труда, ликвидация тяжелого физического и всякого неквалифицированного труда, сокращение рабочего времени и т. п. С развитием научно-технического прогресса постепенно происходит процесс органического соединения умственного и физического труда в производственной деятельности людей. Таким образом, внедрение в процесс производства достижений науки, техники и научной организации труда способствует не только росту производительности труда, но и объективно влияет на изменение содержания трудовой функции (см.: Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 77, 126, 168).

В этой связи необходимо выяснить пределы усмотрения сторон трудового договора при определении содержания трудовой функции и правовые возможности сторон для ее изменения, если эти изменения обусловлены научно-техническим прогрессом.

По трудовому договору (соглашению между трудящимися и предприятием, учреждением, организацией) трудящийся обязуется выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности, а предприятие, учреждение, организация — обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде. В трудовом договоре, таким образом, определяется работа по определенной специальности, квалификации или должности и закрепляется общая обязанность работника ее выполнять. Круг же, т. е. объем конкретных обязанностей по обусловленной в договоре работе, определяется квалификационной характеристикой работ соответствующего разряда Тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, Квалификационного справочника должностей служащих, а также техническими правилами, должностными инструкциями и положениями [см.: 10, с. 6]. На определенный отрезок рабочего времени организатор работ определяет круг конкретных обязанностей. Отсюда вытекает правило, согласно которому рабочий или служащий не вправе отказаться от выполнения конкретных обязанностей, входящих в обусловленную соглашением работу.

В литературе встречаются утверждения о том, что трудовая функция определяется в трудовом договоре [см.: 28, с. 37; 23, с. 157]. Чтобы согласиться или не согласиться с этим мнением, необходимо уточнить понятие трудовой функции. Трудовая функция — это круг тех обязанностей, которые входят в содержание обусловленной в договоре работы и которые рабочий или служащий обязуется выполнять. Круг этих обязанностей, полагаем мы, определяется не соглашением сторон и не трудовым договором, а тарифно-квалификационными справочниками и правилами. Выполняемые работником обязанности должны охватываться родом работы, обусловленным в договоре. Под влиянием научно-технического прогресса обязанности могут изменяться, могут появляться новые. Но определяющим условием должно быть их соответствие обусловленному роду работы. Потому эти изменения должны своевременно отражаться в квалификационной характеристике работ определенной профессии или специальности. В этой связи, на наш взгляд, неприемлемо предложение А. С. Пашкова и Б. Ф. Хрусталева о закреплении всех обязанностей работника в трудовом договоре, который должен заключаться в письменной форме [см.: 23, с. 156—157].

Изменение содержания трудовых функций в условиях технического прогресса влечет подготовку, переподготовку по профессии, специальности, обусловленных в трудовом договоре, либо повышение квалификации, а также усложнение трудовой функции путем совмещения профессий (должностей). Уже сейчас наше производство предъявляет такие требования к рабочим и служащим, кото-

рые характеризуют их как всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, умеющих все делать [см.: 3, с. 33].

В литературе высказаны различные мнения относительно содержания трудовой функции. Одни авторы полагают, что администрация может возлагать на трудящихся дополнительные обязанности, близкие к обусловленному трудовым договором, или функции сверх работы по специальности, либо даже работу иного рода [см.: 21, с. 137; 22, с. 23]. Другие считают необходимым расширить правовое понятие трудовой функции, поскольку в связи с техническим прогрессом все большее распространение получают профессии рабочих широкого профиля [см.: 16, с. 107].

Выполнение трудовых обязанностей, составляющих содержание обусловленного сторонами рода работы, протекает в единицу рабочего времени, установленную государством. Работник обязан выполнять работу надлежащим образом в соответствии с указаниями руководителя работ и действующими техническими требованиями. Будучи гражданами единого социалистического общества, стороны трудового правоотношения заинтересованы в использовании рабочего времени исключительно в производственных целях и, следовательно, в уплотнении отведенного для работы времени. Если в течение этого времени работник не занят полностью выполнением своих обязанностей, администрация вправе поручить ему выполнение другой работы, соответствующей его роду деятельности. Работник обязан ее выполнять, так как это происходит в пределах рода работы и времени, установленных государством.

Поставленная Коммунистической партией задача повышения эффективности общественного производства требует дальнейшего совершенствования материального и морального стимулирования, образцового выполнения обязанностей в пределах обусловленного рода работы независимо от того, вытекают они из трудового договора или поручаются администрацией. Направление такого совершенствования — это развитие коллективных и личных интересов в уплотнении рабочего времени.

Основы законодательства о труде и КЗоТ союзных республик закрепили важный принцип, в силу которого администрация не вправе требовать от рабочего или служащего выполнения работы, не обусловленной трудовым договором (ст. 31 КЗоТ УССР)¹. Работа, для выполнения которой заключен договор, в силу объективных свойств определяется в соглашении только родовыми признаками: для рабочего — профессией, специальностью и квалификацией; для служащих — должностью по определенной профессии или специальности. Возможные ее пределы указаны в тарифно-квалификационных справочниках работ и профессий рабочих и должностей служащих. Правила внутреннего трудового распорядка возлагают на администрацию обязанность создавать условия для роста производительности труда путем внедрения достижений науки, техни-

¹ Здесь и в дальнейшем даются ссылки на статьи КЗоТ УССР.

ки и научной организации труда; организовывать изучение и внедрение передовых приемов и методов труда, рациональных форм разделения и кооперации труда [см.: 9, с. 6]. В свою очередь, рабочие и служащие обязуются использовать все рабочее время для производительного труда, повышать производительность труда и систематически повышать свою деловую (производственную) квалификацию. Отсюда, с одной стороны, внедрение новейших достижений науки, техники и научной организации труда связано с сокращением рабочего времени, затрачиваемого на выполнение обязанностей, и влечет введение рациональных форм разделения или кооперации труда; а с другой — требует от работника повышения квалификации, освоения новой профессии и, как следствие, их совмещения.

Одно из требований правильного нормирования труда — соответствие круга обязанностей норме рабочего времени, иначе говоря, объем конкретных обязанностей по обусловленной в договоре работе должен быть рассчитан на норму рабочего времени. В данном случае речь идет не о работе, а о конкретных обязанностях, вытекающих из определенного рода работы.

Мы не можем согласиться с мнением А. С. Пашкова и Б. Ф. Хрусталева о том, что поручение работ по другой профессии может быть произведено без согласия работника [см.: 23, с. 155—157]. Вызывает возражение взгляд Ю. П. Орловского, считающего, что работник не вправе отказаться от работы по смежной специальности [см.: 19, с. 133].

Возможность поручить выполнение обязанностей, выходящих за рамки обусловленного в договоре рода работы, и наступление правовых последствий должны находиться во взаимосвязи с рабочим временем. Если работник в течение нормы рабочего времени не полностью занят выполнением обязанностей, вытекающих из обусловленной в договоре работы, то администрация вправе без согласия работника расширить круг трудовых обязанностей, но в пределах обусловленной работы. Это правило следовало бы закрепить в Общих положениях Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих народного хозяйства СССР и в Общих положениях квалификационного справочника должностей служащих. Отказ от выполнения дополнительных обязанностей, входящих в круг обусловленной работы, должен рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины, за которое может последовать ответственность. Напротив, отказ от выполнения дополнительных обязанностей, не вытекающих из обусловленной в договоре работы, не может рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины. Фактическое выполнение дополнительных обязанностей в силу неполной загрузки работой в течение нормы рабочего времени, хотя бы и не обусловленной в трудовом договоре работы, судебная практика совершенно справедливо расценивает как согласие работника [см.: 19, с. 2]. Последующий отказ от выполнения дополнительных обязанностей по основной работе

должен расцениваться как нарушение трудовой дисциплины.

Квалификационный справочник должностей служащих установил возможность укрупненного функционального разделения труда служащих. В этом случае круг обязанностей отдельных работников расширяется и им поручается выполнение работ, предусмотренных для разных должностей [см.: 8, с. 34]. При этом работник должен точно знать круг обязанностей, за неисполнение которых он может быть уволен. Судебная практика строго придерживается этого правила [см.: 11, с. 5].

Вопрос о занятости в течение рабочего дня в случае наличия свободного времени при невозможности расширения обязанностей по обусловленной в договоре работе, должен решаться в соответствии с законодательством: возможно функциональное расширение круга обязанностей, хотя и предусмотренных для разных специальностей или должностей. Поскольку в таком случае изменяется условие трудового договора о роде работы, постольку такое изменение допускается с согласия работника. Если работник не согласен, то исходя из требований ст. 56 КЗоТ должен последовать перевод на неполный рабочий день или увольнение с работы с соблюдением требований ст. 40 КЗоТ. Основание — изменение объема работы, определенной в трудовом договоре. Оплата труда в этих случаях должна производиться исходя из требований ст. 94 КЗоТ, т. е. в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. Это объясняется тем, что выполнение обязанностей происходит в течение обусловленной в договоре нормы рабочего времени.

Рациональная форма разделения и кооперации труда может вызывать необходимость перемещения рабочего или служащего на другое рабочее место на том же предприятии, в учреждении, организации. Исходя из содержания ст. 21, 29, 31 и 32 КЗоТ перемещение означает изменение рабочего места внутри предприятия, учреждения, организации без изменения существенных условий трудового договора, условий труда и характера работы. КЗоТ УССР и Правила внутреннего трудового распорядка возлагают на администрацию обязанность закрепить за работником определенное рабочее место, станок, машину и пр. и обеспечить его инструментами и приспособлениями, необходимыми для работы (ст. 29 КЗоТ, п. 12 Типовых правил внутреннего трудового распорядка). В связи с этим перемещение признается правомерным тогда, когда оно вызывается причинами производственного характера. Поскольку законодательство возлагает на администрацию обязанность правильной организации трудового процесса с тем, чтобы каждый рабочий и служащий работал в соответствии со специальностью, квалификацией или по должности, обусловленной трудовым договором (ст. 31 КЗоТ), постольку перемещение, вызванное производственными причинами, согласия работника не требует. Правомерное перемещение, связанное с определением рабочего места для выполнения работы, обусловленной трудовым договором, — обязанность не только администрации, но и работника. Поэтому отказ от переме-

щения — это невыполнение работником обязанностей трудового договора. Если такое невыполнение имело место без уважительных причин, то наступает ответственность по правилам ст. 147 КЗоТ; при дальнейшем отказе от работы может последовать и увольнение по правилам ст. 40 КЗоТ (пп. 3, 4). Отказ от перемещения может быть вызван уважительными причинами, тогда прекращение трудового договора возможно по п. 1 ст. 36 КЗоТ, т. е. по соглашению сторон, либо по ст. 38 КЗоТ.

Научно-технический прогресс значительно повышает интеллектуальное содержание трудовой деятельности, расширяет сферу применения квалифицированного труда. Современное производство предъявляет быстро растущие требования не только к машинам, технике, но и, прежде всего, к самим работникам, к тем, кто эти машины создает и этой техникой управляет. Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательные условия успешного труда все более широких слоев работников [см.: 4, с. 41]. Потребность работника в универсальности и необходимости его всестороннего развития К. Маркс называл единственно революционной стороной фабрики [см.: 1, с. 160].

Для профессиональной подготовки и повышения квалификации рабочих и служащих, особенно молодежи, администрация предприятий, организаций, учреждений в обязательном порядке организует индивидуальное обучение за счет предприятия, организации, учреждения (ст. 201 КЗоТ). Это предполагает создание необходимых условий для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением, проходящих производственное обучение или обучающихся в учебных заведениях без отрыва от производства. Правилами внутреннего трудового распорядка закреплена обязанность рабочих и служащих систематически повышать свою деловую (производственную) квалификацию. Поэтому при повышении квалификационных разрядов или продвижении по работе должны учитываться успешное прохождение рабочими и служащими производственного обучения, общеобразовательная и профессиональная подготовка, а также наличие высшего или среднего специального образования. В таких случаях изменения в содержании трудовой функции происходят по инициативе сторон трудового договора.

Планы развития науки и техники составляют важнейшую часть народнохозяйственного плана. Они определяют темпы роста производительности труда, снижение удельных затрат всех видов ресурсов, рост эффективности производства. Внедрение в производство прогрессивной техники влечет необходимость повышения деловой (производственной) квалификации. Исходя из этого возникает необходимость переквалификации или обучения вторым профессиям. Оплата труда рабочих за время переквалификации или обучения вторым профессиям исходя из потребности производства осуществляется в процентном отношении (100—40%) среднего заработка, исчисляемого за последние три месяца по прежней работе в зависимости от месяца обучения. Кроме того, этим рабочим со-

второго месяца обучения за изготовленную ими годную продукцию начисляется заработная плата по действующим на предприятии нормам и расценкам.

Технический прогресс требует от рабочих систематического и всестороннего повышения квалификации, пополнения общетехнических, экономических и специальных знаний по своей профессии, овладения передовым опытом и т. п. При повышении квалификации рабочих следует исходить из необходимости расширения их профессионального профиля. Это сейчас особенно важно, так как сложившаяся еще в период индустриализации система подготовки рабочих узкого профиля вступила в противоречие с техническим прогрессом. Она ведет в одном случае к содержанию на предприятиях излишней рабочей силы, в другом — к простоям из-за того, что рабочие часто сами не могут устранить даже незначительные неисправности оборудования. Их недостаточный профессионально-технический уровень сдерживает рост производства, внедрение новой техники и особенно повышение качества продукции.

Использование рабочих в соответствии с их квалификацией — одно из главных требований правильной организации труда. Однако на промышленных предприятиях оно нередко нарушается. В результате неправильного распределения работ рабочие высших квалификационных разрядов выполняют работы более низких разрядов и наоборот. Это ухудшает качество продукции, приводит к невыполнению норм отдельными рабочими, переплатам по заработной плате и пр. К сожалению, многие предприятия до сего времени не организовали процесс ступенчатого перемещения рабочих с малосодержательных видов работ, тарифицируемых по низким разрядам, на квалифицированные работы. Вопросы квалифицированных работ, особенно молодых рабочих, непосредственным образом связаны с текучестью кадров.

Встречающаяся еще диспропорция между производственными мощностями и наличием трудовых ресурсов требует резкого повышения производительности труда не только за счет технического прогресса, но и за счет уменьшения затрат на рабочую силу. Ощутимый экономический эффект в решении данной проблемы получают предприятия от совмещения профессий. Свидетельство тому — Щекинский эксперимент. Он наглядно доказал, что устойчивым стимулом к сокращению численности работников являются доплаты к тарифным ставкам и окладам за совмещение профессий (должностей), расширение зон обслуживания и увеличение объема выполняемых работ. За время работы по-новому (с 1967 по 1973 гг.) производительность труда повысилась в 2,8 раза при уменьшении численности персонала на 1300 человек [см.: 26]. Совмещение профессий уменьшает непроизводительные затраты рабочего времени и внутрисменных простоев, улучшает качество продукции, делает труд более разнообразным и производительным [см.: 18, с. 127—159]. По данным ЦСУ СССР простои составляют по некоторым предприятиям 14—20% от всего рабочего времени [см.: 27].

Включая в себя материальный стимул, т. е. повышение оплаты труда, совмещение профессий представляет интерес для рабочих и служащих. При одновременном или перемежающемся выполнении работником трудовых функций по нескольким профессиям или специальностям на том же предприятии или в организации (совмещение профессий или специальностей) устанавливается доплата, дифференцируемая в зависимости от объема, характера и сложности работы по совмещаемой профессии или специальности. Совмещение профессий (специальностей) и размеры доплаты за совмещение в пределах, предусмотренных законодательством Союза ССР, устанавливаются администрацией предприятия, организации по согласованию с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза (ст. 105 КЗоТ).

Совмещение профессий имеет стимулирующее значение только тогда, когда обусловлено правильным использованием норм затрат труда и правильной расстановкой рабочей силы на предприятии. Оно требует предварительного определения объема совмещаемых работ на основе обоснованных норм затрат труда и, конечно, изучения степени загрузки работника на основной работе.

В литературе указываются три признака, определяющих сущность понятия совмещения профессий: две или более трудовые функции, выполнение работы в рамках одной производственной единицы и в течение нормального рабочего времени [см.: 13, с. 210; 16, с. 59—63]. А. Зайкин и С. Шкурко полагают, что совмещение профессий является таким видом трудовой деятельности, при которой рабочие осуществляют трудовые функции по нескольким профессиям, специальностям на одном и том же предприятии (учреждении) в течение продолжительности рабочего дня, установленной для данных рабочих [см.: 15, с. 64].

Полагаем, все признаки, указанные выше, имеют право на существование. Совмещение профессий (должностей) только тогда должно иметь место, когда налицо усиление интенсивности труда, увеличение по сравнению с общеустановленными нормами объема работ, сокращение численности персонала и экономия фонда заработной платы. Только в этих случаях совмещение профессий может служить основанием для увеличения заработной платы.

В литературе высказано мнение, что вводить доплату за совмещение там, где системы заработной платы обеспечивают достаточные материальные стимулы к освоению смежной профессии, в частности, в комплексных бригадах с оплатой по конечным результатам и коллективной сдельной расценке, излишне. Каждый работник таких бригад заинтересован в увеличении выработки, в расширении фронта работ, в сокращении числа членов бригады, а следовательно, и в совмещении профессий [см.: 24, с. 146]. С таким предложением согласиться трудно, так как и при бригадной (коллективной) оплате труда доплата за совмещение профессий есть форма поощрения и главный стимул сокращения численности персонала и роста производительности труда. Поэтому для стимулирования

ускорения роста производительности труда и увеличения выпуска продукции с меньшей численностью персонала предприятиям предоставлено право одновременно с введением новых тарифных ставок и должностных окладов устанавливать доплаты до 30% ставки или оклада рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим за совмещение профессий (должностей), расширение зон обслуживания или увеличения объема выполняемых работ. Такие доплаты производятся за счет экономии фонда заработной платы, полученной в результате высвобождения численности работников по сравнению с межотраслевыми нормативами численности.

Совмещение профессий допускается, если по своей специальности и квалификации работник может обеспечить доброкачественное выполнение трудовых функций как по основной, так и по совмещаемой работе. Несмотря на инициативу, исходящую от работника, вопрос о совмещении профессий и об определении объема работ решается администрацией предприятия по согласованию с ФЗМК профсоюза.

Согласие работника выполнять дополнительные обязанности в порядке совмещения профессий означает изменение рода его деятельности в сторону расширения содержания. Однако мы не склонны рассматривать совмещение профессий как перевод на другую работу со всеми вытекающими из этого последствиями [см.: 13, с. 210]. Трудовая функция работников едина, она не расчленяется на основную и дополнительную, происходит лишь расширение ее содержания.

В законодательстве о труде не указаны общие критерии, позволяющие выявить конкретное содержание и объем дополнительных обязанностей, принимаемых на себя работником. Поэтому соглашение о совмещении профессий, полагаем, должно заключаться в письменной форме.

В совмещении профессий проявляется сочетание общественных и личных интересов: государство создает возможность повысить квалификацию, овладеть двумя или более профессиями (специальностями) за счет предприятия и тем самым расширить профессиональный, квалификационный профиль работника. Расширение квалификационного профиля работника улучшает организацию труда, способствует рациональному использованию оборудования, повышает производительность труда и увеличивает заработную плату.

На первый взгляд может показаться, что повышение квалификации, освоение смежных профессий за счет предприятия дает администрации право, обусловленное трудовым договором, на изменение рода трудовой деятельности, тем более, что совмещение профессий приводит к экономическому эффекту. Правильное рассмотрение вопроса зависит от того, является ли повышение квалификации правомочием или обязанностью работника, вытекающими из трудового договора.

В литературе высказаны диаметрально противоположные точки зрения. Так, Е. И. Астрахан, С. С. Каринский, А. И. Ставцева, А. С. Пашков, А. Ф. Трошин, В. С. Андреев, Ю. П. Орловский по-

вышение квалификации рассматривают как правомочие [см.: 6, с. 125; 20, с. 44, 64; 25, с. 52—55; 5, с. 97—98]. Напротив, В. М. Договоров повышение квалификации относит к обязанности работника [см.: 14, с. 83, 84]. Выяснение данного вопроса, полагаем, связано с характером труда при социализме.

Свобода труда, проявляющаяся в свободном выборе рода работы, не предполагает обязанности работника повышать профессиональный уровень. Однако рост технического прогресса побуждает к этому рабочих и служащих. Но в таких случаях законодатель не возлагает на работника обязанность проходить обучение. Всякое обучение, в том числе и повышение квалификации, — форма проявления и реализации закрепленного Конституцией СССР права на образование. Организуя целую сеть курсов повышения квалификации, куда относится и овладение смежными профессиями, государство, с одной стороны, устанавливает для обучающихся льготы и преимущества (как в период обучения, так и после него); а с другой, — предусматривает наступление неблагоприятных последствий при неисполнении или ненадлежащем исполнении работником своих обязанностей. Мы разделяем мнение А. С. Пашкова, согласно которому право содействует совмещению профессий не по линии установления обязанностей, а путем закрепления материальных стимулов к переходу на работу по нескольким специальностям [см.: 20, с. 45—46]. Это развивает у работника заинтересованность в повышении профессионального мастерства и знаний. Коллектив рабочих и служащих не может оставаться безучастным к проводимому техническому перевооружению предприятия, к внедрению новых средств механизации и автоматизации, значительно повышающих производительность труда. В конечном счете эти мероприятия направлены на подъем уровня жизни народа. Стремление работников выполнять поставленную перед предприятием задачу находит закрепление в виде морально-политических обязательств в коллективном договоре. Ответственность за неисполнение этой обязанности наступает перед коллективом в целом, а не перед администрацией предприятия. Повышение квалификации, таким образом, основано на свободном волеизъявлении, на объективной необходимости роста производительности труда, что делает совершенствование профессиональных навыков морально-общественной обязанностью.

Рассматривая вопросы организации труда в переходный к коммунизму период, Ф. М. Левиант и А. С. Пашков пришли к выводу о возможности расширения трудовых функций после возникновения трудового правоотношения [см.: 17, с. 107]. Их предложение сводится к одностороннему возложению на работника дополнительных обязанностей по профессии (специальности), освоенной им в процессе труда. Мы полагаем, что совмещение профессий и должностей может находить внешнее выражение только в двусторонних волевых актах участников трудовых правоотношений. Это правило применимо и для совмещения профессий в процессе труда. Чтобы между сторонами не было разногласий относительно расширения

трудовой функции в процессе труда, необходимо до заключения соглашения вносить изменения в тарифно-квалификационные справочники и технические характеристики соответствующего разряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Нищета философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 65—185.
2. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти.— Полн. собр. соч. Т. 36, с. 165—208.
3. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч. Т. 41, с. 3—104.
4. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971. 320 с.
5. Андреев В. С., Орловский Ю. П. Правовое положение лиц, совмещающих обучение с производственным трудом. М., Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
6. Астрахан Е. И., Каринский С. С., Ставцева А. И. Роль советского трудового права в плане обеспечения народного хозяйства кадрами. М., Госюриздат, 1955. 189 с.
7. «Бюллетень Госкомтруда СССР», 1963, № 8.
8. Там же, 1969, № 4.
9. Там же, 1971, № 1.
10. Там же, 1972, № 12.
11. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 11.
12. Там же, 1974, № 8.
13. Гинцбург Л. Я. Регулирование рабочего времени в СССР. М., «Наука», 1966. 302 с.
14. Догадов В. М. Советское трудовое право в борьбе за народнохозяйственный план.— Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1953, вып. 4.
15. Зайкин А. Д., Шкурко С. И. Правовые вопросы организации оплаты труда рабочим. М., «Юрид. лит.», 1967. 207 с.
16. Коняхин Л. А. Правовое регулирование оплаты труда при совмещении профессий.— «Соц. труд», 1964, № 10.
17. Левиант Ф. М., Пашков А. С. Роль трудового права в обеспечении перехода к коммунистической организации труда.— «Вестник Ленингр. ун-та», 1962, № 11, вып. 2.
18. Муксинова А. А. Проблемы регулирования рабочего времени в СССР. М., «Юрид. лит.», 1969. 214 с.
19. Орловский Ю. П. Правовые вопросы использования труда рабочих и служащих на промышленных предприятиях. М., «Наука», 1966. 192 с.
20. Орловский Ю. П. Организационно-правовые средства подготовки и закрепления кадров на промышленных предприятиях.— «Сов. государство и право», 1965, № 12.
21. Обсуждение книги А. Г. Орлова «Законодательство о труде и технический прогресс».— «Сов. государство и право», 1965, № 6.
22. Пашков А. С. Правовое регулирование подготовки и распределения кадров. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 187 с.
23. Пашков А. С., Хрусталева Б. Ф. Обязанность трудиться по советскому праву. М., «Юрид. лит.», 1970. 191 с.
24. Тищенко И. А., Фатуев А. А. Правовые вопросы материального стимулирования работников промышленности. М., «Юрид. лит.», 1972. 213 с.
25. Трошин А. Ф. Правовое положение рабочих и служащих, обучающихся без отрыва от производства. М., Госюриздат, 1962.
26. «Труд», 1974, 14 марта.
27. Там же, 1975, 28 янв.
28. Трудовое право и повышение эффективности общественного производства. М., «Наука», 1972. 420 с.
29. Хозяйственная реформа, труд и право. М., Изд-во Моск. ун-та. 1969. 179 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ КОНТРОЛЬ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ЗА
СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ

XXV съезд КПСС наметил основные направления дальнейшего повышения роли местных Советов депутатов трудящихся в решении задач десятой пятилетки. В современных условиях, когда для успешного выполнения многообразных экономических и социальных задач особое значение приобретает быстрый рост производительности труда и резкое повышение эффективности общественного производства, местные Советы призваны уделять больше внимания совершенствованию контроля за соблюдением законодательства о труде, правил охраны труда и техники безопасности, за использованием трудовых ресурсов.

Обобщение практики показывает, что за последние годы контрольные функции местных органов власти в области соблюдения законодательства о труде активизировались. На сессиях Советов и заседаниях исполкомов чаще и конкретнее обсуждаются вопросы соблюдения трудового законодательства на предприятиях и в учреждениях, определяются эффективные меры по развитию социалистического соревнования, укреплению трудовой дисциплины, борьбе с нарушениями трудовых прав граждан, улучшению культурно-массовой и воспитательной работы, слиянию политического и трудового воспитания. Расширилась и контрольная деятельность постоянных комиссий. Они проверяют соблюдение законодательства о труде на предприятиях, в совхозах и учреждениях, вносят обоснованные предложения по устранению нарушений закона и причин, их порождающих, решительно добиваются устранения последних. К этим вопросам приковано внимание депутатов.

Усиление контроля со стороны местных Советов за соблюдением трудового законодательства во многом обусловлено введением в действие по инициативе Политбюро ЦК КПСС законов о поселковых (1968 г.), городских и районных (1971 г.) Советах. Немаловажное значение имеет и принятый по предложению XXIV съезда КПСС Закон о статусе депутатов (1972 г.), который четко определил их права и обязанности. На XXV съезде партии отмечалось: «Работа местных Советов получила, как говорится, новое дыхание» [1, с. 79].

На повышении эффективности контроля местных Советов за соблюдением трудового законодательства сказались укрепление их контактов с профсоюзными и комсомольскими организациями, распространение передового опыта советского строительства, совершенствование руководства местными Советами, их исполкомами со стороны вышестоящих органов. Все это благоприятно сказалось на укреплении законности в области трудовых отношений, создании надлежащих условий для высокопроизводительного труда.

XXV съезд партии указал, что обеспечение всемерного роста эффективности общественного производства, улучшение качества про-

дукции, усиление режима экономии неразрывно связаны с повышением производительности труда, эффективности использования трудовых ресурсов, совершенствованием организации труда во всех звеньях производства и управления. Огромное значение приобретает дальнейшее сокращение текучести кадров, укрепление трудовой и производственной дисциплины, обеспечение полного и рационального использования рабочего времени, устранение простоев и непроизводительных затрат труда [см.: 2]. Не вызывает сомнения, что успешное решение этих задач настоятельно требует дальнейшего совершенствования контроля местных Советов за соблюдением законодательства о труде, правил охраны труда и техники безопасности.

Сложившаяся в СССР система контроля за соблюдением законодательства, в том числе и трудового законодательства, опирается на всестороннюю и регулярную контролируемую деятельность Советов депутатов трудящихся в отношении исполнительного аппарата, производственных объектов, учреждений и организаций, расположенных на подведомственной территории. Обладая полной государственной властью, Советы олицетворяют контроль народа за работой аппарата управления. Их количественный и качественный состав, широта полномочий, неразрывная связь депутатов с производством, опора на широкий актив определяют исключительную роль и возможности местных органов власти в контроле за соблюдением трудового законодательства. Дальнейшее укрепление законности в области трудовых отношений во многом зависит от повышения активности местных Советов, более полного использования ими своей компетенции.

Результаты обобщения практики контроля местных Советов за соблюдением законодательства о труде убедительно говорят о том, что необходимы дополнения к действующему законодательству о местных органах власти. В частности, в поправках нуждаются законы о сельских и поселковых Советах. Желательно четкое определение их полномочий по организации набора рабочей силы и переселения, а также по координации усилий всех государственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций в контроле за соблюдением трудового законодательства на подведомственной территории.

XXV съезд КПСС признал необходимым принять законы, определяющие компетенцию краевых, областных и окружных Советов депутатов трудящихся [см.: 1, с. 83]. Думается, в этих законах следует четко определить контрольные функции указанных органов власти, в том числе и в сфере соблюдения трудового законодательства. Закрепление контрольных полномочий областных, краевых Советов обеспечит усиление их роли в организации производства на подведомственной территории, повышении его эффективности, укреплении законности и охране прав граждан.

Усиление влияния местных Советов на общественное производство, укрепление трудовой дисциплины во многом зависит от эффективности форм контроля, их целенаправленности. В этой связи

важно выносить на широкое обсуждение Советов вопросы соблюдения законодательства о труде, глубоко и компетентно рассматривать их, добиваться принятия конкретных и обоснованных решений, направленных на укрепление законности в трудовых отношениях.

В совершенствовании нуждается правовое положение постоянных комиссий местных Советов, организационно-правовые формы их контрольной деятельности. Действующие положения о постоянных комиссиях местных Советов в значительной части не согласуются с новым законодательством об этих органах власти. Во многих местных Советах контроль за соблюдением трудового законодательства выполняют только комиссии социалистической законности. В новых положениях о постоянных комиссиях следовало бы возложить этот контроль на все отраслевые постоянные комиссии и комиссии по делам молодежи. Важно определить юридические и организационные гарантии осуществления постоянными комиссиями контрольных функций.

В контроле за соблюдением законодательства о труде большая работа проводится депутатскими группами, созданными по производственному принципу. С целью их дальнейшей активизации, четкого определения полномочий назрела необходимость в нормативном урегулировании деятельности депутатских групп. Сейчас их правовое положение детально определяется, как правило, нормативными актами местных Советов. Целесообразно эту практику обобщить и подготовить республиканский акт о депутатских группах. В нем, по-видимому, надо сказать как о территориальных, так и о производственных депутатских группах, особо подчеркнуть роль последних в контроле за соблюдением трудового законодательства, правил охраны труда и техники безопасности.

Однако в осуществлении контроля за соблюдением законодательства о труде не все исполкомы Советов достаточно активны. В определенной мере это объясняется недостаточной юридической грамотностью членов исполкома и работников их аппарата, неумением организовать проверку соблюдения законности на предприятиях и в учреждениях, упущениями в обобщении опыта. Многие исполкомы пока еще дублируют решения вышестоящих органов по вопросам контроля за соблюдением трудового законодательства, редко обсуждают отчет руководителей предприятий, совхозов и учреждений о состоянии законности. Роль исполкомов может быть усилена, если вышестоящие органы систематичнее будут заниматься контролем за их работой. Одним из шагов в этом направлении может быть некоторое изменение существующей отчетности местных органов власти о проделанной работе. Представляется, что эта отчетность должна отражать всю их деятельность в сфере контроля за соблюдением трудового законодательства и оказания организационно-методической помощи нижестоящим исполкомам.

В осуществлении контроля за соблюдением трудового законодательства, правил охраны труда и техники безопасности ряд функций выполняется комиссиями исполнительных комитетов. Их деятельность также нуждается в совершенствовании. В частности, в со-

ставе комиссий по делам несовершеннолетних следует выделить группу (или секцию), которая бы специально контролировала соблюдение законодательства о труде несовершеннолетних.

Определенную часть нагрузки местных Советов по контролю за соблюдением трудового законодательства несут отраслевые и функциональные отделы (управления) исполкомов. Они исполняют внутриведомственные контрольные функции в этой области в подчиненных им предприятиях, учреждениях и организациях. На некоторые отделы исполкомов функционального характера (по использованию трудовых ресурсов, юстиции) возложено осуществление межведомственного контроля за соблюдением законности в трудовых отношениях. Расширение контрольной деятельности отделов (управлений) будет способствовать укреплению законности.

Совершенствование контрольной деятельности местных Советов во многом зависит от усиления их взаимодействия с общественными организациями, прежде всего, с профсоюзами и комсомолом. Контроль местных органов власти, профсоюзных и комсомольских организаций за соблюдением законности трудовых отношений требует совместной подготовки, обсуждения вопросов и принятия постановлений. Общими усилиями обеспечивается и реализация этих актов.

Эффективность контрольной деятельности местных Советов связана с улучшением содержания актов, принимаемых на сессиях, заседаниях исполкомов и постоянных комиссий. Акты по вопросам контроля отличаются определенными особенностями: распространяются на все предприятия, учреждения и организации, расположенные на территории Совета; предписания актов не допускают вмешательства в оперативную деятельность предприятий вышестоящего подчинения; учитываются полномочия других государственных и общественных органов, призванных осуществлять контрольно-надзорные функции в сфере трудовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. М., Политиздат, 1976.

2. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. М., Политиздат, 1976.

А. Т. Барабаш, канд. юрид. наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Дисциплина труда и повышение ответственности каждого работника за выполнение возложенных на него обязанностей — один из факторов успешного развития народного хозяйства, повышения жизненного уровня народа, коммунистического воспитания трудящихся. На это обстоятельство партия и правительство обращали

внимание на различных этапах развития народного хозяйства. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин подчеркивал, что «условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации» [1, с. 188].

На декабрьском (1974 г.) Пленуме ЦК КПСС был поставлен вопрос о необходимости трудиться старательно, творчески, четко и настойчиво, соблюдать трудовую, государственную дисциплину, проявлять высокую требовательность к себе и товарищам, повышать ответственность всех работников за порученное дело, настойчиво утверждать ленинский стиль работы, решительно выступать против безответственности [см.: 2, с. 7—8].

В Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы указано, что претворение в жизнь грандиозных задач десятой пятилетки потребует настойчивого воспитания советских людей в духе коммунистического отношения к труду, утверждения подлинно партийного стиля работы во всех сферах хозяйственной деятельности, повышения ответственности всех работников за выполнение плановых заданий, укрепления дисциплины, улучшения проверки исполнения [см.: 3].

Среди многих средств формирования, поддержания и дальнейшего укрепления социалистической дисциплины труда дисциплинарная ответственность рабочих и служащих имеет важное значение. Подобно юридической ответственности вообще, изучена она далеко не полностью.

Ответственность рабочего и служащего, как и иных субъектов права, может рассматриваться в двух аспектах: перспективном и ретроспективном. В первом — имеется в виду ответственность за будущее: осознание рабочим и служащим долга перед государством, предприятием, учреждением, организацией, общественными организациями, трудовым коллективом, отдельными его членами; понимание в свете этого долга смысла и значения своих поступков; согласование своих действий с принятыми на себя обязанностями по договору и лежащими на них нравственными требованиями; обязанность дать полный отчет в своих действиях, поведении и принять на себя вину за все могущие возникнуть в будущем последствия в исходе порученного им круга или участка работ и связанных с этим трудовых обязанностей (чувство ответственности). Во втором аспекте имеется в виду ответственность за прошлое, за совершенное: обязанность дать отчет, ответ за допущенное нарушение дисциплины труда (дисциплинарная ответственность) [см.: 8, с. 11; 18, с. 6; 22, с. 76]. При решении проблемы дисциплинарной ответственности нельзя не учитывать различия в этих двух аспектах.

Осознание рабочим и служащим собственного долга и согласование своих действий с принятыми на себя по трудовому договору обязанностями имеет важное значение для соблюдения дисциплины труда, однако большое значение для регулирования поведения рабочих и служащих имеет и ответственность за совершенное. Ее особенность состоит в том, что она включается в механизм регу-

лирования трудовых отношений в связи с фактом нарушения рабочим или служащим принятых на себя обязанностей. Ее цель — перевоспитание и предупреждение нарушений, а также воспитание всех членов трудового коллектива в духе сознательного и добросовестного выполнения принятых на себя по трудовому договору обязанностей. В этом аспекте, ретроспективном, мы и будем рассматривать проблемы дисциплинарной ответственности рабочих и служащих.

О сущности понятия юридической ответственности в литературе высказаны различные взгляды. Одни авторы, например, О. С. Иоффе, Б. С. Антимонов считают, что юридическая ответственность — это санкция за правонарушение [см.: 9, с. 9; 4, с. 17]. В. Г. Малов рассматривает юридическую ответственность как предусмотренные в санкции норм права неблагоприятные для правонарушителя последствия [см.: 11, с. 15]. Правильно отмечая связь этих двух явлений, упомянутые авторы, однако, отождествляют юридическую ответственность и юридическую санкцию. Здесь имеет место такой подход, при котором ускользает разница между этими двумя понятиями. Другие авторы, например, О. Э. Лейст, И. С. Самощенко, М. Х. Фарухшин считают юридической ответственностью примененные санкции и исполнение акта применения санкции [см.: 10, с. 47, 18, с. 54]. Такое понимание, на наш взгляд, отражает сущность юридической, в том числе и дисциплинарной ответственности.

Дисциплинарная ответственность не сводится к дисциплинарной санкции. Дисциплинарная санкция существует до нарушения и независимо от него, а также от существования самого нарушителя дисциплины. Она устанавливается в правовом предписании и является угрозой принуждения на случай нарушения. Таким образом, социальная роль санкции проявляется не только в ее применении к нарушителю дисциплины труда, но и в предупреждении нарушений дисциплины. «Угроза принуждения, которая содержится в юридической норме,— пишет С. Н. Братусь,— сама по себе является организующей силой — заставляет воздерживаться от нарушений этой нормы права» [7, с. 9].

Дисциплинарная ответственность есть, прежде всего, реакция, заключающаяся в применении дисциплинарной санкции к конкретному рабочему или служащему за нарушение принятых им трудовых обязанностей. Возложить дисциплинарную ответственность — это значит применить к нарушителю трудовой обязанности неблагоприятные последствия, указанные в санкции. Конечным результатом ответственности является наступление для виновного этих последствий. Следовательно, дисциплинарная ответственность и дисциплинарная санкция — различные, хотя в известной степени и совпадающие понятия.

Дисциплинарная ответственность осуществляется лишь в связи с нарушением правового предписания дисциплины труда. Она не имеет места при отсутствии нарушений правового предписания, даже если для рабочего или служащего в определенном порядке и наступили известные невыгодные последствия, лишения, например:

принудительное взыскание причиненного ущерба; принудительное лечение; взыскание аванса, выданного в счет заработной платы, сумм, излишне выплаченных вследствие ошибок, неизрасходованного и своевременно не возвращенного аванса, выданного на служебную командировку, на хозяйственные нужды; взыскание за неотработанные дни отпуска и т. п. Дисциплинарная ответственность не может применяться в целях предупреждения возможного нарушения дисциплины труда и при нарушении ее нравственных требований. Соблюдение последних достигается моральной ответственностью — отрицательной оценкой поступка, осуждением со стороны общественных организаций, трудового коллектива, отдельных его членов, применением к нарушителю нравственных требований мер общественного воспитания и взыскания. В результате изменяется мнение членов трудового коллектива о нем, о его личных качествах, теряется их доверие к нему. Неодобрение, осуждение его поведения, утрата доверия воздействуют на сознание и волю нарушителя, способствуя перевоспитанию в духе норм социалистической нравственности.

Дисциплинарная ответственность имеет государственно-принудительный характер. Она возлагается на нарушителя дисциплины труда помимо его воли и желания и не зависит от его внутреннего состояния. Как и всякая юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность имеет по отношению к нарушителю внешний характер, является объективной реакцией на нарушение дисциплины труда. Если бы дисциплинарная ответственность ставилась в зависимость от внутреннего состояния виновного, она во многих случаях была бы невозможна. Это обстоятельство не учитывается некоторыми авторами. Так, например, В. Н. Смирнов считает, что юридическая ответственность — это применение к виновному мер принуждения и восприятие последним наказания [см.: 19, с. 76]. Такой взгляд ставит ответственность в зависимость от внутреннего состояния правонарушителя, от его способности воспринять примененную к нему санкцию. А поскольку ответственность — это восприятие наказания, то, если следовать взгляду В. Н. Смирнова, при отсутствии такого восприятия нет и ответственности. Вряд ли такой вывод отвечает сущности юридической ответственности, в том числе дисциплинарной.

Дисциплинарная ответственность основывается на том, что способность рабочего и служащего осознавать противоправность своего поведения и претерпевать неблагоприятные последствия, предусмотренные в санкции, существуют до и независимо от нарушения дисциплины труда. В ее основе лежит субъективная предпосылка наличия свободы сознания и воли. Внутреннее же состояние лица, степень восприятия им взыскания, не имея значения для самой возможности дисциплинарной ответственности, оказывают лишь влияние на степень эффективности ее применения. Из этого вовсе не следует, что можно смешивать сущность дисциплинарной ответственности и условия ее эффективного применения. Для определения сущности дисциплинарной ответственности характерным явля-

ется ее объективный, внешний характер, не зависящий от внутреннего состояния нарушителя.

Дисциплинарная ответственность, как и любой вид ответственности, наступающей за нарушение социальных норм,— это принудительное средство соблюдения правовых предписаний. Вместе с тем характеристика дисциплинарной ответственности только как принуждения к исполнению предписаний дисциплины труда имеет и уязвимые стороны. В настоящее время становится все больше сторонников иного взгляда, согласно которому ответственность связана с государственным принуждением и представляет собой определенные отрицательные последствия для правонарушителя — ограничения личного или имущественного характера [см.: 14, с. 63; 16, с. 185; 12, с. 562; 19, с. 58; 20, с. 5]. Такой взгляд, нам представляется, более приемлем, он точнее отражает сущность этого явления.

В условиях социализма правовые предписания содействуют формированию, поддержанию и дальнейшему развитию общественных отношений, порядка труда, что отвечает интересам рабочих и служащих. Большинство их осознает это, понимает разумность правовых предписаний, поэтому соблюдает их сознательно и добровольно без вмешательства государственных органов. Исполнение предписаний обеспечивается, прежде всего, мерами убеждения и поощрения, силой общественного мнения. Лишь по отношению к отдельным недобросовестным работникам, нарушающим дисциплину труда, применяется в необходимых случаях дисциплинарная ответственность. Сведение ответственности лишь к мере принуждения сужает ее понятие, исключает из нее те правовые последствия, которые возлагаются на нарушителя дисциплины, но по существу принуждением, в общепринятом смысле, не являются. В самом деле, дисциплинарные санкции представляют собой неблагоприятные последствия в виде морального осуждения, порицания, перевода на нижеоплачиваемую работу или увольнения. Обязательность выполнения правовых предписаний не тождественна принудительности [см.: 23, с. 178].

Для дисциплинарной ответственности характерно то, что она влечет невыгодные последствия в форме различных лишений и связана с государственным принуждением. В связи с этим возникает вопрос: всякая ли мера, применяемая к работнику и устанавливающая те или иные лишения, может быть отнесена к категории юридической, в частности, дисциплинарной ответственности? По этому вопросу единого взгляда нет.

Одни авторы, в основном представители отдельных отраслей права, например, Я. М. Брайнин, А. А. Пионтковский, В. Н. Смирнов, В. А. Тархов, Л. А. Сыроватская рассматривают ответственность как обязанность отвечать за правонарушение, подлежать действию соответствующих правовых предписаний, претерпевать неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией [см.: 6, с. 24; 17, с. 40—41; 19, с. 74; 21, с. 34; 20, с. 11]. Другие авторы, в основном представители науки общей теории права, например,

О. Э. Лейст, С. С. Алексеев, И. С. Самошенко, М. Х. Фарукшин, С. Н. Братусь, О. С. Иоффе сводят юридическую ответственность к применению к нарушителю правового предписания санкции [см.: 10, с. 85; 15, с. 355; 18, с. 54; 12, с. 562; 9, с. 9]. Анализ точек зрения дает основание сделать вывод о наличии различного подхода к данному явлению и различного понимания механизма действия правовых предписаний. Представляется, что понятие юридической, в том числе дисциплинарной, ответственности как применения, реализации санкции отражает ее сущность и отвечает своему назначению.

Сторонники понятия ответственности как обязанности правонарушителя отвечать за свое поведение включают в это понятие все отношения по обеспечению применения, реализации санкции, т. е. и обязанность отвечать за совершенное правонарушение, и обязанность претерпевать невыгодные последствия этого поведения. В связи с этим одни авторы считают моментом ее наступления установление правового предписания, другие — нарушение этого предписания, третьи — момент предъявления обвинения.

Так, например, В. А. Тархов пишет: «Когда общественные отношения осуществляются нормально, ответственность существует, но не применяется» [21, с. 4—5]. Здесь налицо трактовка юридической ответственности как долга или обязанности. Особенно ярко этот взгляд проявляется в его утверждении о том, что «общее понятие юридической ответственности может быть дано как регламентируемой правом обязанности дать отчет в своих действиях» [21, с. 11].

Следовательно, у В. А. Тархова из общепринятого понятия ответственности в ретроспективном смысле она превращается по существу в ответственность в активном смысле, т. е. перед самим собой, перед своей совестью, в «чувство ответственности».

А. А. Пионтковский считает юридической ответственностью обязанности, возникающие с момента нарушения правового предписания [см.: 17, с. 41]. Однако при этом условии пришлось бы признать, что юридическая ответственность существует и до установления личности нарушителя правового предписания, и в том случае, когда нарушителю удастся уклониться от применения к нему санкций, в силу чего он не несет никаких невыгодных последствий.

Некоторые юристы-криминалисты, например, А. Е. Наташев, Н. А. Стручков пытаются рассматривать юридическую ответственность в предъявлении обвинения [см.: 13, с. 8]. Тем самым, вопреки закрепленной и гарантированной советским уголовным правом презумпции невиновности, производство по делу — дознание, предварительное следствие, рассмотрение дела в судебном заседании — признается уголовной ответственностью, несмотря на то, что лицо, обвиняемое в нарушении правового предписания, к концу производства по делу было признано невиновным и к нему никакие санкции не применяются.

Встречаются в литературе и конструкции стадийности развития юридической ответственности. Сущность их состоит в том, что ответственность — это развивающееся, динамичное правоотношение, имеющее ряд стадий. При этом разные авторы насчитывают лве-

три и даже четыре стадии. Признавая, что ответственность наступает с момента совершения правонарушения (или даже до его совершения), они тем не менее неодинаково характеризуют сущность возникающих при этом отношений ответственности на различных стадиях, а также по-разному определяют количество и границы этих стадий.

Так, Б. Т. Базылев пишет, что юридическая ответственность с момента возникновения и до момента прекращения проходит три стадии: становление, конкретизацию, реализацию. Отношения же ответственности — это единство права требовать восстановления нарушенного общественного отношения, применять санкции и обязанность виновного подчиниться этим требованиям, а также фактических действий сторон по реализации своих субъективных прав и обязанностей [см.: 5, с. 20]. По его мнению, юридическая ответственность существует уже с момента нарушения правового предписания или договора до применения санкции. Эту точку зрения разделяет В. Н. Смирнов, полагая, что «единый процесс возникновения и реализации ответственности можно условно разделить «по ролям», т. е. с точки зрения действий, осуществляемых государством, и деяний, совершаемых правонарушителем. Применительно к государству эта схема содержит четыре последовательные ступени (стадии)». К ступеням юридической ответственности он относит: а) указание в законе на неправомерное поведение и на содержание санкции; б) действие управленческих органов по привлечению к ответственности виновного; в) непосредственный акт назначения меры принуждения; г) реализация назначенной и объявленной санкции [см.: 19, с. 74]. Следовательно, «действия, осуществляемые государством», включены автором в содержание ответственности.

С этим трудно согласиться. Вызывает возражение мнение В. Н. Смирнова о том, что юридическая ответственность — это действия, осуществляемые государством, что еще нет нарушения правового предписания, нет правонарушителя, но уже есть «ступени юридической ответственности». Чтобы как-то мотивировать такой взгляд на юридическую ответственность, он далее объясняет, что на этапе ответственности до применения санкции обязанность правонарушителя претерпевать ущерб носит еще «элементарную форму», а само правонарушение является «элементарным». Возникают вопросы; что означает «элементарное» правонарушение, что такое ответственность в «элементарной форме»? Их автор не разъясняет.

Такую же позицию относительно понятия юридической ответственности занимает Л. А. Сыроватская. «Отмечая важное значение акта применения санкции (ибо для реализации санкции, в конечном счете, вводится ответственность), — пишет она, — тем не менее он означает начало одной из стадий ответственности, которая не адекватна всему понятию юридической ответственности... существование ответственности до применения санкции не должно вызывать сомнений» [20, с. 15—16]. Л. А. Сыроватская полагает, что на стадии до применения санкции у субъектов возникает ряд правомочий и обязанностей процессуального характера. Их реализация, по ее

мнению, позволяет «подтвердить наличие материально-правового, охранительного отношения и тем самым юридической ответственности уже определенного вида» [20, с. 17]. До возложения санкции обязанность-ответственность существует, но пребывает в нереализованном состоянии [см.: 20, с. 14]. И здесь имеется попытка со стороны Л. А. Сыроватской мотивировать позицию возникновением до применения санкции не обычной юридической ответственности в общепринятом значении слова, а особой «юридической ответственности определенного вида». Однако, что представляет собой эта ответственность, автор не объясняет, да и трудно это сделать, так как ни ответственность в «элементарной форме», ни «ответственность определенного вида» нашему праву не известны.

Итак, нельзя согласиться, что юридическая ответственность возникает с момента формирования соответствующего правового предписания с санкцией на случай нарушения или до установления компетентными органами факта нарушения правового предписания (признания его сторонами договора), или до применения санкции, т. е. с тем, что существует несколько стадий ответственности (две, три, даже четыре). Вызывает возражение мысль о том, что до применения санкции ответственность «существует, но не применяется», что существует не обычная ответственность, а в «элементарной форме», «определенного вида», «в нереализованном состоянии».

Взгляд на юридическую, в том числе и дисциплинарную ответственность как на развивающееся динамическое отношение, проходящее ряд стадий, не находит подтверждения в действующем законодательстве — уголовном, гражданском, трудовом. Кроме того, количество стадий определяется у различных авторов по-разному, границы между стадиями устанавливаются по нечетким критериям.

Нашему праву известно лишь общепринятое понятие юридической ответственности, которым успешно оперируют ученые различных отраслей права при исследовании проблем метода правового регулирования общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Повышение производительности труда.— Полн. собр. соч. Т. 36, с. 187—190.

2. Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.— «Коммунист», 1975, № 1, с. 3—8.

3. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы.— «Правда», 1975, 14 дек.

4. Антимонов Б. С. Основание договорной ответственности социалистических организаций. М., Госюриздат, 1962. 175 с.

5. Базылев Т. Б. Понятие юридической ответственности.— «Учен. зап. Томского ун-та», № 66. Вопросы теории и истории государства и права и государственного строительства. Томск, Изд-во Томского ун-та, 1967, с. 64—81.

6. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., «Юрид. лит.», 1963. 274 с.

7. Братусь С. Н. О роли советского права в развитии производственных отношений. М., «Наука», 1954. 24 с.

8. Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Воронеж, Изд-во Воронежск. ун-та, 1970. 251 с.

9. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 310 с.
10. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., Госюриздат, 1962. 238 с.
11. Кленов Е. А., Малов В. Г. Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии. М., «Юрид. лит.», 1968. 150 с.
12. Марксистско-ленинская общая теория государства и права (основные институты и понятия). М., «Юрид. лит.», 1970. 622 с.
13. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., «Юрид. лит.», 1967. 189 с.
14. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960. 509 с.
15. Основы теории государства и права. Изд. 2-е. М., «Юрид. лит.», 1971. 404 с.
16. Пиголкин А. С. Нормы советского социалистического права и их структура.— В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., Изд-во Моск. ун-та, с. 148—194.
17. Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности.— «Сов. государство и право», 1967, № 12, с. 40—48.
18. Самощенко И. С., Фарушкин М. X. Ответственность по советскому законодательству. М., «Юрид. лит.», 1971. 240 с.
19. Смирнов В. Н. Дисциплина труда в СССР. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 119 с.
20. Сыроватская Л. Я. Ответственность по советскому трудовому праву. М., «Юрид. лит.», 1974. 184 с.
21. Тархов В. А. Понятие юридической ответственности.— «Правоведение», 1973, № 3, с. 33—40.
22. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 455 с.
23. Черменина А. П. Проблема ответственности в современной буржуазной этике.— «Вопросы философии», 1965, № 2, с. 76—87.
24. Ямпольская Ц. Я. Об убеждении и принуждении в советском административном праве.— В кн.: Вопросы советского административного и финансового права. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 172—198.

И. П. Сафронова, канд. юрид. наук

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ

Установки XXV съезда КПСС на дальнейшее развитие и укрепление социалистической демократии, улучшение руководства экономикой предполагают, прежде всего, неуклонное обеспечение все более широкого и активного участия трудящихся в управлении всеми делами общества, производства. Верный путь к решению этой задачи — совершенствование коллегиальности, поиски наилучшего сочетания ее с единоначалием в управлении производством. XXIV и XXV съезды КПСС направляют развитие коллегиальности на всемерное развертывание демократических начал в управлении, эффективных общественных форм, которые действуют непосредственно на производстве, в коллективе предприятия, в их числе производственных совещаний (ПС), призывают проявлять заботу о повышении авторитета ПС, выносить на их обсуждение важнейшие вопросы жизни предприятия [см.: 7, с. 273; 8, с. 103].

Задания партии, их научно обоснованное выполнение, точная и полная регламентация управленческой специализации и компетенции ПС, действующего в промышленном предприятии, требуют уточнения сущности этого органа, тенденций его развития. До сих

пор нет единства взглядов на сущность и роль как первоначальных ПС, так и нынешних — постоянно действующих производственных совещаний (ПДПС). Господствует мысль, что ПДПС — важнейшая форма привлечения трудящихся к управлению. Нередко она дополняется указанием, что эта форма обеспечивает сочетание единоначалия с широкой инициативой трудящихся. Этот взгляд на ПДПС выражает и закон [см.: 11, 1970, № 29, ст. 256; 1971, № 39, ст. 382; 18, 1965, № 19—20, ст. 155; 1973, № 15, ст. 80]. Одна группа сторонников этого мнения считает ПДПС органом профсоюза, ведущим экономическую работу, а другая — органом общественной самодеятельности, который участвует в управлении предприятием наряду с профсоюзами и прочими общественными организациями. Эта характеристика переносится также и на ПС 20-х годов. Но такие представления о ПС, а тем более о ПДПС не отражают его истинной сущности, приводят к противопоставлению его администрации предприятия.

В последние годы сложилась другая точка зрения на ПДПС — как на форму, через которую производственный коллектив выражает свою волю по поводу постановки управления предприятием и участвует в управлении им [см.: 10, с. 14]. К этому мнению примыкает представление о ПДПС как об общественном органе, исполняющем функцию общего руководства предприятием наряду с таким органом государственного управления как директор, стоит на одном с ним уровне и дополняет его. Но эта характеристика ПДПС не распространяется на ПС 20-х годов.

Чтобы правильно понять сущность такого сложного явления, как ПДПС, необходимо изучение истории его создания, опыта его деятельности. ПС появилось впервые (1922—1924 гг.) как орган профсоюза, втягивавший массы в управление производством, отличаясь от других органов профсоюза только массовостью и производственной направленностью своей работы. Благодаря этому ПС и стало наилучшей формой вовлечения трудящихся в строительство социалистического хозяйства. Неудивительно, что именно эти свойства ПС подчеркивали партия и государство, призывая развивать их далее [см.: 1; т. 2, с. 522; т. 3, с. 270, 271, 387, 389].

В ходе восстановления народного хозяйства, экономического укрепления социалистического предприятия, развития социалистической демократии на предприятии все более утверждался трудовой коллектив, объединявший его работников, партийную и профсоюзную организации, администрацию как неотъемлемые части единого целого. Этот коллектив нуждался в своих собственных органах, через которые он мог бы проявить себя как таковой. ПС и стало таким органом. В массовости ПС и в производственной направленности его работы была заложена возможность мобилизовывать на участие в управлении производством весь коллектив предприятия, объединять деятельность всех составных частей коллектива, участвовать в управлении предприятием от имени трудового коллектива в целом. Понимая роль этой возможности, особенно в будущем социалистического хозяйства, партия и руководители промышлен-

ности помогали ей раскрыться. Ф. Э. Дзержинский популяризировал роль ПС как формы «делового соприкосновения» администрации с работниками, как формы воздействия работников на директора, которая обогащала последнего опытом масс, позволяла ему общаться с массами непосредственно или через их представителей, разъяснять им назначение своих распоряжений. Руководители ВСНХ справедливо полагали, что именно в ПС должно зреть взаимопонимание руководителя и масс, их единство. Они призывали директоров предприятий опираться на ПС, отводили директору центральную роль в ПС [см.: 12, с. 27, 28].

Превращению ПС из органа экономической работы профсоюзов в орган коллектива предприятия положило начало, несомненно, письмо ЦК РКП(б) от 24.II.1924 г. местным партийным организациям [см.: 1, т. 3, с. 17—21]. Оно было продиктовано необходимостью привлечь партийную и профсоюзную организации предприятия к участию в его производственной работе и установить в процессе этого участия и ради него правильные взаимоотношения между партиячейкой, ФЗК и правлением, т. е. важнейшими составными частями производственного коллектива. Письмо содержало лишь рекомендацию, пожелание объединить важные части коллектива в производственной работе предприятия и о ПС не упоминало. Но коллективы предприятий, отвечая на призыв партии, сосредоточили внимание на ПС как органе, который лучше других мог справиться с поставленными в письме задачами.

Продолжая и отражая эту линию развития ПС, первое Положение о них ВЦСПС (сентябрь 1924 г.), характеризуя их еще как одну из основных форм массовой экономической работы профсоюзов на предприятиях, указывало уже, что это — форма, способствующая сближению рабочих и администрации на основе обмена взаимным опытом [см.: 16, с. 353].

Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 13.IV.1925 г. подвело итоги участия рабочих в производственной работе предприятия на основе письма ЦК от 24.II.1924 г. и развития ПС. Оно подтверждало роль ПС как органа, объединяющего важные составные части трудового коллектива, обеспечивающего новые — товарищеские отношения между рабочими и администраторами и призывало партиячейки, ФЗК и хозяйственных руководителей предприятий совместно и согласованно направлять работу ПС. А отчет ЦК XIV съезду ВКП(б) разъяснял, что ПС — «это — дело партии, оно осуществляется, проводится и руководится самой партией вместе с профсоюзами», что в своей работе ПС связываются с работой советских органов и профсоюзов. Доклад орготдела ЦК ВКП(б) съезду содержал взгляд на ПС как на органы трудового коллектива, говорил о них как о новых организациях, развившихся за последний год до съезда [см.: 1, т. 3, с. 153—156; 2, с. 60, 59, 63].

В 1925—1929 гг. ПС как органы трудового коллектива были созданы на всех предприятиях УССР [см.: 20, с. 66].

ПС составлялись из представителей от партийной и профсоюзной организаций, от администрации и от массы работников. Ядром

ПС были лучшие работники коллектива — партийные активисты, квалифицированные пролетарские кадры, группированный вокруг них молодой актив. ПС собирались в твердо установленные сроки. XV съезд партии отметил регулярность в их работе. В этом смысле они считались постоянно действующими органами [см.: 3, с. 95, 96, 126].

Первоначально ПС занималось и вопросами профсоюзной жизни, и вопросами управления предприятием. Но очень скоро оно сосредоточилось исключительно на вопросах управления производством.

Итак, в 1924—1929 гг. ПС вышло за рамки профсоюзной организации. Широкое представительство и производственная направленность деятельности отличали ПС от органов профсоюза предприятия, в том числе и от делегатского собрания — ДС (вероятно, именно эта профсоюзная форма дала начало ПС). Письмо ЦК РКП(б) от 24.II.1924 г. ориентировалось на ДС, называя его делегатским совещанием, как на орган, который должен скрепить сотрудничество основных частей коллектива в управлении предприятием. А постановление ЦК РКП(б) от 13.IV.1925 г. говорило уже о ПС. Положение от 23.IX.1924 г., принятое в период между появлением этих документов, упоминало ДС в качестве основного источника представителей рабочих в ПС. Отказ от ДС в 1930 г., несомненно, был следствием того, что к этому моменту ПС, получившее правовую регламентацию как орган коллектива, подтвердило свою жизнеспособность и преимущества перед ДС.

В 1924—1929 гг. ПС становится органом трудового коллектива предприятия, сочетающим государственное единоначальное руководство предприятием с участием в управлении им его работников. Постановление ЦК ВКП(б) от 5.IX.1929 г., подтверждая необходимость сочетать единоначалие и коллегиальность в предприятии, устанавливая большую связь администрации с органами рабочей самодеятельности, основное внимание сосредотачивало на взаимоотношениях директора и ПС [см.: 1, т. 4, с. 315].

ПС выражало единство управляемых и управляющих, сближало их в процессе достижения общих целей, устанавливало взаимное доверие, единство их действий, создавало и упрочивало новые, свойственные только социализму отношения дружбы и товарищеской взаимопомощи между всеми членами трудового коллектива, взаимной ответственности за состояние предприятия и управления им. Через ПС весь коллектив участвовал в управлении производством. Содружество в ПС администрации и работников, их равноправное положение в нем позволяли ПС оперативно и авторитетно откликаться на нужды производства. Все это делало ПС наилучшей формой сочетания единоначалия и коллегиальности, самым мощным и эффективным органом масс, участвовавшим в управлении предприятием. Поэтому партия и характеризовала ПС как основную, главнейшую форму общественной самодеятельности по организации производства, участия масс в управлении им [см.: 1, т. 3, с. 270, 171, 369; 6, с. 289, 346]. Постановление СНК СССР от

18.VII.1929 г. о мероприятиях по усилению работы ПС и использованию инициативы рабочих и служащих в деле улучшения производства квалифицировало ПС как орган коллектива, участвующий в управлении производством [см.: 17, 1929, № 47, ст. 415].

Правильное понимание сущности ПС, полно раскрывающейся в его организации и деятельности, подводит к правильному урегулированию исполнения решений современного ПДПС. ПС рассматривало все основные вопросы производства и управления им, одинаково важные и для производства, и для трудящихся, радикальное решение которых было невозможно без участия трудового коллектива в целом. Общезаводское и цеховые ПС Харьковского паровозостроительного завода в первой половине 1929 г. обсуждали проблемы реконструкции завода, снижения себестоимости, устранения причин брака, укрепления трудовой дисциплины, перехода на 7-часовой рабочий день, выдвижения рабочих на административные должности в цехе и в аппарате заводоуправления, подводили итоги деятельности цехов и завода за 1-й квартал и за 1-е полугодие [см.: 3, с. 126; 13, с. 317].

ПС обязательно заслушивало доклады правления предприятия и ФЗК. Эти доклады выносили на обсуждение совещания вопросы производства и управления и вместе с тем являлись отчетами, ставившими всю деятельность администрации и ФЗК под контроль масс. Участники ПС оценивали состояние производства и деятельность администрации, вырабатывали конструктивные предложения по рационализации производства и управления им. Решения принимались большинством голосов. В 1929 г. на Украине ПС обсудили и приняли 65 тыс. предложений по совершенствованию производства и управления [см.: 15].

Но ПС не вмешивалось в административно-хозяйственную деятельность правления. Его назначение, конечная цель его работы в условиях единоначалия состояла в коллективном поиске наилучшего решения по управлению, в формировании и формулировании воли коллектива на совершенствование производства и управления. Стало быть, предложение, высказанное на совещании, им одобренное, зафиксированное в его решениях, воспринималось как воля всех участников совещания, всего коллектива, чьим органом было совещание. Рекомендации ПС адресовались администрации, которая непосредственно управляла производством и отвечала за его состояние, а также всему коллективу предприятия, так как они могли быть исполнены лишь при заинтересованной поддержке их коллективом в целом. Но исполнение этих рекомендаций первоначально зависело только от администрации, от директора предприятия. Если он не исполнял решений ПС, ФЗК мог передать вопрос на рассмотрение вышестоящими хозяйственными и профсоюзными органами. Такой порядок, нормальный для взаимоотношений директора и профсоюза, не годился во взаимоотношениях директора и ПС. Ведь ПС выражало волю всего коллектива — и работников, и руководителей, и исполнение его решений было важным условием его реального участия в управлении. Неисполнение по-

становлений ПС либо их формальное исполнение подрывали авторитет и совещания, и администрации как составной части совещания, глушили инициативу масс, снижали эффективность управления. Но руководители предприятий не сразу разобрались в значении ПС и научились прислушиваться к ним. XV съезд ВКП(б), хотя и признал ухудшение отношения хозяйственников к ПС, все же отметил еще много фактов игнорирования ПС (в известной степени это игнорирование обуславливалось отсутствием самостоятельности у трестированных предприятий). Наблюдалось и другое — стремление администрации превратить ПС в свой вспомогательный орган, ограничить его деятельность заслушиванием докладов правлений и вынесением резолюций, констатирующих отдельные моменты в развитии производства.

Чем яснее становились сущность и значение ПС, тем настойчивее заявляла о себе проблема исполнения их решений, которая осложнялась трудностями сочетания все укреплявшегося единоначалия администрации и развития ПС как органа коллектива. Партия и государство учили хозяйственников быть внимательными к ПС, содействовать их работе, привлекать их внимание к недостаткам в производстве, уважительно относиться к их решениям; решения, полезные для производства, проводить без волокиты, особенно предложения о рационализации производства и труда. Оживленные работы ПС партия связывала со скорейшим и точным исполнением их предложений [см.: 19, 1927, № 19, ст. 94; 16, с. 467].

Постановление СНК СССР от 18.VII.1929 г. сформулировало такие гарантии исполнения решений ПС, которые одновременно содействовали и усилению его работы, и укреплению авторитета директора и других администраторов предприятия, их единоначального руководства. Оно установило обязанность проведения всех предложений ПС, принятых администрацией. Государственно-хозяйственные органы должны были включать в планы рационализации предприятия все те предложения ПС, которые последние признали технически целесообразными и экономически выгодными. На администрацию возлагался учет всех предложений ПС, реализованных предложений, затрат на их реализацию, экономического эффекта от них. Администрация должна была регулярно отчитываться перед ПС и всем коллективом о результатах исполнения его предложений [см.: 2, с. 218, 219].

Постановление предписывало принять срочные меры к проведению в жизнь всех тех постановлений ПС, которые администрация приняла ранее, но еще не осуществила.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5.IX.1929 г. признало целесообразным ввести специальную должность помощника директора предприятия по реализации решений ПС и назначать на эту должность председателя ПС. Эта мера скрепляла деловое сотрудничество единоначальника с массами, усиливала характер ПС как органа коллектива. Е. А. Монастырский иначе оценивает ее. Он считает, что включение председателя ПС в аппарат администрации сковывало его самостоятельность, отнимало у него возможность ставить

вопрос об исполнении решений ПС [см.: 14, с. 53]. Возможно, так оно и бывало на практике. Постановление же, несомненно, исходило из мысли, что новый помощник директора как всякое должностное лицо обязан точно и неукоснительно выполнять свои полномочия, а они требовали от него ставить перед директором вопрос об исполнении решений ПС. Вначале эта должность была введена только на 200-х предприятиях для опыта. XVI съезд ВКП(б) одобрил этот опыт [см.: 5, с. 62].

Представители всех участников ПС — партийной, профсоюзной организаций и администрации — постоянно контролировали исполнение предложений ПС. Если администрация почему-либо не соглашалась выполнять постановления ПС и по этому поводу возникали разногласия между нею и профсоюзом, спорный вопрос переносился на рассмотрение соответствующих вышестоящих хозяйственных и профсоюзных органов, а при необходимости и органов РКИ. Отменить постановление ПС могло либо оно само, либо вышестоящие хозяйственные и профсоюзные органы.

Директор предприятия нес ответственность за своевременное рассмотрение предложений ПС и за осуществление тех его постановлений, которые администрация приняла к выполнению. Введение должности помощника директора по реализации решений ПС отнюдь не исключало ответственности директора. Руководители, пренебрегавшие ПС, игнорировавшие его постановления, подвергались взысканиям. В апреле 1928 г. управляющий заводом «Большевик» (Киев) за небрежное и бюрократическое отношение к ПС был уволен по распоряжению председателя ВСНХ УССР [см.: 9, л. 64, 64 об.].

Благодаря соблюдению этих и других гарантий число реализованных предложений ПС постоянно росло. Внедрение хозрасчета, укрепление единоначалия и сочетание его с коллегиальностью, выполнение пятилетки за четыре года мыслились в тесной связи с работой ПС и исполнением их предложений [см.: 4, с. 484; 6, с. 376, 504, 517].

ПДПС — наследник ПС 20-х годов, орган производственного коллектива, действующий в условиях зрелой социалистической демократии. ПДПС не укладывается в схему органов государственного или общественного управления предприятием, в нем органически сочетаются элементы государственного и общественного управления. Такое единственно правильное понимание сущности ПДПС устраняет все затруднения, возникающие при исполнении его решений. Если акты совещания обязательны для всех его участников, то они обязательны и для администрации. И это несколько не ограничивает единоначалия, так как совещание принимает такие акты при участии администрации. Реализуя решения совещания, администрация исполняет и свое решение. Отношение же к ПДПС как к органу, который представляет лишь общественные организации предприятия, а не коллектив в целом, помимо того, что оно неверно, создает непреодолимые затруднения в исполнении их решений. Признание при таком понимании его сущности обяза-

тельности для директора решений совещания (даже некоторых) неизбежно приведет к нарушению правильного сочетания единоначалия и коллегиальности, к подрыву единоначалия. Только те меры обеспечат исполнение решений ПДПС, станут подлинными гарантиями их исполнения, которые будут соответствовать сущности ПДПС, которые будут основываться на уважительном использовании опыта ПС 20-х годов и на четкой регламентации прав и взаимных обязанностей всех составных частей коллектива в ПДПС и вне его.

В ПДПС на основе тесного взаимодействия всех частей трудового коллектива происходит взаимопроникновение элементов государственного и общественного управления предприятием. Этот процесс наметился, несомненно, уже в ПС. В ПДПС он идет повседневно и все энергичнее по мере того, как совершенствуется государственное управление предприятием, укрепляется единоначалие, всемерно развивается активность масс в управлении предприятием. КПСС привлекает внимание к ПДПС именно потому, что оно, как и рабочее собрание, наиболее полно представляет все составные части коллектива, государственные и общественные начала, действующие в нем. Взаимопроникновение государственных и общественных элементов в будущем приведет к слиянию государственных и общественных органов управления предприятием, что является генеральной линией развития самоуправляющегося производственного коллектива трудящихся — первичной ячейки коммунистического общественного самоуправления. Таким образом, путь в самоуправляющееся коммунистическое производство проходит и через ПДПС. Совершенствование правового регулирования ПДПС — его организации и деятельности — должно ориентироваться на эту тенденцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 8. Т. 2—4. М., Политиздат, 1970.
2. XIV съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М.—Л., Госиздат, 1926. 1029 с.
3. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 1. М., Политиздат, 1961, 848 с.
4. Шестнадцатая конференция ВКП(б). Стеногр. отчет. М., Политиздат, 1962, 838 с.
5. XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.—Л., Госиздат, 1930. 782 с.
6. Комуністична партія України в резолюціях з'їздів і конференцій. 1918—1956. Київ, Політвидав, 1958. 752 с.
7. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 3. М., Политиздат, 1972. 536 с.
8. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., Политиздат, 1976. 112 с.
9. ЦГАОР УССР. Ф. 34, оп. 13, д. 531.
10. Бухалов Ю. Ф., Якуба Е. А. Производственная демократия и общественная активность.— В кн.: Роль общественности в управлении производством. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1968, с. 7—60.
11. «Ведомости Верховного Совета СССР».
12. Дзержинский Ф. Э. Очередные задачи промышленной политики.— М.—Л., Изд-во ВСНХ, 1925, 133 с.

13. История Харьковского паровозостроительного завода. 1917—1932. Сб. документов и материалов. Харьков, «Прапор», 1965. 456 с.

14. Монастырский Е. А. Правовые вопросы организации и деятельности постоянно действующих производственных совещаний. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. [Рукопись]. Киев, 1965. 250 с.

15. Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.). Сб. документов. М., Политиздат, 1956. 612 с.

16. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 2. М., Профиздат, 1963. 868 с.

17. «СЗ СССР».

18. «СП СССР».

19. «СУ УССР».

20. Чубарь В. Я. Хозяйственное положение УССР. Харьков, «Пролетарий», 1925. 73 с.

В. А. Попов, канд. юрид. наук

О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ СЛУЖЕБНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ

Важное значение изобретательства в ряду других слагаемых научно-технического прогресса отмечается в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1973 г. «О дальнейшем развитии изобретательского дела в стране, улучшении использования в народном хозяйстве открытий, изобретений и рационализаторских предложений и повышении их роли в ускорении научно-технического прогресса» [см.: 8, ст. 108].

Подавляющее количество изобретений в нашей стране создается по планам научно-исследовательских и других научно-технических организаций, выполняющих основную работу по ускорению научно-технического прогресса, т. е. большая часть изобретений является служебными. Как показывает статистика, в 1973 г., например, около 80% заявок на изобретения поступило в Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий от организаций [см.: 4, с. 19].

Советское изобретательское право всегда придавало значение учету особенностей создания служебных изобретений, а в июне 1962 г. Правительство Союза ССР установило для них специальный правовой режим [см.: 1, с. 10]. Было решено выдавать авторское свидетельство не только изобретателям, но и тем организациям, по заданию которых изобретение создано. Но одним и тем же документом охранялись различные по своей природе правовые последствия. Поэтому пунктом 26 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях от 21 августа 1973 г.¹ установлено правило о том, что авторское свидетельство выдается только тому, кто является действительным создателем изобретения [см.: 8, ст. 109]. Организации же выдается свидетельство (п. 62 Положения 1973 г.).

Выдача авторского свидетельства и свидетельства на служебное изобретение имеет важное правовое значение и потому должны рассматриваться в качестве юридических фактов. Что каса-

¹ В дальнейшем будем называть Положение 1973 г.

ется факта выдачи авторского свидетельства как на служебное, так и на любое иное изобретение, то п. 26 Положения достаточно полно раскрывает порождаемые им правовые последствия. Вопрос же о правовых последствиях, связанных с выдачей свидетельства на служебное изобретение, с необходимой полнотой в Положении, к сожалению, не раскрывается. Ограничиваться же только простой констатацией факта создания служебного изобретения в той или иной организации на основе осуществления соответствующих планов научно-технического прогресса, очевидно, недостаточно. Подтверждение этому имеется и в самом Положении. Так, в соответствии с п. 40 заявка на служебное изобретение оформляется предприятием или организацией, по плану которой изобретение создано, с участием автора или соавторов.

Права, предоставляемые заявителю при рассмотрении заявочных материалов на служебное изобретение, принадлежат предприятию или организации, по плану которых изобретение создано, наравне с действительными авторами этого изобретения (п. 41 Положения 1973 г.). Если заявка на служебное изобретение своевременно не подана предприятием или организацией, автор вправе самостоятельно подать заявку Государственному комитету по делам изобретений и открытий с указанием, что данное изобретение создано им в связи с выполнением служебного задания.

Организации или предприятию, как заявителю по служебному изобретению (пп. 58, 59 Положения 1973 г.) предоставлено право знакомиться со всеми материалами, на основе которых патентная экспертиза вынесла решение по этому изобретению, подавать возражения на отказ в выдаче авторского свидетельства, а следовательно, и свидетельства на служебное изобретение. Положение (п. 60) обязывает органы Государственной патентной экспертизы сообщать заявителю об отмене или пересмотре прежнего решения. Все это подтверждает, что факт создания служебного изобретения наделяет организацию, предприятие или учреждение определенными правами на стадии оформления заявочных материалов и установления надлежащей охраны изобретений, созданных их сотрудниками. Однако только этой стадией права организации не ограничиваются. Они простираются прежде всего на стадию распространения служебного изобретения с целью его использования как внутри страны, так и за рубежом, не затрагивая при этом авторские права действительных создателей служебного изобретения. Как сказано в п. 27 Положения, использование изобретений, защищенных авторскими свидетельствами, осуществляется советскими государственными, кооперативными, общественными предприятиями, организациями и учреждениями, исходя из интересов государства и собственных интересов, без специального на то разрешения. Использование же таких изобретений другими организациями и лицами в целях промысла допускается только с разрешения Государственного комитета по делам изобретений и открытий.

Для защиты за рубежом экономических интересов нашего го-

сударства в области изобретений и ускорения технического прогресса министерства, ведомства, предприятия, организации и учреждения должны прежде всего осуществлять патентование советских изобретений за границей (п. 103 Положения 1973 г.). С этой целью все предприятия, организации или учреждения, оформляющие заявку на изобретение, должны представлять своему министерству или ведомству обоснованное предложение о зарубежном патентовании этого изобретения (п. 105 Положения 1973 г.). Это правило распространяется также на предприятия и организации, являющиеся заявителями по служебным изобретениям. Причем, патентующей организацией в соответствии с п. 106 Положения должна быть, как правило, та организация, по планам которой изобретение создано.

С фактом создания служебного изобретения связаны и некоторые другие моральные и материальные стимулы для предприятия, организации или учреждения, по планам которых изобретение создается. Достаточно указать на то, что в случае разработки заданий по планам новой техники на уровне изобретения начисление премиальных сумм полагается по высшему баллу. То же самое относится и к выполнению технических разработок на уровне изобретения, проводимом на основе договоров о техническом содействии, о передаче научно-технических достижений и пр. Все это подтверждает, что свидетельство на служебное изобретение, выдаваемое на имя организации-заявителя, юридически закрепляет большой круг ее имущественных и неимущественных прав и обязанностей. Понятна поэтому заинтересованность, которую проявляют предприятия и организации, особенно научно-технические, в своевременном получении предусмотренных законом охранных документов на служебное изобретение.

Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1959 г. не содержало предписаний о порядке и условиях рассмотрения споров о праве быть заявителем по служебному изобретению. Поэтому в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР 27 августа 1970 г. был издан специальный приказ, в котором предлагалось решение вопроса об изменении состава соавторов, если нет об этом спора, а также вопроса о включении в заявку соответствующей организации в качестве заявителя при условии, если авторы не оспаривают это обстоятельство [см.: 6, ст. 327 ж.].

Однако приказ не содержит ответа по поводу спорных ситуаций, возникающих между организацией и автором. В какой-то мере он вытекает из рекомендации отдела Горной промышленности Всесоюзного научно-исследовательского института патентной экспертизы Конструкторскому бюро автоматизации и механизации харьковского Гипрококса по решению о выдаче авторского свидетельства на изобретение «Устройство для автоматического регулирования водо-воздушного режима отсадочных машин»¹ [см.: 5]. В этом письме говорится, в частности, что изменение как состава

¹ Выдано авторское свидетельство № 288904.

заявителей, так и соавторов в случае возникновения спора производится только после вынесения соответствующего решения судом.

Спор по упомянутому изобретению возник из-за того, что один из сотрудников Гипрококса, участвовавший в создании изобретения в порядке выполнения служебного задания, поступив в аспирантуру Украинского заочного политехнического института, оформил заявку на созданное служебное изобретение в соавторстве с сотрудниками своей кафедры и только от имени учебного института. В связи с этим Гипрококкс и двое его сотрудников, участвовавшие в создании этого изобретения, обратились в суд с иском о включении их в число соавторов и об изменении состава заявителей. В исковом заявлении ставился вопрос не только о включении истцов в состав соавторов и заявителей по изобретению, но и об изменении последовательности их перечисления в авторском свидетельстве. Первым заявителем требовалось указать конструкторское бюро Гипрококса, а вторым — политехнический институт. Первым соавтором предлагалось указать того сотрудника Гипрококса, который поступил в аспирантуру, после него двух сотрудников проектного института, а затем уже двоих сотрудников учебного института.

Рассмотрение иска в народном суде Киевского района г. Харькова облегчилось тем, что указанные в исковом заявлении в качестве ответчиков соавторы изобретения полностью признали предъявленные к ним требования. Поэтому народный суд своим решением от 19 января 1973 г. удовлетворил исковые требования в полном объеме [см.: 2].

Аналогично поступил Украинский научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт по машинам для производства технических культур по авторскому свидетельству на изобретение «Гидроследящая система для автоматического управления самоходным объектом на колесном ходу по контрастному следу».¹

Трое сотрудников группы автоматики СКБ Днепропетровского комбайнового завода в порядке выполнения служебного задания по разработке упомянутой системы сотрудничали с одним из работников лаборатории автоматизации УкрНИИСХОМа на стадии испытания и доводки опытных образцов. Творческое участие сотрудника УкрНИИСХОМа свелось к тому, что он создал крепление гидрораспределителя на поворотной цапфе управляемого колеса с помощью переставного кронштейна, связанного с силовым цилиндром, а также наравне с другими соавторами разрабатывал схему всей гидроследящей системы. Выполнял он эту работу также в порядке служебного задания своего института. Поэтому исковые требования сводились как к включению в состав соавторов изобретения упомянутого сотрудника, так и об указании в авторском свидетельстве УкрНИИСХОМа в качестве заявителя. По этому иску

¹Выдано авторское свидетельство № 296494.

соавторы изобретения, выступавшие в споре как ответчики, также полностью признали требования истцов. На этом основании, сославшись на п. 46 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1959 г., а также на п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по изобретательским и рационализаторским делам» от 4 марта 1961 г., народный суд Коминтерновского района г. Харькова требования истцов по делу удовлетворил в полном объеме [см.: 3]. Не выяснил народный суд лишь вопрос, почему указанное изобретение было заявлено только от имени сотрудников конструкторского бюро, тогда как создано оно ими в порядке выполнения планового задания этой организации.

Приведенные примеры подтверждают, что при наличии спора о соавторстве суды рассматривают и споры о заявительстве или созаявительстве. Случаи отдельного рассмотрения таких споров в отношении авторства (соавторства), с одной стороны, и заявительства (созаявительства), с другой — установить не представлялось возможным. Да и едва ли такие дела могли быть в судебной практике, поскольку отнесение их к подведомственности судов законом не предусмотрено. К сожалению, не решен этот вопрос и в новом Положении.

Известно, что спорные вопросы о выдаче авторских свидетельств рассматриваются либо в административном, либо в судебном порядке. В Положении 1973 г. (п. 118) определены те основные вопросы, которые подлежат рассмотрению Контрольным Советом научно-технической экспертизы Государственного комитета по делам изобретений и открытий. В соответствии с этой нормой Контрольный Совет рассматривает, прежде всего, жалобы заявителей на решения, принятые по возражениям, обоснованным п. 59, 60 Положения. Он рассматривает споры о выдаче патента на изобретение, которое может охраняться только авторским свидетельством (пп. 24, 25 Положения 1973 г.). К числу изобретений, которые охраняются только авторскими свидетельствами, относятся и служебные. Кроме того, Контрольному Совету предоставлено право решать и другие вопросы, связанные с экспертизой заявок на изобретения. Порядок рассмотрения дел в нем подлежит определению соответствующим Положением. Представляется, что имеются достаточные основания для того, чтобы и вопрос о заявительстве и созаявительстве по служебным изобретениям был передан в компетенцию Контрольного Совета научно-технической экспертизы в порядке административного суда. Наряду с этим следует решить, кто и в каких пределах должен рассматривать спор о заявителе и созаявителе как наряду со спорами об авторстве и соавторстве, так и тогда, когда этот спор носит самостоятельный характер.

Действующее законодательство об изобретательстве порождает не только авторские права создателя на служебное изобретение, но и исключительное право Советского государства, а также субъективное право заявителя той организации, при выполнении

служебного задания которой создано изобретение. Из этого следует, что право авторства и соавторства на изобретение непосредственно связывается с установлением факта творческого участия в его создании (пп. 3, 4 Положения 1973 г.); право быть заявителем или созаявителем связано с установлением факта создания служебного изобретения по планам работы предприятия, организации или учреждения, притязающих на заявительство или созаявительство (пп. 40, 42, 62, 110 Положения 1973 г.). Поэтому представляется правомерным судебное рассмотрение не только споров об авторах, но и о заявителях, если эти споры не были разрешены в административном порядке.

Отсутствие в законодательстве прямых предписаний об этом значительно затрудняет осуществление наиболее эффективной защиты интересов изобретателей, с одной стороны, Советского государства и социалистических организаций — с другой. Несоввершенством действующего законодательства об изобретательстве следует признать отсутствие в нем легального определения понятия служебного изобретения [см.: 7, с. 18]. Только по этой причине в харьковских научно-технических организациях, например, годами затягиваются споры с отдельными изобретателями о служебном характере созданных ими изобретений. Очевидно, установленная в стране система поощрительного вознаграждения за изобретения по заданиям предприятий и организаций, а также на общественных началах не обеспечивает еще материальной заинтересованности отдельных изобретателей в том, чтобы все созданные ими в связи с исполнением трудовых обязанностей принципиально новые технические решения оформлялись заявками на служебные изобретения. Повышение моральной и материальной заинтересованности изобретателей в создании наиболее прогрессивных технических решений, с одной стороны, предприятий и организаций — с другой, должно быть основой совершенствования законодательства об изобретательстве как важного правового средства успешного построения материально-технической базы коммунизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Ч. Н. Правовое регулирование служебных изобретений научно-исследовательских и конструкторских организаций. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1971. 19 с.
2. Архив нар. суда Киевского р-на, 1973, дело № 2-134 а, л. д. 21.
3. Архив нар. суда Коминтерновского р-на, дело № 2-1403, л. д. 20.
4. «Вопросы изобретательства», 1974, № 8, с. 19—21.
5. Заявочные материалы на изобретение «Устройство для автоматического регулирования водо-воздушного режима отсадочных машин», л. д. 7. Патентное бюро КБА и М харьковского Гипрококка, 1972.
6. Нормативные акты, принятые с 1 января по 31 декабря 1970 г. (дополнение к сборнику «Изобретательство в нормативных актах», тт. 1—2). М., Изд-во Центр. науч.-исслед. ин-та патентной информации технико-экономических исследований, 1971. 18 с.

7. Солоденин В. А. Понятие «служебное изобретение» — «Вопросы изобретательства», 1974, № 10, с. 17—21.

8. СП СССР, 1973, № 19.

Л. Н. Кривоченко, канд. юрид. наук

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Большое значение логики для юриспруденции и, в частности, для уголовного права неоднократно подчеркивалось в советской юридической литературе. Так, профессор В. Н. Кудрявцев справедливо писал, что, «пожалуй, нет никакой другой области общественной жизни, где нарушение законов логики, построение неправильных умозаключений, приведение ложных аргументов могли бы причинить столь существенный вред, как в области права» [6, с. 61]. Без соблюдения законов формальной и диалектической логики невозможно глубоко познать исследуемое явление, правильно определить его понятие, существенные свойства, закономерности развития и изменения. Все сказанное имеет непосредственное отношение к проблеме классификации преступлений в Общей части уголовного права.

Классификация преступлений, как и любая научная классификация, чтобы обеспечить достижение стоящих перед ней задач должна основываться на определенных логических правилах [см.: 10, 13]. Представляя собой деление на определенные категории всех общественно опасных деяний, охватываемых общим понятием «преступление», она, прежде всего, должна подчиняться всем логическим правилам деления понятия. Именно соблюдение этих правил должно лечь в основу решения спорных в настоящее время вопросов о критериях классификации, классификационных категориях преступлений и их последствиях. Между тем анализ литературы по данной проблеме свидетельствует, что некоторые предложения по совершенствованию классификации в действующем законодательстве построены без их учета.

Поэтому и возникает необходимость обратиться к выработанным логикой правилам классификации.

Как известно [см.: 1, 2, 3, 5], логика устанавливает следующие правила классификации: 1) в одной и той же классификации необходимо применять одно и то же основание; 2) объем членов классификации должен равняться объему классифицируемого класса; 3) члены классификации должны взаимно исключать друг друга; 4) подразделение на классы должно быть непрерывным; 5) основание должно быть ясным, четким.

Рассмотрим в этой последовательности связь указанных правил с классификацией преступлений.

1. В соответствии с первым правилом классификация преступлений должна быть основана на едином классификационном критерии. Его выбор (как, впрочем, выбор критерия в любой класси-

фикации) зависит от тех целей, которые ставятся перед ней. В этом смысле можно представить различные классификации преступлений. Так, например, взяв за основу субъективное отношение виновного к совершаемому им преступлению, можно классифицировать преступления на умышленные и неосторожные; корыстные и некорыстные и т. п. В зависимости от наличия или отсутствия признаков насилия те же преступления можно разделить на насильственные и ненасильственные и т. д. Каждая из этих классификаций решает свои, хотя и ограниченные конкретной целью, задачи и потому имеет определенное теоретическое и практическое значение. Но такие конкретные признаки оказываются непригодными, когда перед классификацией преступлений ставится более общая цель — предопределить правильное и единообразное в своей основе применение важнейших институтов Общей части уголовного права к различным по тяжести группам преступлений и регламентировать соответствующие каждой группе уголовно-правовые последствия. Здесь классификационный критерий должен быть более общим, и, поскольку такая классификация является естественной, сущностной, ее критерием может выступать лишь существенный признак или признаки, «выражающие закономерность, внутренние связи и отношения, структуру вещей и явлений» [1, с. 102]. Основным свойством преступления, как известно, является объективная реальная опасность его для социалистических общественных отношений. Поэтому именно общественная опасность и должна быть единым критерием, определяющим классификацию преступлений в Общей части уголовного права. «Классификация — это как раз та логическая форма, которая практикой нашей мыслительной деятельности приспособлена к улавливанию, отражению, фиксации именно данных сторон объективной действительности» [10, с. 77].

Вместе с тем критерий любой классификации должен быть обозначен так, чтобы отграничить классифицируемое явление от сходных, смежных. Поэтому общественная опасность как единое основание деления преступлений в Общей части должна достигать по своему характеру и степени такого уровня, который отличает преступление от иных правонарушений.

2. Второе правило (тождества объема членов классификации объему классифицируемого явления) применительно к классификации преступлений предполагает установление двух моментов. Во-первых, всем категориям преступлений должны быть свойственны все признаки преступления: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Во-вторых, классификация должна охватывать все без исключения деяния, обладающие этими свойствами. Исключение из нее какой-либо группы преступлений означает, что она теряет свое научное, познавательное значение. Представляется поэтому, что предложения некоторых ученых исключить из уголовного кодекса группу малозначительных и не представляющих большой общественной опасности преступлений и под названием «уголовный проступок» (без де-

криминализации их) включить в единый Кодекс проступков (наряду с административными, дисциплинарными) не учитывают именно этого логического правила классификации. Ведь классификация преступлений в уголовном законе должна давать в целом представление о преступлении и его категориях. В то же время она не может включать в себя деяния, юридическая природа которых не охватывается общим понятием преступления, характер и степень общественной опасности которых присущ иным правонарушениям. В противном случае будет расширена сфера применения уголовной ответственности и наказания. Поэтому вполне обоснованно в настоящее время ставится вопрос о необходимости уточнения круга преступлений, декриминализации ряда общественно опасных деяний. Это касается, в частности, деяний, относящихся по действующему законодательству к числу мало-значительных преступлений [см.: 4, с. 60; 8, с. 64].

3. Требование логики о взаимном исключении членами классификации друг друга для нашей проблемы означает, прежде всего, что каждая группа преступлений, выделяемая в классификации, должна быть четко очерчена, иметь свой определенный объем.

Единство всех категорий, определяемое общими для них признаками, не исключает различия, основанного на особенностях характера и степени общественной опасности различных преступлений. Поэтому выделение той или иной категории — это не простое суммирование отдельных преступлений. Оно предполагает выявление свойств, общих для преступлений одной группы и отличающих ее от всех иных. В силу этого установление принадлежности конкретного преступления к определенной категории само по себе дает возможность судить о его свойствах. Именно поэтому все категории должны иметь четко фиксированное положение в классификации, исключающее их пересечение или смешение. С этой точки зрения представляется необходимым в действующем законе (ст. 7¹ УК УССР) расчленить понятие тяжкого преступления, выделив из него категорию особо тяжких преступлений, имеющих по закону свою специфику, определенные правовые последствия. Более четких границ требуют и другие группы преступлений, выделяемые действующим законодательством.

Точно фиксированное, постоянное положение каждой категории преступлений в законодательной классификации должно иметь единое значение как для всех уголовно-правовых институтов, так и для всех отраслей права. Поэтому неприемлемо положение по-разному определять одну и ту же категорию преступлений применительно к целям различных институтов [см.: 9, с. 15]. Трудно согласиться также и с тем, что «вполне допустимы несовпадающие группировки преступных деяний с позиций уголовного права, криминологии и исправительно-трудового права» [7, с. 9].

Требование определенности в понятии и объеме каждой категории преступлений не исключает, однако, возможных изменений, со-

вершенствования классификации. В ходе исторического развития может меняться характер и степень общественной опасности отдельных видов преступлений, что неизбежно изменит объем категорий, повлечет переход ряда преступлений из одной категории в другую, исключит отдельные деяния из классификации и, наоборот, внесет в нее новые классификационные единицы.

Классификация преступлений должна точно отражать установленный законом круг уголовно-наказуемых общественно опасных деяний. В то же время она должна служить средством уточнения и совершенствования уголовного закона, условием развития как самого понятия преступления, так и понятий отдельных его категорий. Это, собственно, и определяет большое значение разрабатываемой ныне классификации преступлений для правильного отбора общественно опасных деяний, подлежащих уголовно-правовому регулированию, для уточнения круга и свойств преступных деяний именно на данном этапе исторического развития общества.

4. В соответствии с правилом непрерывности подразделения на классы классификация преступлений должна содержать определенную последовательность, отсутствие существенных разрывов в характере и степени общественной опасности предшествующей и последующей категорий. Эта непрерывность должна соблюдаться и при возможной градации преступлений в пределах одной категории в целях конкретизации уголовно-правовых последствий. Последовательность деяния должна быть такой, чтобы вскрывалась закономерность образования самих категорий преступлений. С этой точки зрения представляется неудачной предлагаемая некоторыми авторами следующая классификация преступлений: 1) особо тяжкие, 2) тяжкие, 3) не представляющие большой общественной опасности, 4) малозначительные [см.: 12, с. 61]. При таком делении наблюдается (исходя из действующего законодательства) существенный разрыв в характере и степени общественной опасности между тяжкими и не представляющими большой общественной опасности преступлениями, исключающий возможность четкого определения последствий, индивидуализацию ответственности. Не касаясь в данной статье вопроса о содержании и признаках каждой категории, следует признать более правильным, соответствующим логическим правилам, выделение следующих категорий преступлений в законодательной классификации: 1) особо тяжкие, 2) тяжкие, 3) менее тяжкие, 4) не представляющие большой общественной опасности.

5. Выделение правила о четком, ясном основании классификации объясняется тем, что при соблюдении всех остальных правил выбор неясного, неопределенного основания исключает правильность всей классификации, возможность ее использования. Характер и степень общественной опасности как критерий деления преступлений в Общей части определяется законодателем на основании учета конкретных исторических условий общественного развития, задач уголовной политики, определенного уровня развития социалистического правосознания. На этом — законодательном

уровне — характер и степень общественной опасности определенных видов преступлений являются объективными категориями, отображающими закономерности окружающей действительности, содержание которых находит свое четкое отражение в признаках составов преступлений и санкциях статей уголовного закона.

Однако, когда речь идет о критерии выделения целых групп преступлений (объединяющих различные составы), признаки составов, конкретные санкции не могут иметь значения. Требование ясности основания классификации вызывает необходимость найти такие показатели характера и степени общественной опасности для всех категорий, которые исключали бы возможность различного их понимания. Таким показателем должна выступать типовая санкция — т. е. определенный предел видов и сроков наказаний, наиболее характерный для преступлений той или иной категории [см.: 11, с. 53].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакрадзе К. Логика. Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1951. 283 с.
2. Горский Д. П. Логика. М., Учпедгиз, 1968. 291 с.
3. Жеребкин В. Е. Логика. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1968. 225 с.
4. Ковалев М. И., Кудрявцев В. Н. Комплексные криминологические исследования. — «Сов. государство и право», 1975, № 1, с. 55—61.
5. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., «Наука», 1971. 637 с.
6. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., «Юрид. лит.», 1972. 351 с.
7. Кудрявцев В. Н., Стручков Н. А. Борьба с умышленными нарушениями должностных, профессиональных и гражданских обязанностей. — «Сов. юстиция», 1972, № 1, с. 8—10.
8. Кузнецова Н. Эффективность уголовного закона. — «Радянське право», 1975, № 8, с. 59—64.
9. Михлин А. Каким должно быть понятие тяжкого преступления? — «Сов. юстиция», 1969, № 12, с. 14—15.
10. Розова С. С. Научная классификация и ее виды. — «Вопр. философии», 1964, № 8, с. 70—76.
11. Сахаров А. Б. О классификации преступлений. — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., «Юрид. лит.», 1972, с. 42—54.
12. Советское уголовное право. Часть Общая, М., «Юрид. лит.», 1972. 583 с.
13. Чупахин И. Я. Понятие и методы научной классификации объектов исследования. — В сб.: Вопросы диалектики и логики. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1964, с. 60—75.

В. Е. Жеребкин, канд. филос. наук

ТИПЫ ЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Исследование логической структуры состава преступления имеет важное научно-теоретическое и практическое значение, является одним из перспективных направлений в общем учении о составе преступления. Объясняется это тем, что со структурой состава связана в определенной мере как общая проблема применения и толкования норм права, соблюдение социалистической законности, так и проблема разработки технических, алгоритмических приемов и способов квалификации преступлений.

Теоретические и практические аспекты квалификации всегда были в центре внимания науки уголовного права. «Квалифицировать преступление,— пишет В. А. Кудрявцев,— значит дать ему юридическую оценку, указать соответствующую уголовно-правовую норму, содержащую признаки этого преступления» [2, с. 6]. Квалифицировать преступное деяние, значит, установить его принадлежность к определенному классу преступлений, дать ответ на вопрос о том, элементом какого множества (класса) социально-правовых явлений есть это деяние. «Квалификация преступления,— писал А. А. Герцензон,— состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признаком того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [1, с. 4].

Квалификация как мыслительный процесс непременно связана с анализом структуры состава преступления, с выявлением признаков, характеризующих объект, объективную сторону и субъект преступления, а также с определением логической связи этих признаков.

Под составом преступления, как известно, понимается совокупность установленных уголовным законом признаков определенного общественно опасного деяния [см.: 3, с. 243—244].

В логическом отношении состав преступления есть содержание понятия. И потому исходной основой исследования логической структуры состава преступления является учение логики о содержании понятия. Как известно, логика рассматривает содержание понятия как конъюнкцию признаков, т. е. такую структуру, в которой элементы (признаки содержания понятия) связаны логическим союзом *и*. Структура содержания понятия записывается в виде формулы так:

N есть *A, a, b, c, d... n*. Либо так:

N есть $A \wedge a \wedge b \wedge c \wedge d \dots \wedge n$. Здесь

N — содержание понятия; *A* — родовой признак; *a, b, c, d... n* — видовые признаки и знак \wedge обозначает логический союз *и*.

Состав преступления, как и содержание понятия, также представляет собой конъюнкцию признаков. Признаки состава преступления как элементы конъюнктивной структуры связаны между собой союзом *и*. Поэтому логическую структуру состава можно выразить этой же формулой:

N есть $A \wedge a \wedge b \wedge c \wedge d \dots \wedge n$.

Однако такая формула не учитывает различных логических вариаций внутри конъюнктивной структуры, не отражает того, что признаки состава преступления как элементы структуры, в свою очередь, могут состоять из отдельных элементов. Мы имеем в виду не то, что каждый признак как элемент структуры выражен определенным понятием, содержание которого само имеет структуру. Речь идет о том, что элементы конъюнктивной структуры (*a, b, c, d* и т. д.) могут быть как простыми, односоставными, нерасчлененными, так и сложными, многосоставными. В зависимости от этого можно выделить три типа (вида) логических структур состава преступления: составы преступлений с чисто конъюнктив-

ной структурой, составы преступлений с конъюнктивно-дизъюнктивной структурой и составы преступлений с конъюнктивно-дизъюнктивно-имплекативной структурой.

Состав преступления с чисто конъюнктивной структурой — это такой состав, в котором все структурные элементы односоставные.

Структурный элемент является односоставным, если он представлен всего лишь одним признаком. Так, ст. 140 УК УССР (ст. 144 УК РСФСР) определяет кражу как тайное похищение личного имущества граждан. Состав же данной кражи образуют такие признаки, как тайное, ненасильственное, похищение, личного имущества граждан, совершенное умышленно (в форме прямого умысла), вменяемым лицом, достигшим 14-летнего возраста. Если перечисленные признаки обозначить буквами a (тайное), b (ненасильственное), c (похищение), d (личное имущество граждан), e (умышленно), f (вменяемое лицо), k (лицо, достигшее 14-летнего возраста), то логическую структуру состава простой кражи можно выразить формулой:

$$N \text{ есть } a \wedge b \wedge c \wedge d \wedge e \wedge f \wedge k.$$

Как видно из формулы, каждый признак состава является в то же время и элементом конъюнктивной структуры. Таким образом, элемент структуры и признак в данном составе преступления совпадают, причем число признаков, входящих в такой состав, может быть различным. Поэтому обобщенная формула, выражающая состав с чисто конъюнктивной структурой, будет такой:

$$N \text{ есть } a \wedge b \wedge c \wedge d \dots \wedge n.$$

Составов преступления с чисто конъюнктивной логической структурой в уголовном кодексе не так уж много. Большинство их в логическом отношении представляет собой конъюнктивно-дизъюнктивную структуру, где ряд структурных элементов является сложным, многосоставным. Элемент структуры многосоставный, если он состоит не из одного, а из нескольких признаков. Структурный элемент в таком случае как бы распадается на ряд равноценных в логическом отношении признаков — $(a_1, a_2 \dots a_n)$. Число признаков, образующих структурный элемент, может быть самым различным: он может состоять из двух, трех и более признаков. В одних составах их число является строго определенным, таким, например: (a_1, a_2) или (a_1, a_2, a_3) , в других, — где законодатель не исчерпывает всех признаков, структурный элемент является, например, таким: $(a_1, a_2, a_3 \dots a_n)$.

Признаки многосоставного структурного элемента связаны дизъюнктивно, в форме слабой дизъюнкции, и структурный элемент как целое представляет собой логическое образование такого характера:

$$(a_1 \vee a_2 \vee a_3 \dots \vee a_n).$$

Составы преступления с конъюнктивно-дизъюнктивной структурой бывают самой различной степени усложненности. В одних составах многосоставным является один структурный элемент, в других — два или более структурных элемента. Так, например, в

составе квалифицированной кражи личного имущества многосоставным является лишь один структурный элемент. Данный состав преступления образуют признаки, характерные для кражи (тайное, ненасильственное похищение личного имущества граждан, совершенное умышленно, вменяемым лицом, достигшим 14-летнего возраста), и признаки, свойственные квалифицированной краже: 1) совершенной повторно; 2) по предварительному сговору группой лиц; 3) причинившей значительный ущерб потерпевшему; 4) с применением технических средств (по УК РСФСР). Эти последние признаки (обозначим их буквами l_1, l_2, l_3, l_4) связаны между собой логическим союзом *или* и образуют один структурный элемент $(l_1 \vee l_2 \vee l_3 \vee l_4)$.

Поэтому логическую структуру квалифицированной кражи личного имущества граждан в целом можно записать формулой

$$N \text{ есть } (a \wedge b \wedge c \wedge d \wedge e \wedge f \wedge k \wedge (l_1 \vee l_2 \vee l_3 \vee l_4)).$$

В составе вымогательства многосоставными являются два структурных элемента. Статья 148 УК УССР (ст. 144 УК РСФСР) определяет вымогательство как «требование передачи личного имущества граждан или права на имущество или совершение каких-либо действий имущественного характера под угрозой насилия над личностью потерпевшего или его близких, оглашения о них позорящих сведений или истребления их имущества». Здесь один структурный элемент образуют признаки a_1 (требование передачи личного имущества граждан), a_2 (требование передачи права на имущество), a_3 (требование совершения каких-либо действий имущественного характера), которые объединены союзом *или* в целое $(a_1 \vee a_2 \vee a_3)$. Второй структурный элемент состоит из таких признаков: b_1 (угроза насилия над личностью потерпевшего), b_2 (угроза насилия над личностью его близких), b_3 (угроза оглашения о них позорящих сведений), b_4 (угроза истребления их имущества). В целом структурный элемент представляет собой такое логическое образование: $(b_1 \vee b_2 \vee b_3 \vee b_4)$. Если теперь остальные признаки состава вымогательства обозначить буквами c (умышленно), d (вменяемое лицо), e (достигшее 16-летнего возраста), то его структура получит такое выражение:

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \vee a_3) \wedge (b_1 \vee b_2 \vee b_3 \vee b_4) \wedge c \wedge d \wedge e).$$

Для выражения конъюнктивно-дизъюнктивной структуры состава преступления с помощью формул можно и не пользоваться скобками. Например, логическую структуру состава квалифицированной кражи можно записать и так:

$$N \text{ есть } a \wedge b \wedge c \wedge d \wedge e \wedge f \wedge k \vee l_1 \vee l_2 \vee l_3 \vee l_4.$$

Структуру состава вымогательства соответственно выразит такая формула:

$$N \text{ есть } a_1 \vee a_2 \vee a_3 \wedge b_1 \vee b_2 \vee b_3 \vee b_4 \wedge c \wedge d \wedge e.$$

Однако скобки позволяют более строго провести отграничение одних признаков состава от других, они объединяют однотипные признаки ($a_1, a_2 \dots a_n$; $b_1, b_2 \dots b_n$ и т. д.) в единое целое, а это дает возможность рассматривать группу таких признаков в качестве

одного признака, т. е. как один структурный элемент, и помогает составить более четкое представление о том или ином составе преступления.

Поскольку в составах преступлений с конъюнктивно-дизъюнктивной структурой многосоставным может быть различное число структурных элементов, то предложить единую для них формулу невозможно. Эти формулы будут различными в зависимости от того, сколько содержится в составе многосоставных элементов. Например, структуру составов преступлений с одним многосоставным структурным элементом можно записать так:

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \dots \vee a_n) \wedge b \wedge c \wedge d \dots \wedge n).$$

Для выражения структуры состава преступления с двумя многосоставными элементами введем такую формулу:

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \dots \vee a_n) \wedge (b_1 \vee b_2 \vee b_n) \wedge c \wedge d \dots \wedge n).$$

Составы преступлений, в которых три многосоставных структурных элемента, представляют собой такую структуру:

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \dots \vee a_n) \wedge (b_1 \vee b_2 \dots \vee b_n) \wedge (c_1 \vee c_2 \dots \vee c_n) \wedge d \wedge e \dots \wedge n)$$

Некоторые составы преступлений имеют конъюнктивно-дизъюнктивно-имплицативную структуру. Такой, например, является структура состава незаконной охоты. В ст. 161 УК УССР этот состав преступления так описывается: «Охота в запрещенное время, или в недозволенных местах, или запрещенными орудиями и способами, либо на зверей и птиц, охотиться на которых полностью запрещено, если за такие же действия были уже применены меры административного воздействия...».

Обозначим признаки состава незаконной охоты буквами a_1 (охота в запрещенное время), a_2 (охота в недозволенных местах), a_3 (охота запрещенными орудиями и способами), a_4 (охота на зверей, на которых охотиться полностью запрещено), a_5 (охота на птиц, охотиться на которых полностью запрещено), b (если за такие же действия были уже применены меры административного воздействия), c (совершенная с прямым умыслом), d (вменяемым лицом), e (достигшим 16-летнего возраста).

Логическую структуру данного состава преступления можно выразить формулой:

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \vee a_3 \vee a_4 \vee a_5) \rightarrow b) \wedge c \wedge d \wedge e).$$

Но можно воспользоваться и такой формулой:

$$N \text{ есть } a_1 \vee a_2 \vee a_3 \vee a_4 \vee a_5 \rightarrow b \wedge c \wedge d \wedge e).$$

Знание логической структуры состава преступления имеет существенное значение для процесса применения и толкования уголовного законодательства.

Как известно, чтобы применить норму права к конкретному случаю, необходимо не только установить фактические обстоятельства дела, но и найти соответствующую норму права, правильно уяснить смысл применяемого закона. «Правильное истолкование закона, — отмечает А. С. Шляпочников, — является важнейшим условием единообразного его понимания и точного исполне-

ния» [4, с. 85]. Толкование закона представляет собой процесс познания действующего права, выявления законодательной воли, воплощенной в тексте закона [см.: 4, с. 84—86]. Толкование закона, уяснение его смысла связано так или иначе с выявлением логической формы, посредством которой выражен закон, с установлением, в частности, логической структуры состава преступления как основания квалификации. Четкое и ясное понимание логической структуры состава — это то условие, которое непременно сопутствует уяснению смысла закона и которое достигается в определенной мере при грамматическом толковании. В этой связи следует сказать, что последнее, хотя и называется толкованием грамматическим, решает не только языковые, семантические, но и логические вопросы права. С помощью грамматического толкования выясняется не только значение слов, терминов и предложений, но и определяются логические связи терминов и понятий, содержащихся в тексте закона, определяется логическая форма закона в целом. Без знания последней смысл закона вообще уяснить нельзя. А если учесть, что логическое и грамматическое в тексте закона не всегда совпадают, то важность определения логической формы норм права становится особенно очевидной.

К анализу логической структуры конкретных составов преступлений возникает необходимость обращаться также и при разработке и использовании в судебной практике алгоритмов квалификации преступлений. Последним В. Н. Кудрявцев уделяет в своей монографии значительное внимание [см.: 2, с. 146—239]. Он подробно рассматривает механизм квалификации преступлений, вводит таблицы разграничения преступлений по объекту, объективной стороне, субъективной стороне и субъекту преступления. Значительную пользу в этом плане могут оказать, как нам представляется, логические таблицы истинности сложных суждений.

При расследовании и рассмотрении уголовных дел следствие и суд должны дать ответ на вопрос: содержит конкретное деяние данный состав преступления или не содержит его. Поскольку большинство составов преступления по логической структуре является сложным, при разработке алгоритмов квалификации можно идти тем же путем, каким идут при решении вопроса об истинности или ложности сложных суждений. Признаки состава преступления в таком случае будут рассматриваться как простые суждения, а состав преступления в целом как сложное суждение, состоящее из простых.

К составам преступлений с чисто конъюнктивной структурой можно приложить таблицу истинности конъюнктивных суждений. Она такая:

A	B	A∧B
и	и	и
и	л	л
л	и	л
л	л	л

Как видно из таблицы, конъюнкция истинна лишь в одном случае, когда истинными являются все члены конъюнкции, и ложна, если ложным оказывается хотя бы один член конъюнкции.

В процессе квалификации преступлений членами конъюнктивной структуры выступают признаки состава. Поэтому вместо *истинно* и *ложно* можно употребить слова *есть* и *нет*, «деяние Q содержит данный состав преступления N » (или сокращенно « Q содержит состав N ») и «деяние Q не содержит состав преступления N » (не содержит состав N).

Тогда для составов преступлений с чисто конъюнктивной структурой, такой, например:

$$N \text{ есть } a \wedge b \wedge c \wedge d \wedge e \wedge f,$$

будет следующая таблица наличия или отсутствия состава в каждом конкретном случае:

a	b	c	d	e	f	N есть $a \wedge b \wedge c \wedge d \wedge e \wedge f$
есть	есть	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
есть	есть	есть	есть	есть	нет	деяние Q не содержит состав преступления N
есть	нет	нет	нет	нет	нет	деяние Q не содержит состав преступления N
нет	нет	нет	нет	нет	нет	деяние Q не содержит состав преступления N

Значит, конкретное деяние Q содержит состав преступления, имеющего чисто конъюнктивную структуру лишь тогда, когда оно обладает всеми признаками состава. Если же деянию Q не принадлежит какой-либо признак состава, то оно не содержит данного состава преступления.

Составы преступления с конъюнктивно-дизъюнктивной структурой подчиняются законам конъюнкции и законам слабой дизъюнкции. Отношение между членами слабой дизъюнкции отражает такая таблица:

A	B	$A \vee B$
и	и	и
и	л	и
л	и	и
л	л	л

Из нее следует, что суждение с дизъюнктивной структурой истинно, если истинным является хотя бы один член слабой дизъюнкции, и ложно, когда ложными являются все члены дизъюнкции.

Для составов преступления с конъюнктивно-дизъюнктивной структурой, например,

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \vee a_3) \wedge (b_1 \vee b_2) \wedge c \wedge d \wedge e)$$

таблица наличия или отсутствия в конкретном деянии Q состава преступления N выглядит следующим образом:

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \vee a_3) \wedge X$$

a_1	a_2	a_3	b_1	b_2	c	d	e	$X(b_1 \vee b_2) \wedge c \wedge d \wedge e$
есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
нет	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
нет	нет	есть	есть	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
нет	нет	есть	нет	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
нет	нет	есть	нет	нет	есть	есть	есть	деяние Q не содержит состава преступления N
нет	нет	нет	есть	нет	есть	есть	есть	деяние Q не содержит состава преступления N
есть	нет	нет	есть	нет	есть	есть	нет	деяние Q не содержит состава преступления N
нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	деяние Q не содержит состава преступления N

Из таблицы следует, что конкретное деяние Q содержит состав преступления лишь тогда, когда оно обладает признаками всех элементов структуры, т. е. всеми конъюнктивно связанными признаками, и ему не обязательно должны принадлежать абсолютно все дизъюнктивно перечисленные признаки. Состав преступления будет иметь место как в том случае, когда деяние обладает всеми признаками, названными в законе ($a_1, a_2, a_3, b_1, b_2, c, d, e$), так и тогда, когда деяние обладает, например, лишь признаками a, b, c, d, e . Но конкретное деяние не будет содержать данного состава преступления, если ему не принадлежит хотя бы один какой-либо конъюнктивно связанный со всеми остальными признак состава. Так, если деяние Q наделено признаками a_1, a_3, b_1, b_2, c, d , но у него отсутствует признак e , то оно не содержит в себе данного состава преступления.

Составы преступлений с конъюнктивно-дизъюнктивно-импликативной структурой подчинены законам конъюнкции, дизъюнкции и импликации.

Напомним, для условных невыделяющих суждений (если A , то B ; или $A \rightarrow B$) таблица истинности такова:

A	B	$A \rightarrow B$
и	и	и
и	л	л
л	и	и
л	л	и

Как видим, условное невыделяющее суждение ложно лишь в одном случае: когда основание истинно, а следствие ложно. Во всех остальных случаях оно истинно.

Для условных выделяющих или эквивалентных суждений ($A \sim B$) существует следующая таблица:

A	B	$A \sim B$
и	и	и
и	л	л
л	и	л
л	л	и

Условное выделяющее суждение истинно лишь тогда, когда одновременно истинными или ложными являются основание и следствие, оно ложно, если основание или следствие ложно.

Пользуясь первой таблицей, составим таблицу наличия или отсутствия в конкретном деянии состава преступления с конъюнктивно-дизъюнктивно-имплекативной структурой. Для состава преступления, представляющего собой структуру

$$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \vee a_3 \vee a_4) \rightarrow b \wedge c \wedge d \wedge e),$$

она такая:

a_1	a_2	a_3	a_4	b	c	d	e	$N \text{ есть } ((a_1 \vee a_2 \vee a_3 \vee a_4) \rightarrow b \wedge c \wedge d \wedge e)$
есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
есть	есть	есть	есть	нет	есть	есть	есть	деяние Q не содержит состав преступления N
есть	нет	нет	нет	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
есть	нет	нет	нет	есть	есть	есть	есть	деяние Q содержит состав преступления N
есть	нет	нет	нет	есть	есть	есть	нет	деяние Q не содержит состав преступления N

Из таблицы видно, что конкретное деяние Q содержит состав преступления N есть $((a_1 \vee a_2 \vee a_3 \vee a_4) \rightarrow b \wedge c \wedge d \wedge e)$,

как в том случае, когда оно обладает конъюнктивно связанными признаками b, c, d, e , а также наделено всеми признаками (a_1, a_2, a_3, a_4), соединенными союзом *или*, так и тогда, когда деянию присущи признаки b, c, d, e и какой-либо один из конъюнктивно связанных признаков: a_1 или a_2 , или a_3 , или a_4 .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцензон А. А. Квалификация преступлений. М., «Юрид. лит.», 1974. 56 с.
2. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., «Юрид. лит.», 1972. 352 с.
3. Советское уголовное право. Часть Общая. М., «Юрид. лит.», 1964. 320 с.
4. Шляпочников А. С. Толкование уголовного закона М., «Юрид. лит.», 1960. 240 с.

В. В. Голина, канд. юрид. наук

ПОНЯТИЕ ОТБЫТОГО НАКАЗАНИЯ ПРИ ПОГАШЕНИИ СУДИМОСТИ

Вместе с осуждением к уголовному наказанию у лица возникает судимость. В зависимости от вида наказания она прекращается либо сразу же после его отбытия, либо действует в течение установленного срока. Сопоставление целей наказания и роли, которую выполняет судимость как во время отбывания наказания, так и в последующий период, показывает, что судимость является также одним из правовых средств воздействия, способствующих достижению и закреплению целей наказания. С судимостью связан ряд общегражданских ограничений и последствий уголовно-правового характера. Во время отбывания наказания происходит совместное воздействие на осужденного наказания и судимости. Оно выражается в том, что под угрозой наступления последствий судимости: усиления наказания, изменения вида режима его отбывания, возможности признания лица особо опасным рецидивистом и т. п., — в большинстве случаев виновные опасаются совершать новые преступления, стремятся добросовестно трудиться и соблюдать законы. Стало быть, уже на данном этапе судимость способствует исправлению лица. Для одних лиц отбытие некоторых наказаний (например, направление в дисциплинарный батальон) предполагает полное достижение его целей и они признаются несудимыми (п. 2 ст. 55 УК УССР). Для других — требуется определенный отрезок времени, в течение которого результаты, достигнутые при отбытии наказания, должны быть закреплены. Только после того, как истекнут предусмотренные законом сроки, на протяжении которых лицо не совершит новых преступлений, можно утверждать, что цели наказания закреплены. При течении срока погашения судимость напоминает лицу о прошлом наказании, сдерживает его от повторного совершения преступления, создает убеждение в неотвратимости наказания. Кроме того, вызывая

известную настороженность у общества по отношению к таким лицам, судимость заставляет многих из них вести себя так, чтобы завоевать доверие окружающих.

Таким образом, после отбытия наказания судимость решает, главным образом, задачу закрепления уже достигнутых ранее результатов исправления. Отсюда следует, что погашение судимости — это последствие достижения и закрепления целей наказания.

Согласно ст. 55 УК УССР судимость автоматически погашается при условии, если отбыто наказание, истек срок погашения судимости и виновный в этот период не совершил любого нового преступления. Каждое из названных требований закона имеет ряд особенностей, существенно влияющих на практическое применение норм о погашении судимости. Поэтому они заслуживают самостоятельного рассмотрения.

В статье освещается лишь первое условие погашения судимости, т. е. отбытие лицом наказания (основного и дополнительного). При этом надо иметь в виду, что здесь главное и решающее значение имеет вид и размер основного наказания, исходя из которого и определяется тот или иной срок погашения судимости. Дополнительные же наказания при определении срока погашения судимости во внимание не принимаются, но его течение начинается со дня их фактического отбытия. Поэтому в каждом случае важно установить фактически отбытое основное наказание.

Амнистия и помилование — акты высшего органа государственной власти, которые «освобождают полностью или частично от наказания или заменяют назначенное судом наказание другим, более мягким» [1, с. 3]. Полное освобождение от наказания означает освобождение от основного и дополнительного наказаний. Оно может быть двух видов: полное освобождение от отбывания назначенного наказания и освобождение от неотбытой части наказания. В связи с этим важно определить отбытое наказание.

Возможны случаи, когда во время судебного разбирательства суд в соответствии с пп. 3 и 4 ст. 6 УПК УССР освобождает подсудимого от наказания на основании акта об амнистии или помиловании. Если этими актами снимается и судимость, то никаких неясностей не возникает. Иное положение создается тогда, когда суд, назначая наказание, освобождает лицо от его отбывания, в то время как снятие судимости по акту амнистии или помилования не предусмотрено. Поскольку лицо было осуждено, то у него возникла судимость. Однако порядок ее погашения законом не предусмотрен.

По п. 1 ст. 55 УК УССР несудимыми признаются лица, освобожденные от наказания согласно ст. 50 УК УССР. Казалось бы, это правило должно распространяться и на случаи освобождения от наказания по амнистии или помилованию. Однако такое решение вопроса было бы неправильным. Во-первых, правовая природа ос-

вобождения в обоих случаях различна. В соответствии с ч. 2 ст. 50 УК УССР лицо, совершившее преступление, освобождается от наказания, если будет признано, что в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду оно ко времени рассмотрения дела в суде не является более общественно опасным. В связи с этим такие лица признаются не имеющими судимости. При освобождении же лица от назначенного наказания по амнистии или помилованию нельзя утверждать, что цели наказания полностью достигнуты. Советское государство, исходя из принципов социалистического гуманизма, стремления привлечь к активному участию в созидательном труде граждан, провинившихся перед обществом, освобождает их от наказания и предполагает, что осужденные оценят этот акт не как всепрощение, а как стимул к более быстрому исправлению. Во-вторых, в обвинительном приговоре при освобождении от наказания по ст. 50 УК УССР суд, признав подсудимого виновным в совершении преступления, не назначает конкретной меры наказания [см.: 10, с. 588]. Стало быть, нет «оценки» общественной опасности деяния и деятеля, поэтому такое лицо признается несудимым. При амнистии или помиловании лицо освобождается от ранее избранного конкретного наказания. Сам по себе этот факт не означает, что цели наказания достигнуты, закреплены и судимость должна быть сразу же погашена. Напротив, если в самих актах амнистии или помилования не указано о снятии судимости с лиц, освобожденных от наказания, то, очевидно, государство стремится, может быть, именно путем сохранения судимости воздействовать на лицо с целью его исправления.

Таким образом, полное освобождение от отбывания назначенного судом наказания не означает прекращения судимости. Погашение судимости в этих случаях законом не определено. Практические работники считают, что судимость должна погашаться на общих основаниях. Так, В., осужденный к двум годам лишения свободы, был освобожден от назначенного наказания в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1967 г. об амнистии. Суд снял с В. судимость досрочно. В определении было подчеркнуто, что В. во время течения срока погашения судимости добросовестно относился к труду, заслужил положительную характеристику, что доказывает его исправление. Значит, в судебной практике лиц, освобожденных от отбывания назначенного наказания, признают имеющими судимость, которая погашается по истечении сроков, установленных пп. 4—7 ст. 55 УК УССР.

Если согласиться с таким порядком погашения судимости, то может оказаться, что лица, до амнистии не отбывавшие наказание, попадут в худшее положение, чем лица, которым на основании того же акта сокращено наказание. В этой связи целесообразно, по-видимому, установить в законе для этой категории лиц определенный порядок погашения судимости.

Частичное освобождение от наказания состоит либо в его сокращении, либо в освобождении только от основного наказания и сохранении дополнительного, либо в замене всего наказания или ос-

тавшейся неотбытой части наказания более мягким. При частичном освобождении от наказания по амнистии или помилованию в отдельных актах прямо указывалось на то, что лицам, осужденным к лишению свободы на срок свыше 10 лет, наказание сократить наполовину [см.: 4]. При таком сокращении возможен вариант, когда отбытое до применения амнистии или помилования наказание оказывается большим по сравнению с вновь установленной его мерой. Например, лицо, из избранных ему пяти лет лишения свободы, отбывает три с половиной года, а назначенное наказание сокращено наполовину, то есть до двух с половиной лет. От того, какое отбытое наказание будет принято во внимание, зависит и продолжительность срока погашения судимости. Этот вопрос, представляется, единообразно и правильно решен ст. 55 УК УССР, согласно которой при досрочном освобождении лица во внимание принимается фактически отбытое ко дню издания акта помилования или амнистии наказание. Такой порядок исчисления отбытого наказания соответствует правовой природе как актов амнистии и помилования, так и погашения судимости.

Нередко вышестоящий суд в порядке надзора смягчает назначенное осужденному наказание. При этом допустима ситуация, когда уже отбытое наказание превышает срок, а в некоторых случаях и вид сокращенного наказания. В ч. 3 ст. 55 УК УССР предусмотрен порядок установления отбытого срока лишь в случаях досрочного освобождения от наказания, но в ней нет нормы об определении отбытого наказания в рассматриваемом случае. В связи с этим следует учитывать, что факт сокращения наказания вышестоящим судом свидетельствует о нарушении закона при осуждении лица. Отбытие большего срока лишения свободы, чем это определено вышестоящим судом, — серьезное ущемление прав личности. Тем более было бы несправедливо усугублять положение осужденного еще и удлинением срока судимости, так как его продолжительность зависит от отбытого наказания. Поэтому при исчислении срока погашения судимости надо исходить не из фактически отбытого наказания, а из установленного приговором, который, «в конечном счете, имел законную силу, со всеми изменениями, внесенными в него вышестоящими судами» [6, с. 74—75].

В ряде случаев наказание, назначенное судом, впоследствии на основании амнистии, помилования или решений судебных органов заменяется другим наказанием. Различается несколько видов замены наказания в процессе исполнения приговора: замена неотбытой части наказания другим более мягким видом наказания; замена назначенного судом наказания более строгим в связи со злостным уклонением лица, приговоренного к исправительным работам, от их отбывания.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не содержат специальной нормы о порядке исчисления отбытого наказания при замене неотбытой части наказания более мягким видом. В уголовных кодексах этот порядок изложен по-разному. Так, в УК РСФСР, Молдавской, Армянской и других ос-

юзных республик предусмотрено, что, если не отбытое лицом наказание заменено более мягким наказанием, фактический срок отбытого наказания вычисляется по правилам зачета предварительного заключения, т. е. при замене лишения свободы исправительными работами, ссылкой или высылкой — день за три дня. В УК УССР и Туркменской союзной республики существует иная норма. Если неотбытый срок лишения свободы заменен более мягкой мерой наказания, то за основу берется лишь фактически отбытый срок наказания в виде лишения свободы без учета отбытого более мягкого наказания. Едва ли это верно. Замена неотбытой части наказания более мягким не означает, что виновный освобождается от наказания. Для такого освобождения требуется достижение целей наказания, что, по-видимому, не происходит при замене, иначе становится излишним применение любого, даже более мягкого наказания. Замена неотбытой части наказания более мягким смягчает участь виновного и служит своего рода поощрением для тех, кто твердо стал на путь исправления, но еще окончательно не исправился [см.: 9, с. 270—273]. Заменяя неотбытое наказание более мягким, преследуя задачу достижения целей наказания, суд исходит из того, что в процессе отбытия более мягкого наказания лицо докажет свое исправление примерным поведением и честным отношением к труду. Поскольку погашение судимости представляет собой последствие достижения и закрепления целей наказания, было бы неоправданным исключать из общего срока правового воздействия на осужденного и время отбывания им более мягкого наказания. Поэтому различные по виду основные наказания, которые лицо фактически отбыло до и после произведенной замены, должны быть сведены к одному сроку, исходя из которого и исчисляется срок погашения судимости. Отсутствие в настоящее время единого правила исчисления отбытого наказания в приведенном случае вряд ли обоснованно. Целесообразно дополнить ст. 47 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик той нормой, которая содержится в ч. 3 ст. 57 УК РСФСР.

Замена назначенного судом наказания более строгим в советском уголовном праве принципиально недопустима. Однако в процессе исполнения исправительных работ возникает необходимость воздействовать на лиц, злостно уклоняющихся от их отбывания. Согласно ст. 30 УК УССР неотбытая часть исправительных работ заменяется наказанием в виде лишения свободы на тот же срок. В постановлении Пленума Верховного Суда от 18 марта 1970 г. «Об исчислении срока погашения судимости» разъяснено, что в этих случаях отбытым следует считать не наказание в виде лишения свободы, а исправительные работы [см.: 10, с. 428]. На первый взгляд рекомендация противоречит правовой природе погашения судимости: все-таки лицо отбывает лишение свободы, и судимость должна погашаться как у осужденных именно к этому наказанию. Но это противоречие кажущееся. Правовая оценка общественной опасности деятеля и деяния была выражена и в том, что

лицу назначено наказание не в виде лишения свободы, а исправительных работ. Возникла судимость, отображающая свойства как данного преступления, так и назначенного за него наказания — исправительных работ. Именно эта, а не другая судимость должна быть погашена. Поэтому отбытым наказанием следует считать исправительные работы.

Нередко при помиловании лицо освобождается от дальнейшего отбывания наказания, а неотбытая его часть признается, по постановлению высшего органа государственной власти, своеобразным испытательным сроком. Эта форма досрочного освобождения от отбывания наказания в теории и практике получила различное наименование.

Некоторые юристы полагают, что здесь происходит замена неотбытого срока более мягким наказанием — «условным осуждением», в связи с чем до истечения испытательного срока лицо считается отбывающим его [см.: 5, с. 7]. Такое суждение спорно. Замена наказания более мягким предполагает изменение вида последнего, чего нет в данном случае. Условное осуждение не включено в перечень наказаний, поэтому лицо не отбывает его (наказание) в течение испытательного срока. Если же согласиться с мнением, что лицо во время испытательного срока отбывает наказание, то тогда к фактически отбытому до помилования сроку следует присоединить «отбытое наказание» во время испытательного срока. Но ведь сторонники этого взгляда предлагают исчислять время погашения судимости «из фактически отбытого (реального) наказания».

Вызывает также возражение мнение авторов, которые считают, что в анализируемой ситуации происходит замена наказания условным осуждением [см.: 3, с. 12]. Если неотбытая часть наказания заменяется условным осуждением, то после окончания испытательного срока судимость у лица должна быть погашена. В действительности же это не происходит и не может произойти, так как нельзя исключить, не нарушая общие положения о погашении судимости, отбытый до помилования срок наказания.

Наконец, третьи авторы усматривают в таком освобождении от наказания один из видов условно-досрочного освобождения, имеющего, правда, свои особенности. Они проявляются в основаниях освобождения от отбывания наказания, в содержании испытательного срока и характере процесса отбывания наказания [см.: 8, с. 144]. Можно присоединиться к высказанному мнению. Действительно, в обоих случаях лицо освобождается от дальнейшего отбывания наказания при доказанности его исправления. Орган, производящий освобождение, предполагает, что цели наказания будут закреплены в период неотбытого наказания и последующего срока погашения судимости. Поэтому здесь применимо правило ч. 3 ст. 55 УК УССР: понятием отбытого охватывается то наказание, которое истекло до издания акта о помиловании.

Вопрос об исчислении отбытого срока наказания возникает и тогда, когда новый закон устанавливает максимальные санкции в

меньших размерах, чем по ранее действующему уголовному законодательству. В этих ситуациях иногда фактически отбытое лицом наказание превышает вновь установленный размер санкции статьи за данное преступление. Некоторые юристы вносили предложение исходить при этом из фактически отбытого наказания, т. е. использовать правило ч. 3 ст. 55 УК УССР [см.: 7, с.11]. Так же решил этот вопрос и Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1970 г. «Об исчислении срока погашения судимости». В нем говорится, что закрепленный в ч. 3 ст. 47 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ч. 3 ст. 55 УК УССР) порядок определения отбытого наказания распространяется на случаи, когда наказание сокращается в связи с введением в действие нового уголовного законодательства, предусматривающего более мягкие меры наказания [см.: 10, с. 429]. Едва ли правильно сравнить порядок исчисления отбытого наказания при досрочном освобождении лица от отбывания наказания и при его сокращении в связи с приведением в соответствие с санкцией нового закона, поскольку основания подобных сокращений наказания различны. В первом случае ч. 3 ст. 55 УК УССР, предписывая при погашении судимости исходить из фактически отбытого наказания, имеет в виду досрочное освобождение лица от наказания, в силу этого отбывающего меньшую меру наказания по сравнению с первоначально назначенной судом. Во втором же — происходит уменьшение срока ранее назначенного наказания, которое к этому времени отбыто осужденным в большем размере, чем предусмотрено максимальным пределом санкции нового закона. Иначе говоря, лицо отбыло более продолжительный срок наказания, чем требуется в настоящее время действующим законодательством для его исправления за совершенное преступление. Факт излишнего нахождения лица в исправительно-трудовом учреждении в связи с изменением закона не может рассматриваться как обстоятельство, препятствующее исчислению срока погашения судимости из размера наказания, определенного последним судебным постановлением. Кроме того, известно, что время, отбытое осужденным в заключении сверх срока, установленного при пересмотре дела, включается в общий трудовой стаж. Следовательно, и здесь излишне отбытое наказание не принимается во внимание. Эти обстоятельства предопределяют иной подход к исчислению отбытого наказания. Оно не должно превышать размера вновь установленной санкции по новому закону. Положение же ч. 3 ст.55 УК УССР об исчислении срока погашения судимости исходя из фактически отбытого наказания имеет отношение только к лицам, которые досрочно освобождены от наказания, и расширительному толкованию не подлежит. Иное противоречит смыслу этой статьи [см.:2, с. 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амнистия и помилование в СССР. Сборник актов. Под ред. П. С. Ромашкина. М., Госюриздат, 1959. 364 с.
2. Болдырев Е. В., Квашин В. Е. Истечение сроков погашения судимости

мости.— Научный комментарий судебной практики за 1970 год. М., «Юрид. лит», 1972, с. 14—17.

3. Борисов Э. Сроки погашения судимости.— «Сов. юстиция», 1965, № 5, с. 12—13.

4. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955, № 17.

5. Демин В. Вопросы погашения и снятия судимости.— «Сов. юстиция». 1964, № 9, с. 7—8.

6. Дурманов Н. Д. Освобождение от наказания по советскому праву. М., Госюриздат, 1957. 80 с.

7. Зельдов С. Правила исчисления сроков погашения судимости нуждаются в унификации. — «Сов. юстиция», 1969, № 3, с. 11—12.

8. Квашис В. Е. Гуманизм советского уголовного права. М., «Юрид. лит.», 1969. 152 с.

9. Курс советского уголовного права. Т. III. М., «Наука», 1970. 352 с.

10. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973. М., Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1974. 688 с.

В. И. Ткаченко, канд. юрид. наук

СИЛЬНОЕ ДУШЕВНОЕ ВОЛНЕНИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Современный этап развития науки и техники характерен проникновением психологии во все сферы человеческой деятельности. Теперь уже не вызывает сомнения, что без психологических исследований, без учета психических закономерностей не возможен технический и социальный прогресс.

Преступление, будучи социально-правовой категорией, является внешним выражением психического акта. Отсюда, как правильно указывает А. Леонтьев, без анализа психологических и социально-психологических причин преступности, изучения психических состояний не мыслимы эффективное судопроизводство и профилактика правонарушений [см.:6].

На необходимость психологических исследований в судебно-следственной практике в свое время обращали внимание многие видные русские юристы. В частности, А. Е. Брусиловский писал, что «всякий судебный деятель на каждом шагу должен решать психологические вопросы. Психология — стихия, которая окружает его со всех сторон. Любой кодекс на каждом шагу ставит психологические проблемы и предлагает разрешить их суду» [1, с. 11].

Действительно, решение вопросов об ответственности, о вине, о наказании, оценка доказательств, проведение допросов и других следственных действий — это процессы не только юридические, но и психологические. Поэтому они исследуются как в правовом, так и в психологическом аспектах. Разумеется, эффективная судебная деятельность по уголовным делам была бы затруднена без понимания психологических категорий, закономерностей психичес-

кой деятельности человека и научного психологического анализа данных, имеющих отношение к преступлению.

Из множества вопросов, касающихся психического механизма преступлений, мы остановимся на тех, которые вытекают из деяний, совершенных в трудном психическом состоянии.

Преступление, как и всякий волевой акт, является результатом взаимодействия осознанных внешних факторов и структурных особенностей психического склада человека. Внешнее существенно влияет как на формирование побуждения к преступлению, так и на динамическую часть деяния. Но влияние внешних факторов никогда не бывает одинаковым. Это объясняется их разнообразным содержанием и значимостью для лица, а также индивидуальностью психики последнего.

Из многих внешних обстоятельств, обуславливающих совершение преступления, законодатель выделяет те, которые существенно воздействуют на сознание и волю виновного и ограничивают его свободу в выборе поведения. Они обычно выступают в виде трудностей, объективно или субъективно не преодолимых, либо трудностей, преодолимых, образуя, по словам И. П. Павлова, трудные жизненные положения и вызывая то чрезмерное возбуждение, то депрессию [см.: 10, с. 555], т. е. такое состояние психики, которое влечет ограничения в волевой и интеллектуальной сферах. В зависимости от степени отрицательного воздействия на психику обстоятельствам, образующим трудные жизненные положения, законодатель придает различное уголовно-правовое значение. Те из них, которые серьезно не затрудняют свободу выбора поведения (стечение тяжелых личных или семейных обстоятельств), выступают в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность. Другие же обстоятельства, такие как общественно опасное поведение со стороны потерпевшего, состоящее в насилии и иных противоправных действиях, существенно ограничивают свободу выбора поведения и поэтому служат основанием для признания умышленных преступлений против жизни и здоровья менее тяжкими. К числу последних относятся убийство и причинение телесных повреждений в состоянии сильного душевного волнения и при превышении пределов необходимой обороны. Кроме того, общественно опасное посягательство со стороны потерпевшего в ряде случаев признается обстоятельством, устраняющим ответственность за причинение ему вреда (ст. 13 Основ.).

Основанием для отнесения названных преступлений к числу менее опасных по сравнению с другими умышленными преступлениями против жизни и здоровья, совершенными при иных, прежде всего, при отягчающих обстоятельствах, являются объективный (юридический) и субъективный (психологический) признаки. *Юридический признак* состоит в общественно опасном, неправомерном поведении потерпевшего. Последнее вызывает ответную реакцию со стороны виновного. Вынужденный характер действия субъекта преступления и противоправное поведение потерпевшего позволяют возложить на него самую часть вины в причинении

ему вреда. В преступлениях, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, *психологический признак* заключается в особом эмоциональном состоянии виновного, влекущем резкое сужение сознания и уменьшение волевой возможности по управлению поведением, а в преступлениях, связанных с превышением пределов необходимой обороны, — в психическом состоянии, затрудняющем свободу функционирования сознания и воли, и в особых мотиве и цели.

Объективный признак отнесения названных преступлений к менее опасным — элемент предмета уголовного права и науки. Субъективный же признак, прежде всего, — категория психологическая, поэтому в его выяснении важная роль принадлежит психологии. В этой связи целесообразно остановиться на ряде психологических вопросов, имеющих значение для уголовного права и судебно-следственной практики.

Уголовное право в ст. 104, 110 УК РСФСР оперирует термином «сильное душевное волнение». Представляется, что этот термин имеет недостаток, так как заключает в себе возможность подходить к характеризующему им состоянию как к оценочной категории, зависящей от субъективного усмотрения суда, ибо *сильное, менее сильное или слабое* душевное волнение не могут иметь четких критериев. Между тем законодатель предусматривает пониженную ответственность за преступления, совершенные в состоянии сильного душевного волнения, имея в виду такое психическое состояние виновного, которое существенно ограничивает сознание и волю, делая поведение человека мало осознанным и слабо регулируемым. В психологии, психиатрии и физиологии такое душевное волнение именуется физиологическим аффектом, имеющим четкие психофизические признаки. Поскольку же судебная практика и наука уголовного права при выяснении содержания сильного душевного волнения прибегают к психологии, то, видимо, целесообразнее и законодателю оперировать понятием тех отраслей науки, которые изучают психическую деятельность человека. Наука уголовного права и судебная практика выводы психологии в части психического механизма аффекта рассматривают как аксиому. Однако суд не может выносить процессуальные решения, ссылаясь только на чей-то авторитет. По мнению большинства психологов, аффект — это кратковременная интенсивная эмоция взрывного характера [см.: 3, с. 276; 5, с. 130; 12, с. 495; 15; 24; 7, с. 351], наиболее связанная с инстинктивной или безусловно-рефлекторной деятельностью [см.: 8, с. 873] и состоящая в проявлении тормозного процесса [см.: 9, с. 316, 477]. Суть последнего выражается в том, что в результате воздействия на психику человека индивидуально мощного раздражителя (сверхраздражителя) возбуждение подкорковых центров достигает высшего напряжения; кора головного мозга, как «социальная покрывка» [см.: 10, с. 461], призванная осуществлять сознательное направление деятельности и контроль за ней, в соответствии с законом взаимной индукции нервных процессов охватывается глубоким торможением.

Возникает, по словам И. П. Павлова, «буйство подкорки», которое преодолевает высшее торможение коры [см.: 10, с. 210]. При аффекте вследствие сильного возбуждения подкорковых центров, отвечающих за автоматическое приспособление организма к среде, эмоция занимает господствующее положение в психике и становится главной движущей силой. Этим объясняется, в свою очередь, то, что в состоянии аффекта поведение человека слабо поддается сознательному управлению и в нем преобладают элементы импульсивности и хаотичности. Особый физиологический механизм аффекта позволяет выяснить и такие важные для уголовного права элементы, как мотив и цель деятельности в состоянии эмоционального перенапряжения.

Велика и многообразна служебная роль эмоции. Посредством механизма чувств, эмоций, прежде всего, узнает человек о внешних и внутренних состояниях. Эмоции обеспечивают функцию самосохранения. Отрицательные эмоции включают защитные механизмы психики. В психологии также признается, что на том уровне напряжения, когда эмоция приобретает господствующее положение в психике, она нередко становится главной побудительной силой, т. е. мотивом [см.: 16, с. 20; 4, с. 107].

В состоянии аффекта поведение человека и его деятельность, хотя и носят хаотический импульсивный характер, а у лица, его переживающего, «отсутствует ясное сознание цели действия» [см.: 14, с. 157], тем не менее продолжают оставаться в широком смысле волевыми. А всякий волевой акт целенаправлен. Какова же цель этих действий? Аффект возникает в результате воздействия на психику субъективно мощного отрицательного раздражителя. При этом человек переживает исключительно сильное неприятное чувство. Для живого же организма свойственно естественное стремление к оптимальному состоянию. Обрести его можно лишь при условии, когда отрицательный раздражитель перестает действовать на психику. Этим и объясняется, что аффект в большинстве случаев реализуется в виде агрессивно-оборонительной реакции на раздражитель с единственной целью — прекратить его действие и создать для психики лица, его переживающего, нормальное состояние [см.: 13, с. 35].

Важное значение для применения соответствующих норм права имеет выяснение вопроса о характере возникновения аффекта и его продолжительности. Статьи 104 и 110 УК РСФСР предусматривают ответственность за преступление против жизни и здоровья, совершенные в состоянии в н е з а п н о возникшего сильного душевного волнения. Такая формулировка вызывает у многих криминалистов суждение, что аффект может возникнуть и не внезапно. В этом случае предполагается, что аффект не может служить основанием для отнесения совершенного под его влиянием преступления к числу менее опасных. Доказательством аффекта, внезапно возникшего, большинство криминалистов считают его появление мгновенно после насилия, тяжелого оскорбления и иного противоправного действия со стороны потерпевшего.

В психологии под внезапностью понимают неожиданность появления аффекта для лица, скачкообразность перехода от нормального состояния или несильного эмоционального переживания в высшую степень волнения. Отсюда внезапность возникновения аффекта — это его физиологическая особенность. Он возникает только внезапно. Кроме того, психология не связывает внезапность возникновения аффекта с его внешним проявлением, с прорывом в объективный мир, а также не считает обязательным возникновение аффекта вслед за физическим раздражителем. Аффект, по мнению психологов, может появиться и спустя какое-то время после фактического действия внешнего повода. В этом случае раздражителем выступает осознание повода. Но и тогда аффект возникает внезапно. Он длится, как правило, короткое время. Непродолжительность объясняется тем, что эмоциональное перенапряжение сопровождается расходом организмом колоссальной энергии. В этой связи продолжительное поддержание наивысшего физического напряжения физиологически не возможно. Однако сказанное не означает, что аффект всегда представляет кратковременную вспышку. Как показывают наблюдения, аффект может длиться часами и даже сутками [см.: 5, с. 132]. Разумеется, если преступление совершено под влиянием затянувшегося аффекта, степень общественной опасности деяния не увеличивается.

Возникновение аффекта связано с воздействием на психику чаще всего отрицательного раздражителя. Однако его влияние никогда не бывает одинаковым. Оно зависит от многих объективных и субъективных факторов. «Эффект всех внешних воздействий, общественных в том числе,— писал С. Л. Рубинштейн,— зависит от внутренних условий, от «той почвы», на которую эти воздействия падают» [11, с. 133]. Этой «почвой» предстает сугубо индивидуальный внутренний мир человека, который и обуславливает различную реакцию на одинаковые внешние воздействия.

Частью внутреннего мира является психическое состояние. Оно не только сопутствует человеку. В случаях, когда между предшествующим и последующим психическим состоянием имеется отношение сходства, оно определяет характер реакции. В частности, если отрицательный раздражитель падает уже на готовое соответствующее ему внутреннее состояние психики, тогда, по меткому выражению Н. Д. Левитова, напряжение уподобляется снежному кому [см.: 5, с. 31]. Среди внутренних состояний, вызывающих возникновение сильных эмоций, можно назвать болезни, контузии, «уродства особого типа» (психопатия и истерия), беременность, опьянение, утомление, длительные волнения, вызванные невзгодами, неприятностями и т. д.

Величина влияния раздражителя связана не только с состоянием психики, не только с различного рода истощающими психику факторами, но и с психическими свойствами лица. Известно, что холерик с его высокой возбудимостью, быстрой непосред-

венной разрядки и силой чувств более склонен к аффективным вспышкам, чем флегматик.

Среди психических свойств, влияющих на поведение человека, большое значение имеет характер, определяющий содержание реакции [см.: 4, с. 224]. В зависимости от склада характера человек может иметь высокий уровень морально-политических, эстетических и интеллектуальных чувств или, наоборот, — узкий спектр чувств, проявлять несдержанность, грубость. Последнее свойственно людям, обладающим такими чертами характера, как сознание собственной непогрешимости и исключительности своей персоны, заносчивость, непреклонная гордость, эгоизм, мнительность, обидчивость и т. д. Для обладателей таких черт характера всякая иная оценка их личности, поведения и поступков, не совпадающая с собственной, либо противодействие их устремлениям не будет укладываться в выработанный у них стереотип и вызовет его ломку, ведя в некоторых случаях к возникновению аффекта. Именно поэтому психологи отдельные черты характера признают обстоятельствами, обуславливающими наклонность человека к аффектам [см.: 4, с. 214].

Возникновению аффекта способствуют не только те отрицательные черты характера, которые связаны с оценкой личностью самого себя, но и такие, как жадность, скупость, трусость. Сила и содержание реакции на внешний раздражитель зависит также от возрастных особенностей личности.

Все перечисленные и многие другие факторы должны учитываться при решении вопроса об уровне эмоциональной напряженности, в которой находится виновный в момент совершения деяния. Однако судебная практика указанные обстоятельства в расчет не берет. И объясняется это только отсутствием у следственных работников достаточных знаний об эмоциях, их природе и механизме возникновения и течения.

Психология различает несколько видов аффекта: гнев, ненависть, отчаяние, страх, ужас, растерянность и т. д. Каждый из них является различным по содержанию и выполняет в организме самостоятельную служебную функцию. Уголовное же право и судебная практика не проводят этих различий. Такое положение может отрицательно сказаться на правильности разрешения конкретных уголовных дел. Статья 104 УК РСФСР предусматривает ответственность за убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием, тяжким оскорблением и иным противозаконным поведением со стороны потерпевшего. В то же время закон признает правомерным причинение вреда потерпевшему, в том числе и лишение его жизни, если оно последовало для пресечения с его стороны общественно опасных деяний, насилия и многих других противозаконных действий, либо считает преступлением (превышением пределов необходимой обороны), когда причиненный вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства. Закон, таким образом, придает различное юридическое значение причинению вреда по-

терпевшему в ответ на его одинаковую противоправную провокацию. Что же служит критерием разграничения для правовой оценки предусмотренных законом деяний, вызванных одним и тем же поведением потерпевшего?

Несомненно, что насилие и многие другие неправомерные действия со стороны потерпевшего вызывают волнение прежде всего у лица, которому они адресованы. Оно может быть различным как по степени напряжения, так и по содержанию. Представляется, что именно в уровне эмоции, ее виде и служебной роли следует искать основания различных правовых последствий действий, совершенных в ответ на противозаконное поведение потерпевшего.

В этом плане выясним содержание чаще всего встречающихся в судебной практике видов аффекта. Общим для них является, в конечном итоге, реакция на самосохранение. Однако направленность этой функции у них неодинакова. Гнев и ненависть связаны с неприязненным отношением к предмету, чаще всего к человеку, который в той или иной мере противостоит стремлениям и вкусам лица. Эти чувства состоят в реакции организма на неприятность. Самозащитный характер аффекта, вызванного гневом и ненавистью, заключается в том, что при их переживании организм испытывает потребность в эмоциональной разрядке и устранении действия отрицательного раздражителя как способе обретения оптимального состояния. Отсюда по направленности такой аффект — это охранительная реакция психики.

Страх выражается в реакции организма на опасность. Он вызывается предметами и ситуациями, содержащими в себе опасность для человека, значительную угрозу для наиболее важных жизненных интересов. По содержанию аффект страха — оборонительная реакция для защиты телесной неприкосновенности (жизни, здоровья) и других важных жизненных благ.

Из сказанного можно сделать вывод, что причинение вреда потерпевшему под влиянием аффекта, обусловленного гневом и ненавистью, как не соответствующее целям защиты правоохраняемых интересов, является всегда общественно опасным и противоправным. Оно противоправно и в том случае, когда поводом возникновения этих видов аффекта выступает посягательство, объективно дающее право на оборону.

Иначе обстоит дело в случаях причинения вреда под влиянием аффекта страха. Деятельность в состоянии страха всегда носит оборонительный характер. Аффект же страха может возникнуть лишь в результате опасности, которая оценивается обороняющимся как крайняя для наиболее важных жизненных интересов. Если при оценке посягательства обороняющийся допустил ошибку, выразившуюся в преувеличении опасности, что привело к возникновению аффекта и осуществлению под его влиянием объективно чрезмерной обороны, ответственность исключается, так

как ошибка в этом случае может быть только извинительной и стало быть, невиновной.

При меньшей степени волнения, переживаемого лицом, причинявшим вред потерпевшему в ответ на его противоправные действия, юридические последствия также неодинаковы. Действия лица в состоянии чувства простого гнева влекут ответственность на общих основаниях, т. е. как за преступления без смягчающих обстоятельств. Если посягательство со стороны потерпевшего вызвало страх, не достигший степени аффекта, то объективно чрезмерная защита не влечет ответственности лишь в случае, если страх у обороняющегося привел к ошибке относительно характера и опасности посягательства. Когда же страх не повлиял на правильность оценки посягательства, чрезмерная оборона в зависимости от последствий образует преступления, предусмотренные ст. 105, 111 УК РСФСР.

Судебная практика, как правило, считает аффект оценочной категорией, т. е. таким психическим состоянием, которое устанавливается по усмотрению суда. По данным же психологии, аффект не оценочная категория, а объективная реальность, имеющая четкие психо-физические признаки. При аффекте существенно изменяется жизнедеятельность человека в его физиологической и психической сферах. В частности, при его активных формах, с которыми, главным образом, имеет дело судебная практика, в результате мобилизации защитных средств организма усиливается сердцебиение, кровообращение, кровополнение сосудов, изменяется состав крови за счет увеличения «горючих материалов», в желудочно-кишечный тракт усиливается поступление ферментов и т. д. В психической сфере сужается поле внимания, приковываясь к раздражителю, вызвавшему аффект, нарушается системность деятельности, забываются привычные действия; слова, движения начинают приобретать автоматический характер. Изменения в жизнедеятельности ярко проявляются в мимике и пантомимике.

Следователи и суды не обладают достаточными знаниями для интерпретации физиологических и психических изменений, сопровождающих аффект. Но если бы даже они и имели для этого необходимые знания, то по закону они не вправе делать процессуальные выводы по вопросам, посильным для сведущих лиц. Вот почему для установления вида и уровня эмоции, под влиянием которой лицу, виновному в противоправной провокации, причинен вред, надлежит проводить судебную экспертизу. Представляется, такая экспертиза должна быть комплексной — психолого-психиатрической. При ее проведении психиатры проводят дифференциальную диагностику, которой отграничивают патологический аффект от физиологического. Эксперты-психологи констатируют физиологический аффект, устанавливают его вид и степень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Киев; Юрид. изд-во Украины, 1929. 45 с.
2. Додонов Б. И. Направленность характера и типичные переживания человека.— «Вопр. психологии», 1971, № 1, с. 34—43.
3. Иванов П. И. Психология. М., Учпедгиз, 1959. 419 с.
4. Ковалев А. Г. Психология личности. М., Политиздат, 1965. 219 с.
5. Левитов Н. Д. О психических состояниях личности. М., «Просвещение», 1964. 300 с.
6. Леонтьев А. Проникая во все сферы жизни.— «Правда», 1970, № 56.
7. Общая психиатрия. М., Медгиз, 1970. 615 с.
8. Павлов И. П. Условный рефлекс.— Полн. собр. соч. Т. III, кн. 2. 805 с.
9. Павлов И. П. Условный рефлекс.— Полн. собр. соч. Т. III. 849 с.
10. Павловские клинические среды. Т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
11. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., Изд-во АН СССР, 1959. 372 с.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., Учпедгиз, 1946. 720 с.
13. Солтысик С., Коноровский Ю. Соотношение между классическими и инструментальными условными рефлексам.— «Вопр. психологии», 1966, № 3, с. 48—63.
14. Теплов М. П. Психология. М., Учпедгиз, 1949. 318 с.
15. Якобсон П. М. Психология чувства. М., «Просвещение», 1958. 216 с.
16. Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивизации поведения. М., Учпедгиз, 1969. 218 с.

Н. И. Панов, канд. юрид. наук

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ

Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, ответственность за которое установлена в ст. 87 УК УССР и в соответствующих статьях УК других союзных республик, относится к числу корыстных посягательств на социалистическую собственность, лишенных признаков хищения [см: 6, с. 158; 5, с. 145]. Общественная опасность этого преступления определяется прежде всего тем, что оно посягает на отношения социалистической собственности по производственному использованию государственного или общественного имущества и по формированию фондов социалистической собственности. Отношения собственности по принадлежности материальных благ государству или общественным организациям, которые нарушаются хищениями социалистического имущества, ущерба от данного преступления не терпят.

Нарушение отношений по использованию социалистического имущества при совершении преступления, предусмотренного ст. 87

УК СССР, заключается в том, что социалистическое имущество, не выбывая из сферы общественных ценностей, как это имеет место при хищениях, противоправно используется виновным для незаконного обогащения (например, виновный использует вверенный ему автотранспорт для перевозок за вознаграждение грузов, которые принадлежат отдельным гражданам). Имущество при этом изнашивается либо потребляется, его хозяйственная и экономическая ценность, вопреки интересам собственника (социалистических организаций), уменьшается.

Отношения же по формированию фондов социалистической собственности складываются по поводу обязательных платежей, подлежащих поступлению в фонд собственности социалистических организаций от отдельных граждан. Нарушение этих отношений преступлением, предусмотренным ст. 87 УК, может выражаться в уклонении граждан от уплаты обязательных платежей (налогов, пошлин и т. п.). В результате такой «непередачи должного» фонд социалистической собственности не пополняется за счет личного имущества граждан, которое должно было бы поступить государственным или общественным организациям.

Иногда причинение имущественного ущерба посягает одновременно на отношения по использованию социалистического имущества и по формированию фондов социалистической собственности (например, водитель автобуса провозит пассажиров без билетов, а оплату за проезд обращает в личную пользу). Здесь имеет место как незаконное использование социалистического имущества, так и неполучение социалистическими организациями денежных средств, которые должны были к ним поступить. Данное преступное посягательство, как указано в диспозиции ст. 87 УК, совершается путем обмана или злоупотребления доверием.

Обман как способ причинения имущественного ущерба представляет собой противоправное искажение или сокрытие истины [см.: 3, с. 158; 2, с. 30]. Этот способ наиболее характерен для тех посягательств, которыми нарушаются отношения по формированию фондов социалистической собственности. Здесь виновный вводит в заблуждение представителей социалистических организаций, создает у них ложное представление об отсутствии у него обязанности передать свое личное имущество государству или общественным организациям и тем самым как бы «погашает» право государственных или общественных организаций требовать от него имущество (обязательные платежи). Обман при этом может быть направлен на уклонение от уплаты обязательных платежей в их полном объеме (например, налог на холостяков) или же в определенной части. Так, К. и С., заключая договор купли-продажи жилого дома, с целью уменьшения размера взимаемой с них пошлины сообщили нотариусу, что цена дома по договору — 4 тыс. руб., в то время как она фактически составляла 6500 руб., не доплатив тем самым 75 руб. пошлины, чем и причинили государству имущественный ущерб.

Как уже было сказано, обман может иметь место и при совер-

шении посягательств, которыми одновременно нарушаются отношения и по использованию социалистического имущества, и по формированию фондов социалистической собственности. Виновный в этих случаях путем искажения истины завладевает теми денежными средствами, которые должны были поступить от отдельных граждан в собственность социалистических организаций. Обман может выразиться, например, в реализации среди граждан поддельных или похищенных билетов в зрелищные заведения (театр, кино и т. п.) или же различного рода проездных документов (билеты, талоны и пр.). В результате таких действий граждане пользуются имуществом и услугами социалистических организаций по недействительным документам, а денежные платежи, которые должны были поступить от них в фонд социалистической собственности, туда не поступают.

В ряде случаев обманные действия при причинении имущественного ущерба совершаются посредством использования заведомо подложных документов. В литературе такие действия иногда предлагают квалифицировать только по ст. 87 УК [см.: 5, с. 161—162; 9, с. 249]. С подобным мнением, однако, едва ли можно согласиться. Помимо причинения имущественного ущерба виновный здесь совершает также преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 194 УК УССР (если он сам изготовил используемые им подложные документы) или же ч. 2 этой же статьи УК (если субъект не подделывал, но использовал для обмана заведомо подложный документ). Это деяние, в отличие от причинения имущественного ущерба, посягает на порядок управления, обладает конкретными объективными и субъективными признаками, которыми отличается от преступления, предусмотренного ст. 87 УК, и потому выступает в качестве самостоятельного преступления. Различна также и степень общественной опасности этих посягательств. В частности, наказание, предусмотренное в санкции ст. 87 УК, — исправительные работы на срок до одного года, является более мягким, нежели наказание за изготовление подложных документов или же за использование заведомо подложных документов, за которые согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 194 УК УССР может быть назначено лишение свободы на срок соответственно до двух лет или до шести месяцев. Следовательно, квалификация указанных действий только по ст. 87 УК по существу будет означать освобождение виновного от ответственности за более тяжкое преступление. Изложенное позволяет сделать вывод, что причинение имущественного ущерба путем обмана, сопряженное с использованием заведомо подложных документов, следует квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по ст. 87 и 194 УК УССР. Таким путем идет и судебная практика. Так, по ст. 87 и ч. 2 ст. 194 УК УССР обоснованно был осужден П., который, используя подложный студенческий билет, дважды предъявлял его в кассу аэрофлота, покупал льготные билеты от Львова до Петропавловск-Камчатского со скидкой на 50% и причинил тем самым имущественный ущерб государству на сумму 175 рублей.

Злоупотребление доверием как способ причинения имущественного ущерба заключается в противоправном использовании виновным в своих интересах уверенности, убежденности в его искренности и добросовестности другого лица-доверителя во вред последнему. Путем злоупотребления доверием совершаются те общественно опасные деяния, которыми нарушаются общественные отношения по использованию социалистического имущества. Здесь виновный противоправно использует вверенное ему по работе или по службе социалистическое имущество (автомшины, тракторы, автокраны и т. п.) в своих личных интересах для незаконного обогащения. Так, Г. и Б., работая шоферами автомашины-рефрижератора «Прага» в целях наживы перевозили за оплату из Харькова во Львов грузы, принадлежащие отдельным гражданам, причинив автопредприятию ущерб на сумму 210 руб., за что были осуждены по ст. 87 УК.

Путем злоупотребления доверием совершаются в ряде случаев и такие общественно опасные деяния, которыми нарушаются одновременно отношения по использованию имущества и по формированию фондов социалистической собственности. Выражается это в том, что субъект, используя социалистическое имущество, предоставляемое за оплату отдельным гражданам в виде имущественных услуг, либо осуществляя функции контроля за исполнением такого имущества, противоправно получает и обращает в свою пользу те денежные средства, которые должны были поступить от граждан в фонд социалистической собственности. Так, по ст. 87 УК была осуждена П., которая, работая проводником поезда и злоупотребив доверием, провезла в вагоне груз и пассажиров, не имеющих билетов, а деньги, полученные в качестве оплаты за проезд, обратила в личную пользу, чем причинила ущерб железной дороге на сумму 111 рублей.

Для более полной характеристики причинения имущественного ущерба необходимо выяснить те формы, в которых это преступление выражается в объективной действительности. Закон эти формы прямо не определяет, указывая лишь, что при причинении имущественного ущерба отсутствуют признаки хищения. Следовательно, формы совершения данного преступления не должны быть связаны с обращением государственного или общественного имущества в личную пользу виновного или третьих лиц. В литературе иногда это преступление сводят лишь к одной форме: либо к незаконному использованию социалистического имущества [см.: 7, 59; 4, с. 129], либо к уклонению от уплаты обязательных платежей [см.: 3, с. 50, 52; 10, с. 123, 124; 11, с. 134]. В других случаях ученые считают, что данное посягательство может выражаться лишь в этих двух формах [см.: 6, с. 145—149; 5, с. 158—163]. Представляется, однако, что помимо названных двух форм причинения имущественного ущерба существует и третья его форма — обращение виновным в личную пользу обязательных платежей, которые должны были поступить от отдельных граждан государству или общественным организациям.

Незаконное использование социалистического имущества представляет собой противоправное, безвозмездное использование государственного или общественного имущества вопреки интересам собственника для извлечения имущественных выгод. Имущество используется здесь для перевозок грузов, пассажиров, выполнения различного рода работ и т. п. Эти действия могут выполняться как в интересах отдельных граждан, так и социалистических организаций, от которых субъект получает вознаграждение, и таким образом незаконно обогащается. Способом совершения этого вида причинения имущественного ущерба является злоупотребление доверием. В большинстве своем виновные, злоупотребляя доверием, незаконно используют различные орудия производства: автотранспорт, строительные машины и механизмы, тракторы, автокраны, причиняя тем самым государственным или общественным организациям имущественный ущерб.

Уклонение от уплаты обязательных платежей выражается в том, что субъект путем обмана не передает государству свое личное имущество, которое он обязан был передать. Здесь обязанность по передаче «должного», существуя фактически, не воплощается полностью или частично в правоотношения «управомоченного» и «обязанного лица» и поэтому не реализуется. Эта обязанность может вытекать из закона или иного нормативного акта (обязанность уплатить налог, местные сборы и т. п.), из гражданско-правовых сделок по предоставлению гражданам в пользование социалистического имущества или имущественных услуг (плата за пользование газом, электроэнергией, транспортом и пр.) либо из совершенных в интересах граждан тех или иных действий или услуг неимущественного характера (уплата пошлин за удостоверение нотариальными конторами договоров, доверенностей и т. п.).

Обращение в личную пользу платежей, которые должны были поступить от отдельных граждан государству или общественным организациям. Данное посягательство характеризуется тем, что обязательные платежи, которые должны были поступить в собственность государственных организаций от отдельных граждан за полученные ими имущественные услуги, противоправно обращаются в личную пользу. Такие общественно опасные деяния совершают, как правило, лица, наделенные полномочиями по использованию социалистического имущества, предоставляемого гражданам за соответствующую оплату в виде бытовых, транспортных и т. п. услуг. Злоупотребляя доверием, виновные незаконно используют вверенное им имущество в целях обогащения, присваивают платежи, подлежащие поступлению от граждан государству или общественным организациям (например, получение денег кондуктором автобуса от пассажиров за проезд без выдачи билетов).

Иногда денежные средства, которые должны были поступить социалистическим организациям от отдельных граждан, обращаются в личную пользу лица, не обладающие правомочиями по использованию социалистического имущества. Рассматриваемое

преступление они совершают путем обмана, что выражается, например, в «продаже» гражданам поддельных или похищенных, документов (проездных документов, билетов в зрелищные заведения — театр, стадион, кинотеатр и пр.), которые «дают право» пользоваться имущественными услугами социалистических организаций. В результате виновные завладевают денежными суммами, которые должны были поступить в собственность государства или общественных организаций, и причиняют последним имущественный ущерб.

Общественно опасным последствием преступления, указанно-го в ст. 87 УК УССР, в какой бы из названных форм оно ни совершалось, является вред, причиняемый отношениям социалистической собственности и выражающийся в «имущественном ущербе». При незаконном использовании социалистического имущества ущерб заключается в стоимости износа либо в стоимости потребленного социалистического имущества (природный газ, электричество, горюче-смазочные материалы и т. п.), Экономическая и хозяйственная ценность имущества государственных или общественных организаций от данных действий уменьшается. Имущественный ущерб, причиняемый государственным или общественным организациям путем «уклонения от уплаты обязательных платежей», а также «обращения в личную пользу платежей, которые должны были поступить от граждан государственным или общественным организациям», равен тем денежным суммам, которые должны были поступить от граждан социалистическим организациям в качестве оплаты за пользование имуществом этих организаций (имущественными услугами) либо в качестве платы за предоставленные гражданам услуги неимущественного характера (нотариальное удостоверение договоров, доверенностей и т. п.), или же как иные обязательные платежи (например, налоги, местные сборы).

Имущественный ущерб, являясь последствием преступления, предусмотренного ст. 87 УК УССР, в значительной мере определяет социальное свойство этого посягательства — его общественную опасность. Степень общественной опасности причинения имущественного ущерба, как и всякого преступления против социалистической собственности, зависит, прежде всего, от размера, величины имущественного ущерба, и числяемого в денежном, стоимостном выражении. Это соответствует указаниям К. Маркса, который писал: «*Определенное содержание* правонарушения является пределом для определенного преступления. *Мера* этого содержания есть, таким образом, и мера преступления. Для собственности такой мерой является ее *стоимость*» [1, с. 124]. Именно в зависимости от размера ущерба следует проводить различие между преступным и не преступным причинением имущественного ущерба. Причинение значительного ущерба государственным или общественным организациям свидетельствует, как правило, об уголовно-правовой степени общественной опасности содеянного, что и определяет при всех прочих условиях ответственность по ст.

87 УК УССР. На практике преступными признают лишь действия, которыми причиняется значительный ущерб. Однако в отдельных случаях суды расценивают в качестве преступления и посягательства, которыми государству или общественной организации причинен незначительный ущерб, например, на сумму 5 — 10 руб. Так, по ст. 87 УК УССР был осужден С., который использовал закрепленную за ним автомашину в целях личной наживы и причинил имущественный ущерб на сумму 3 руб. 20 коп. Думается, такая практика не может быть поддержана, так как действия, совершенные С., являются малозначительными, поэтому не представляют общественной опасности и подпадают под признаки ч. 2 ст. 7 УК УССР.

В диспозиции ст. 87 УК УССР не указана форма вины, в которой совершается рассматриваемое преступление. Однако способы его совершения — обман и злоупотребление доверием — свидетельствуют о том, что оно может быть совершено только с прямым умыслом. При этом виновный всегда действует из корыстных побуждений, преследует корыстные цели, стремится извлечь имущественные выгоды, т. е. противоправно обогатиться, получить материальные блага за счет социалистического имущества или же удерживать свое личное, которое он должен был передать государственным или общественным организациям. Отсутствие корыстной цели в действиях лица, причинившего имущественный ущерб, исключает данный состав преступления.

Субъектом причинения имущественного ущерба может быть лишь частное лицо. Утверждение же о том, что по ст. 87 УК УССР может нести ответственность и должностное лицо [см.: 9, с. 241], представляется неубедительным. Лица, причиняющие имущественный ущерб, исполняют по поручению социалистических организаций технические, производственные обязанности по использованию, эксплуатации государственного или общественного имущества либо по контролю за использованием такого имущества. Это водители автомашин, автобусов, строительных машин, тракторов и других механизмов, кондукторы автобусов и проводники вагонов железнодорожного транспорта. В некоторых же случаях на лиц, совершающих рассматриваемое преступление, возлагается обязанность передать в фонд социалистической собственности свое личное имущество. Все названные лица не обладают властными полномочиями, не выполняют административно-хозяйственных и организационно-распорядительных обязанностей и поэтому не могут быть признаны должностными лицами. Если же причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием совершит должностное лицо, которое использует для этого свое служебное положение, то все содеянное следует рассматривать как должностное преступление и применение здесь ст. 87 УК УССР исключается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Дебаты шестого рейнского Ландтага (статья третья.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 119—160.

2. Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество. М., «Юрид. лит.», 1971. 168 с.
3. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., «Юрид. лит.», 1971. 360 с.
4. Матышевский П. С. Советское уголовное право. Часть Особенная. Вып. I. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1962. 136 с.
5. Матышевский П. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. Киев, Изд-во Киевского ун-та, 1972. 204 с.
6. Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1968. 204 с.
7. Тихенко С., Матишевський П. Відповідальність за злочини проти соціалістичної власності.— «Радянське право», 1961, № 4, с. 23—25.
8. Комментарий УК РСФСР. М., «Юрид. лит.», 1964. 576 с.
9. Комментарий к уголовному кодексу РСФСР. М., «Юрид. лит.», 1971. 560 с.
10. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., Изд-во Моск. ун-та, 1964. 448 с.
11. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., Изд-во Моск. ун-та, 1971. 464 с.

В. П. Тихий, канд. юрид. наук

ЦЕЛИ ХИЩЕНИЯ ОРУЖИЯ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пленум Верховного Суда СССР в руководящем разъяснении по делам о хищении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ указал, что при назначении наказания за данное преступление наряду с другими обстоятельствами необходимо учитывать также и цели хищения, ибо суды не всегда с достаточной полнотой их выявляют и исследуют [см.: 1, с. 7, 8].

Изучение судебной практики позволяет высказать по данному вопросу ряд положений, имеющих значение для правильного применения статьи 223 УК УССР, которая предусматривает ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (в дальнейшем данное преступление именуется хищением оружия).

Хищение оружия всегда предполагает наличие у виновного прямого умысла. Сама природа этого преступного деяния исключает возможность его совершения с косвенным умыслом или по неосторожности. Совершая хищение оружия, виновный стремится незаконно завладеть данным предметом. Эта цель очевидна. Она вытекает из характера рассматриваемого преступления, являясь обязательным признаком его субъективной стороны. Субъект преступления имеет намерение поставить себя на место собственника или владельца чужого оружия, обладать им, использовать его в своих интересах, распоряжаться им, как своим собственным. Незаконное завладение оружием — это основная, непосредственная, ближайшая цель виновного, но не самоцель. Возникновение, постановка и реализация цели незаконного завладения оружием обуславливается наличием у субъекта других конечных целей. Без

последних, хотя они и не являются обязательными признаками субъективной стороны данного состава, невозможна постановка непосредственной цели хищения оружия, т. е. виновный ставит перед собой одновременно, параллельно, а в большинстве случаев последовательно не одну, а две или более целей. Он всегда стремится не только завладеть оружием, но и удовлетворить ту или иную потребность. Хищение оружия — лишь необходимое средство, определенный этап в достижении других, конечных, целей виновного. Этот вывод вытекает и из указанного постановления Пленума, в котором говорится, что «по смыслу закона под хищением оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ следует понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением виновного присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом, когда это создавало угрозу общественной безопасности» [см.: 1, с. 9].

Значение конечных целей хищения оружия чрезвычайно велико. Именно они позволяют дать ответ на вопрос, зачем лицо совершило преступление, достижение какого конечного результата оно преследовало. Прежде всего, конечная цель обуславливает постановку и реализацию основной, непосредственной цели хищения оружия, а тем самым определяет умысел на совершение данного преступления и доказывает его наличие. Конечная цель может оказать существенное влияние и на квалификацию этого преступления. Конечные цели хищения оружия тесно связаны с обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность, и поэтому очень важны для индивидуализации наказания. Так, хищение оружия для совершения других преступлений, несомненно, представляет большую степень общественной опасности, чем это же хищение, например, для коллекции, самообороны. При прочих равных условиях в первом случае оно должно повлечь более строгое наказание в пределах санкции ст. 223 УК. Наконец, правильное и полное установление конечных целей хищений оружия может значительно помочь в выявлении причин и условий, способствовавших совершению данных преступлений, а равно в разработке специальных мер по их предотвращению.

Судебная практика свидетельствует, что анализируемые хищения совершаются для удовлетворения самых различных потребностей (целей). Специфика этих целей в большинстве своем обусловлена характером предмета преступления, предусмотренного ст. 223 УК. При хищении оружия виновный, как правило, не стремится к обогащению, к получению наживы им самим или другими лицами. Об этом весьма наглядно свидетельствуют материалы изученных дел (лишь отдельные виновные имели намерение обогатиться за счет реализации похищенного). Крайне незначительное количество дел о хищении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, совершенных с корыстной целью, во многом объясняется тем, что данные предметы, как правило, имеют малую стоимость. При их хищении ущерб отношениям собственности в уго-

ловно-правовом смысле обычно не причиняется, а виновные не обогащаются и не стремятся к этому. Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 223 УК, не может быть отнесено к числу корыстных посягательств. По данному признаку рассматриваемое преступление отличается от хищений социалистического имущества, которые, как известно, могут совершаться лишь при наличии корыстной цели. Отсюда следует, что хищение оружия по субъективной стороне более широкое, чем хищение социалистического имущества. И это вполне закономерно и соответствует смыслу и целенаправленности нормы, описанной в ст. 223 УК, где объектом преступления, в ней предусмотренного, являются не отношения собственности, а общественная безопасность. По этим основаниям не выдерживает критики, на наш взгляд, точка зрения, согласно которой под хищением оружия понимают лишь те случаи, когда виновный преследует корыстную цель [см.: 5, с. 25—26].

Одна из распространенных целей при хищении оружия — завладение им для преступной деятельности. В преобладающем большинстве это касается взрослых преступников. Некоторые из осужденных похищают оружие для совершения других конкретных преступлений в будущем. В этих случаях оконченное хищение оружия в то же время представляет собой и приготовление к совершению другого преступления, т. е. образует идеальную совокупность преступлений. Здесь конечная цель существенно влияет на квалификацию совершенного преступления. Она свидетельствует о том, что виновным совершено не только хищение, предусмотренное ст. 223 УК, но и другое преступление. На такую квалификацию обращено внимание и в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР [см.: 1, с. 10]. Однако если хищение оружия является формой совершения другого, более тяжкого преступления, действия виновного следует рассматривать как единое сложное преступление, объективная сторона которого включает в себя и хищение, предусмотренное ст. 223 УК. Так, в постановлении по делу А. и Ю. Пленум Верховного Суда СССР указал, что убийство по предварительному сговору с целью завладения оружием для последующих вооруженных нападений содержит признаки бандитизма, поскольку ответственность за это преступление наступает «не только за участие в банде, но и за самый процесс организации вооруженных банд» [см.: 7, с. 1—3]. Так же должен быть решен вопрос и при хищении оружия в ходе совершения бандитских нападений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 20 апреля 1962 г. по делу О. и др. указала: «Преступления, совершенные бандой и квалифицируемые как бандитизм, дополнительной квалификации по другим законам не требуют, если при этом не были совершены преступления более тяжкие, чем бандитизм» [см.: 8, с. 37]. Таким образом, в рассматриваемых случаях конечная цель хищения оружия вообще исключает квалификацию действий виновного

по ст. 223 УК и обосновывает применение более тяжелой квалификации.

В отдельных случаях конечная цель исключает основную (непосредственную) цель хищения оружия, а следовательно, и данный состав. Сюда следует отнести изъятие оружия у преступника при необходимой обороне; временное изъятие оружия у собственника с целью предотвращения его хищения другими лицами, изъятие оружия для сдачи органам власти и т. п. В таких ситуациях независимо от способа перехода оружия во владение другого лица отсутствует цель незаконного завладения и умысел на хищение, так как конечная цель субъекта является правомерной и общественно полезной. Так, например, по делу А., осужденного за открытое похищение пистолета у пьяного С., Судебная коллегия Верховного Суда СССР изменила квалификацию, указав, что А. взял пистолет «для того, чтобы предотвратить возможное хищение его кем-либо у пьяного С.» [см.: 6, с. 39].

Некоторые хищения оружия совершаются с целью избежать задержания и уйти от ответственности. Данную цель, как правило, осуществляют при оказании сопротивления работникам милиции. В подобных случаях, например, при дезорганизации работы исправительно-трудовых учреждений, дезертирстве, умышленном убийстве, побеге из места заключения или из-под стражи, посягательстве на жизнь работника милиции и т. п., когда хищение оружия, совершаемое одновременно с другими преступлениями, служит необходимым средством или условием их успешного осуществления, ответственность должна наступать по совокупности преступлений. Так, по делу Л. и Г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении от 27 ноября 1967 г. указала: «Если при посягательстве на жизнь работника милиции виновные совершили хищение оружия, их действия подлежат квалификации по совокупности преступлений» [см.: 9, с. 7].

Нередко оружие похищается для занятий охотой и спортом. В отдельных случаях, совершая хищение взрывчатых веществ, виновные хотят использовать их для хозяйственно-бытовых нужд: для строительства, выкорчевывания пней, «лечения», использования в качестве моющих средств, фотохимикатов и т. п. Очень часто данное преступление обусловлено стремлением ознакомиться с устройством оружия, механизмом действия боеприпасов и взрывчатых веществ, а также желанием научиться стрелять. Указанные цели взаимосвязаны между собой, и во многих случаях виновные, совершая хищение оружия, преследуют не одну, а сразу несколько таких целей (например, учиться стрелять и для самообороны). Эти цели наиболее характерны для несовершеннолетних, что обуславливается их возрастными и психологическими особенностями.

Совершая хищение оружия, виновный, как правило, стремится завладеть им навсегда. Однако ст. 223 УК охватывает и те случаи, когда виновный незаконно завладевает оружием на время, например, при самовольном, хотя и временном позаймствовании

его у собственника или владельца. Так, Ю., работая в подразделении вооруженной охраны, мстя командиру, похитил два пистолета и закопал их в землю, а неделю спустя, когда за пропажу оружия командир получил взыскание, подбросил пистолеты в подразделение [см.: 2, с. 91]. Виновный, временно изъявший оружие, или третьи лица получают возможность владеть, пользоваться и распоряжаться оружием и могут с его помощью совершить преступление, в том числе и тяжкое. Например, Г. неоднократно изымал пистолет у своего соседа, использовал его во время совершения разбойных нападений, а затем клал на место [см.: 4, с. 33]. Аналогично дело Д., который похитил из склада пистолет, использовал его в течение нескольких часов при совершении разбойного нападения и после этого положил на место. Суд правильно осудил не только за разбой, но и за хищение оружия [см.: 3, с. 38].

При временном позаимствовании оружия оно находится в ненадлежащем месте, т. е. создается дополнительная возможность его хищения, а при обращении с ним может произойти неосторожное преступление или несчастный случай. Это позволяет сделать вывод, что временное позаимствование оружия также посягает на общественную безопасность, создавая угрозу причинения ей вреда, и поэтому совершенно обоснованно такие действия следует рассматривать как преступление, предусмотренное ст. 223 УК. Имея такое решение данного вопроса вытекает из п. 8 указанного постановления Пленума [см.: 1, с. 9]. В связи с этим нельзя признать правильной точку зрения некоторых авторов [см.: 5, с. 25], считающих ошибочной судебную практику, квалифицирующую по ст. 223 УК действия лиц, которые изымают оружие для временного владения им с последующим возвращением владельцу (пострелять, сходить на охоту, инсценировать кражу оружия с надеждой получить поощрение за его «обнаружение», добиться наказания лиц, ответственных за его хранение и т. п.).

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о квалификации действий лиц, похитивших оружие для его уничтожения. Здесь следует исходить из следующих обстоятельств. Если лицо изымает оружие для немедленного уничтожения и тотчас приводит свое намерение в исполнение, его действия образуют лишь умышленное уничтожение имущества, так как не создается угроза общественной безопасности (уничтоженным оружием уже никто не может воспользоваться, его как предмета уже не существует). Однако в тех случаях, когда между изъятием оружия и его уничтожением имеется разрыв во времени и тем самым создается угроза общественной безопасности, действия виновного следует квалифицировать по ст. 223 УК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 5, с. 7—10.
2. Кригер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., «Юрид. лит.», 1965. 328 с.

3. Медведев А. Хищение огнестрельного оружия.—«Соц. законность», 1971, № 8, с. 36—38.

4. Михлин А. С. Последствия преступления. М., «Юрид. лит.», 1969. 103 с.

5. Погребняк И. Квалификация составных преступлений.—«Сов. юстиция», 1970, № 13, с. 24—26.

6. Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. IV (XXXVIII). М., 1948, с. 39—40.

7. «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1955, № 5, с. 1—3.

8. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 4, с. 37—38.

9. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 5, с. 7—8.

Г. А. Матусовский, канд. юрид. наук КРИМИНАЛИСТИКА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Для изучения процесса становления и современного состояния конкретной науки, а также прогнозирования путей ее дальнейшего развития необходимо четко определить принадлежность данной науки к той или иной отрасли знания. Фундаментальные науки этого не требуют, поскольку они сами образуют научные отрасли. Так обстоит с физикой, химией, историей, экономикой и др., на базе которых сложились группы отраслевых дисциплин. Относительно же прикладных наук, в большей части являющихся промежуточными дисциплинами, при решении данного вопроса возникают определенные затруднения.

Проблема, связанная с отнесением криминалистики к юридическим наукам, имеет принципиально важное значение. Будучи в целом решенной положительно, она тем не менее привлекает к себе внимание в силу промежуточного (межотраслевого) характера ряда ее вопросов. То есть возникает необходимость в исследовании некоторых науковедческих аспектов указанной проблемы. В данной статье рассматриваются: общие критерии отнесения отдельных дисциплин к правоведению и в связи с этим принадлежность криминалистики к юридической отрасли знания; проявление нормативной функции криминалистики как юридической науки.

Исследование генезиса и процесса развития наук промежуточных областей показывает, что однозначное определение их предмета затруднительно, ибо сама основа такого определения двусмысленна, а нередко и многозначна [см.: 8, с. 449]. Ведь существовавшие прежде резкие разграничительные линии, разделявшие науки, стали стираться, и появились целые области, которые не столько разделяют, сколько связывают между собой ранее обособленные сферы научного знания. Определение предмета науки, сформировавшейся в промежуточной области, таит в себе противоречивость. С одной стороны, трудно отграничить ее от смежных наук, а с другой, — данная наука уже отошла от них и требует четкого отграничения ее. Еще сложнее установить границы и определить предмет дисциплин, изучающих сложные объекты и в связи с этим привлекающих сведения как из области общественных наук, так и естественных. Криминалистика является именно такой

дисциплиной: имеет основу, характерную для юридической отрасли знания, и в то же время связана с общественными и естественными науками.

Для уяснения сущности рассматриваемого вопроса обратимся к проблеме взаимосвязи общественной отрасли знания, в которую входят юридические науки, и естественнонаучной. Развивая положения марксизма о закономерностях соотношения общественных и естественных наук, В. И. Ленин показал, что ток от естествознания к обществоведению в XX в. является «не менее, если не более, могущественным», чем в предшествующую эпоху [1, с. 41]. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отметил, что «новые возможности для плодотворных исследований... открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере» [2]. Правовые науки, входя в общественнонаучную отрасль, активно взаимодействуют с естественными отраслями знания. Как отмечается в литературе, вопросы взаимодействия естественных и общественных наук относятся «и к праву», в котором наряду с другими отраслями знания процессы дифференциации и интеграции «будут ускоряться и углубляться» [7, с. 45].

Формирование криминалистики в межотраслевой области знания, активное использование ею данных естественных и технических наук создавали в период ее становления и первоначального развития впечатление, что такая дисциплина не является юридической наукой (целиком или в известной части) и тем самым не может быть отнесена к общественнонаучной отрасли знания. Принадлежность той или иной дисциплины к определенной отрасли связана со спецификой изучаемых ею закономерностей общественного развития.

Иногда «в термине «общественные науки»... стираются более тонкие различия между собственно науками об обществе и науками о явлениях общественно детерминированных» [15, с. 9]. Не являясь наукой об обществе, криминалистика изучает объекты, закономерный процесс возникновения которых детерминирован таким социальным явлением, как преступность. Она не ставит перед собой задачи исследования преступности как социального явления, а изучает ее как явление уголовно-правовое, разрабатывая меры борьбы с преступлениями в своем специфическом аспекте, определяемом предметом криминалистической науки. Поэтому можно утверждать, что криминалистика является наукой о явлениях общественно детерминированных.

Рассматриваемые межнаучные связи интересно исследуют и в философской литературе. Давая классификацию наук, возникающих на стыке общественных и естественных отраслей, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон указывают на один из случаев, «когда та или иная общественная наука расширяет применяемую ею техническую методику включением более точных методов, выработанных в естествознании. Примером может служить применение химичес-

ких, биологических и других методов в криминалистике» [9, с. 54]¹.

Рассмотрим критерии, на основе которых та или иная дисциплина может быть отнесена к юридическим наукам². В теории права эти критерии рассматриваются под различными углами зрения. Их обычно формулируют в связи с разработкой классификаций юридических наук [см.: 3, с. 369—379; 16, с. 55—64].

Наиболее аргументированными оказываются те критерии, согласно которым группируют общетеоретические и отраслевые юридические науки. Сложнее определить их для классификации межатраслевых и особенно прикладных юридических наук. Используя сравнительный метод при классификации юридических наук, А. А. Тилле и Г. В. Швеков считают, что «сходным признаком», объединяющим эти науки, является объект изучения: государство и право [см.: 16, с. 60]. Однако данный признак оказывается очень широким относительно группы прикладных дисциплин. В некоторые классификации юридических наук включены такие дисциплины, как судебная медицина, судебная психиатрия, судебная химия, именуемые прикладными правовыми науками [см.: 11, с. 307], судебная статистика, судебная психология [см.: 3, с. 378]. Авторы относят их к прикладным юридическим наукам, объясняя это спецификой содержания и целей. В известном смысле можно утверждать, что все прикладные дисциплины, образовавшиеся на стыке правоведения и других отраслей (естественных, технических, математических и других наук) пронизываются общей целью правоведения, ради осуществления которой они и сформировались. Однако сам по себе этот факт не может служить основанием для отнесения их к юридическим наукам.

Приведенные критерии классификации юридических наук образуют определенную систему. В нее, как отмечается в литературе, входят следующие элементы: объект познания в правоведении; цель научной дисциплины в освоении той части объекта, на которую направлено исследование; содержание науки, т. е. ее научный арсенал, отражающий специфическую направленность в познании изучаемого объекта. Однако в данной системе отсутствует основной, на наш взгляд, критерий — степень освоения отдельной наукой общего предмета правоведения. В этой связи возникает вопрос о соотношении двух взаимосвязанных, но не тождественных понятий: объекта познания и предмета науки.

Объект познания существует как выражение различных сторон и свойств действительности. В процессе общественно-исторической

¹ Рассматривая основания, из которых исходят при разграничении наук, С. Р. Микулинский и Н. И. Родный среди других выделяют такие, как специфическое сочетание методов, применяемых в науках [см.: 12, с. 35].

² Термин «юридические науки» используется в широком смысле, когда им охватывается вся система политической организации общества, государства и права [см.: 13, с. 4—8]. Он употребляется и в более узком смысле, когда имеют в виду лишь науки о праве (правоведение) (см.: 3, с. 303). В данном смысле термин применяется в настоящей статье.

практики возникает необходимость познания объективных закономерностей объекта. Предмет же науки представляет собой закономерности той части объекта познания, на которую направлено научное исследование. Исследователь как субъект познания изучает объект в рамках избранного им направления, являющегося одной из сторон объекта [см.: 18, с. 326, 339]¹. Объект познания может быть различным по содержанию и объему отражаемых сторон и своей действительности. Поэтому всестороннее освоение его требует привлечения различных отраслей знания. В ходе такого освоения складываются определенные группы наук, предметы которых различаются изучаемыми ими закономерностями объективной действительности и в то же время имеют то общее, что составляет основные элементы предмета всей отрасли в целом.

Предметом юридической науки, как подчеркивает С. С. Алексеев, является «правовое регулирование, весь его механизм» [см.: 3, с. 310].

Возникает вопрос, в какой степени указанный предмет должен осваиваться той или иной юридической дисциплиной. Ответ на него дается такой: «В сферу предмета каждой юридической науки входят все элементы содержания правового регулирования. Нет таких юридических наук, которые бы не изучали закономерности правового регулирования, непосредственно нормативный материал, вопросы технико-юридического порядка» [3, с. 370—371]. Разумеется, каждый из элементов содержания правового регулирования проявляет себя в разной степени, но один из них выступает на первый план. Этот критерий классификации, в отличие от других, может рассматриваться как основной, поскольку он определяет наиболее существенные качества, характеризующие данную дисциплину как юридическую. Под установленные этим критерием параметры подойдут признаки предмета не всякой науки, имеющей цель, объект исследования и характерное содержание, общие для дисциплин, обслуживающих сферу борьбы с преступностью. Так, в группу юридических наук не войдут такие дисциплины, как судебная медицина, судебная психиатрия, судебная статистика и т. п. Они (как отрасли соответствующих неюридических наук) изучают лишь специфические вопросы технико-юридического порядка. Обслуживая правовую сферу, эти науки в своих исследованиях соприкасаются с правовым нормативным материалом. Однако изучают его в узкоприкладных целях. Основу их содержания составляют средства и способы, методики достижения лишь отдельных юридических (процессуальных) действий. Например, в судебной медицине — это методика экспертного осмотра трупа, исследование объектов биологического происхождения и т. д.

¹ Р. С. Белкин обращает внимание на эту сторону познания применительно к определению предмета криминалистики и ее соотношения со смежными науками [см.: 5, с. 42].

Криминалистика, также сформировавшаяся на стыке различных отраслей знания для обслуживания правовой сферы, осваивает не только вопросы технико-юридического порядка, но и закономерности правового регулирования, непосредственно нормативный материал как основу правового регулирования.

Объектом ее изучения являются уголовно-правовые нормы в той части, которая касается, в первую очередь, разработки методики расследования отдельных видов преступлений. Нормы уголовного процесса представляют для криминалистики правовую основу. На ней, прежде всего, строятся научные разработки в области криминалистической тактики и в сфере процессуальной регламентации применения средств криминалистической техники. Такое решение рассматриваемого вопроса встречает иногда возражения на том основании, что нормы права не могут являться объектом изучения криминалистики. Думается, что, став на такую позицию, мы лишили бы криминастику как юридическую науку одного из важнейших элементов предмета исследования — нормативного материала, определяющего юридическую сущность и содержание осваивающих его дисциплин.

Рассматривая проблемы методики расследования преступлений, А. Н. Васильев обращает внимание на то, что до сих пор на практике, а иногда и в теории в методику расследования включаются вопросы, «которые рассматриваются науками уголовного права, уголовного процесса, криминологии, относя их, тем самым, к криминалистике» [6, с. 61]. Изложенное выше положение не противоречит данному мнению, поскольку в них речь идет, хотя и о взаимосвязанных, но о различных вопросах.

Криминалистика не исследует проблемы, составляющие прерогативу отраслевых правовых наук, например, закономерностей возникновения и развития уголовных и уголовно-процессуальных норм, их институтов и т. д. Но для развития собственной теории, научной системы и методов разработки рекомендаций для практики она не может обойтись без изучения права. Различие в предметах криминалистики, уголовно-правовой и уголовно-процессуальных наук как самостоятельных отраслей знания вовсе не исключает частичного совпадения элементов общего объекта исследования, какими в данном случае являются нормы права.

Нормативная (практически — прикладная) функция юридической отрасли знания применительно к науке криминалистике проявляется, в частности, в разработке рекомендаций по совершенствованию «техники юриспруденции» — приемов и способов расследования преступлений, процедуры разрешения юридических дел и др.» [3, с. 307]. «Нормативность» юридических наук проявляется различно. Одни положения науки, в том числе и криминалистики, вводятся в содержание правовых норм и, по образному выражению С. С. Алексеева, как бы «просвечивают» через нормативный материал. Другие не включены в нормативные акты, однако имея важное значение для практики, они приобретают характер предписаний, применение которых в определенных слу-

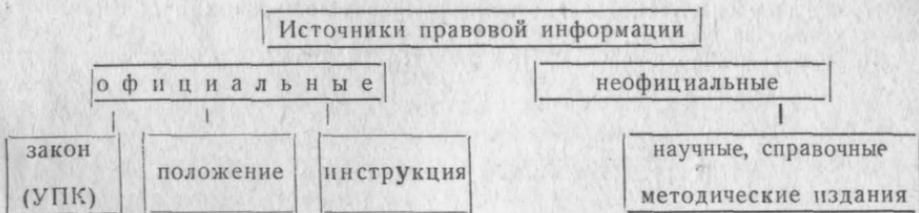
чаях становится необходимым. Возникает, на наш взгляд, важный как для практики, так и для развития теории вопрос о нормативном статусе практических рекомендаций криминалистики в связи с проявлением нормативной функции юридической науки. Изучение судебной практики, практики прокурорского надзора как средств выявления недостатков предварительного расследования показывает, что ошибки при расследовании допускаются не только из-за неправильного применения уголовного закона или нарушений процессуального закона, но и из-за недостатков в тактике расследования [см.: 10, с. 62—75], в применении средств криминалистической техники, использовании методик расследования отдельных видов преступлений. Поэтому одним из важнейших условий (а отсюда и требований к практике), повышающих качество расследования, является внедрение в работу следователей научных методов, выраженных в криминалистических рекомендациях. Выполнение данного требования служит гарантией всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 20 УПК РСФСР, ст. 22 УПК УССР). По этой причине неприменение следователем в необходимых случаях или неправильное применение им научных методов расследования следует рассматривать как нарушение требований указанных норм закона. Следовательно, рекомендации криминалистики должны применяться во всех необходимых случаях при условии, что они представляют собой «обоснованный и апробированный практикой совет, касающийся выбора и применения технико-криминалистических средств, криминалистических приемов и методик собирания, исследования, оценки и использования доказательств» [5, с. 83].

Указанные рекомендации представляют собой неофициальную правовую информацию, исходящую от криминалистической науки. Она содержится в монографиях, сборниках научных работ, журнальных статьях, а также в различных справочниках, научных обзорах и докладах, не являющихся официальными изданиями [см.: 14, с. 11]. Из числа криминалистических рекомендаций особо следует выделить те, которые закреплены как императивные предписания в ведомственных нормативных актах соответствующих органов юстиции. Так, органы с подведомственным следственным аппаратом издают приказы и инструкции, содержащие указания о применении научных методов расследования, средств криминалистической техники, тактических приемов и методик расследования преступлений. В научной литературе правильно отмечается, что законодатель не должен и не может (в силу быстрого развития науки и техники, многообразия следственных ситуаций и пр.) указывать конкретные криминалистические рекомендации в тексте уголовно-процессуального закона. Они могут содержаться в «более динамичной части правовой системы — в подзаконных актах», например, в виде инструкции следователю по выбору определенного технико-криминалистического средства или приема, оптимального в конкретной ситуации [см.: 5, с. 78].

Нормативный характер криминалистических рекомендаций заключается и в том, что они входят в качестве обязательного элемента в систему источников правовой информации. Основу такой системы составляет закон (например, уголовно-процессуальный), положения которого конкретизируются (в большинстве случаев) в подзаконных актах (приказах, инструкциях), различных ведомственных нормах и методических указаниях, непосредственно содержащих криминалистические рекомендации.

Рассмотрим действие такой системы на примере подготовки следователем материалов для производства криминалистической экспертизы. Закон устанавливает порядок получения образцов для сравнительного (экспертного) исследования (ст. 186 УПК РСФСР, ст. 199 УПК УССР), общий для всех видов криминалистических и других судебных экспертиз. Положение, утвержденное Министерством юстиции СССР, об организации производства судебных экспертиз устанавливает порядок оформления материалов, направляемых для производства экспертиз в экспертные учреждения [см.: 4, с. 44—45]¹. Дальнейший порядок подготовки материалов для экспертизы, получение образцов для исследования содержится в инструкциях по производству отдельных видов судебных экспертиз, в том числе и криминалистической. Материалы указанных ведомственных нормативных актов в приложении к конкретным ситуациям нуждаются в уточнении, для чего необходимо пользоваться различного рода криминалистическими рекомендациями, содержащимися в научной, методической, справочной литературе.

Таким образом, указанные источники правовой информации составляют систему, которая может быть выражена в виде схемы следующим образом:

Исключение из данной системы того или иного элемента повлечет за собой нарушение ее целостности и затруднит, а в ряде случаев исключит возможность практического ее применения.

¹ По поводу органов юстиции, надзора и контроля принято считать, что они не обладают правотворческими функциями: они призваны обеспечивать действие права. «Между тем,— как правильно полагает С. С. Алексеев,— не может вызывать сомнений, что для решения возложенных на них задач центральные органы юстиции, надзора и контроля должны издавать ведомственные акты, регламентирующие внутреннюю деятельность судебной системы, прокуратуры...» [3, с. 81].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма.— Полн. собр. соч. Т. 25, с. 31—54.
2. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — «Правда», 1976, 25 февр.
3. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 2. Свердловск, 1971. 401 с.
4. Арсеньев В. Новое положение об организации судебной экспертизы.— «Соц. законность», 1973, № 5, с. 44—45.
5. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. 130 с.
6. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений.— «Соц. законность», 1975, № 4, с. 61—63.
7. Взаимодействие естественных и общественных наук на современном этапе.— «Вопр. философии», 1973, № 10, с. 39—53.
8. Кедров Б. М. Классификация наук. Кн. II. М., «Мысль», 1965. 543 с.
9. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. К вопросу о классификации общественных наук.— В кн.: Методологические вопросы общественных наук. М., Изд-во Моск. ун-та, 1966, с. 50—55.
10. Корневский Ю. В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М., «Юрид. лит.», 1974. 112 с.
11. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., «Юрид. лит.», 1970. 622 с.
12. Микулинский С. Р., Родной Н. И. Место науковедения в системе наук.— «Вопр. философии», 1968, № 6, с. 33—42.
13. Недбайло П. Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, «Вища школа», 1971. 160 с.
14. Правовая информация. М., «Наука», 1974. 158 с.
15. Рубинштейн С. Л. Вопросы психологической теории.— «Вопр. психологии», 1955, № 1, с. 6—17.
16. Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., «Высш. школа», 1973. 192 с.
17. Федоренко Н. П. О взаимодействии естественных и общественных наук.— «Вопр. философии», 1973, № 10, с. 31—38.
18. Философский словарь. М., Политиздат, 1972. 496 с.

В. П. Суетнов, канд. юрид. наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Главная задача десятой пятилетки состоит «в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамического и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства» [2, с. 10]. В решении этой задачи определенное место отводится работе предприятий пищевой промышленности, ибо их деятельность

направлена непосредственно на удовлетворение материальных потребностей советских людей.

Изучение работы названных предприятий, колхозов и совхозов, поставляющих сельскохозяйственное сырье, показывает, что еще имеются серьезные недостатки, нарушения и несовершенство в организации учета материальных ценностей, в технологии переработки сырья и изготовлении готовой продукции, в работе контрольно-ревизионного аппарата и др. Эти обстоятельства нередко используются отдельные лица для совершения хищений имущества и денежных средств.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев отмечал, что наши законы «должны эффективнее противодействовать имеющимся фактам обмана государства, приписок, хищения социалистической собственности, проявлениям местничества и т. д.» [1, с. 12]. Анализ и обобщение судебно-следственной практики свидетельствует о том, что хищения имеют место на предприятиях таких отраслей промышленности, как сахарная, масложировая, плодоконсервная, кондитерская, винодельческая, табачная. Во многих случаях они совершаются в форме присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением. Преступления эти, как правило, совершаются в течение длительного времени группами расхитителей, которые нередко вступают в преступный сговор с отдельными работниками колхозов, совхозов, торговых организаций, спекулянтами. Так, начальник цеха, технолог кондитерской фабрики Д. и Г. реализовали похищенное на фабрике масло через заведующего магазином В., шофера междугородных перевозок Р. и др.

С целью хищения преступники используют самые различные способы создания неучтенных излишков товарно-материальных ценностей. По приведенному делу, например, расхитители создавали излишки сливочного масла путем занижения процента содержания жира в начинке различных конфет, вырабатываемых фабрикой, заменяя сливочное масло иными, менее ценными компонентами.

В практике расследования хищений, совершенных на предприятиях пищевой промышленности, часто встречаются значительные трудности и имеются недостатки. Одна из причин такого положения заключается в том, что методика расследования данной категории преступлений недостаточно разработана. Поэтому очень важно исследовать те вопросы методики, которые относятся, прежде всего, к определению задач, решаемых в ходе расследования указанных хищений. Этому вопросу в юридической литературе уделяется внимание. Однако одни ученые излагают неконкретно задачи расследования [см.: 6, с. 5—7], другие — рассматривают их не в полном объеме. Вот почему сформулированы они в теории по-разному.

Так, некоторые авторы считают, что задачами расследования являются: сбор доказательств о наличии или отсутствии состава преступления; установление виновности или невиновности конкретных лиц в его совершении; выяснение причин, способству-

ющих совершению преступлений [см.: 5, с. 183]. Иные же — к задачам относят: раскрытие преступлений; установление и детальное расследование всех обстоятельств дела с тем, чтобы была обеспечена обоснованность предания суду лиц, обвиняемых в совершении преступления, а суд имел возможность рассмотреть и решить его по существу; установление характера и размера материального ущерба, причиненного преступником, и обеспечение возмещения этого ущерба или в непосредственном возмещении его там, где это возможно; обеспечение исполнения приговора; устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления [см.: 3, с. 96—104]. Из сказанного видно, что отдельные авторы не считают непосредственной задачей расследования, например, установление характера и размера материального ущерба, причиненного преступлением, и обеспечение его возмещения, а другие же — совершенно правильно, на наш взгляд, придерживаются прямо противоположного мнения в данном вопросе.

Правильно формулируя многие задачи, присущие стадии предварительного расследования, А. М. Донцов в то же время неверно полагает, с нашей точки зрения, что осуществление исполнения приговора, куда он относит принятие мер пресечения в отношении обвиняемого и наложение ареста на имущество для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации [см.: 3, с. 99, 100] является непосредственной задачей расследования. Поскольку на обеспечение исполнения приговора направлена вся уголовно-процессуальная деятельность, выполнение всех задач расследования, позиция А. М. Донцова в данном случае вызывает возражение.

Меры пресечения согласно требованиям закона могут быть применены тогда, когда есть основания полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, скроется от следствия, суда или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу или будет заниматься преступной деятельностью, а также и для обеспечения исполнения приговора (ст. 148 УПК УССР, ст. 89 УПК РСФСР). Т. е. закон говорит лишь о праве применять их органами расследования, прокурором, судом, указывая на наличие ряда оснований. Часто возникает необходимость в принятии мер пресечения, но это не обязательно для расследования всех преступлений. Поэтому рассматриваемую задачу нельзя считать характерной для всего предварительного расследования.

Наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества тоже не может быть отнесено к числу непосредственных задач расследования, поскольку в ходе его органы расследования должны принимать меры к тому, чтобы восстановить нарушенное преступлением материальное состояние потерпевшего и без иска возратить похищенное [см.: 4, с. 42].

Таким образом, различное понимание учеными непосредственных задач расследования обуславливает отсутствие полного определения и раскрытия сущности одной из важнейших стадий про-

десса, не содействует показу роли и значения органов расследования в борьбе с преступностью.

При формулировании этих задач целесообразно исходить, прежде всего, из общих задач уголовного судопроизводства и, кроме того, из анализа всех норм, регламентирующих процессуальную деятельность органов предварительного расследования. Следует признать правильным мнение тех ученых, которые к анализируемым задачам относят: быстрое и полное раскрытие преступлений; привлечение к ответственности лиц, совершивших преступление, избличение их собранными доказательствами, создание необходимых условий для предания участников преступления суду; возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, или обеспечение реального возмещения его после судебного приговора; установление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления; воспитательное воздействие на лиц, совершивших преступление, и других граждан [см.: 4, с. 37—48]. Эти задачи присущи стадии предварительного расследования всех видов преступлений. Они получают конкретное содержание в каждом индивидуальном случае. В разработке рекомендаций о конкретном содержании задач расследования преступлений того или иного вида важную роль играет методика расследования.

В методике расследования, в частности, хищений государственного и общественного имущества, совершаемых должностными лицами, этим задачам не всегда еще уделяется должное внимание. В некоторых работах они рассматриваются без необходимой конкретизации хищений, совершаемых в той или иной отрасли народного хозяйства, отдельные задачи включаются в число обстоятельств, подлежащих установлению.

Рекомендаций же о задачах расследования хищений в ряде отраслей пищевой промышленности нет вообще, хотя они в практике необходимы, так как помогут следователю достичь полноты и всесторонности расследования. В связи с этим рассмотрим некоторые непосредственные задачи с показом их конкретного содержания.

Быстрое и полное раскрытие хищений является одной из важных задач расследования. От успешного ее выполнения в значительной степени зависит правильное отправление правосудия, обеспечение неотвратимости наказания. Для того чтобы быстро и полно раскрыть хищения, совершенные на предприятиях пищевой промышленности, следователю, органу дознания необходимо конкретизировать эту задачу в зависимости от особенностей расследуемых дел. Особенности определяются спецификой структуры предприятий, системой учета материальных ценностей, заготовки и поставки сырья, технологического процесса переработки его и изготовления готовой продукции. Одна из характерных черт деятельности предприятий пищевой промышленности состоит во взаимосвязи с сельскохозяйственным производством. Поэтому при расследовании хищений некоторые вопросы конкретного содержания задачи — быстрое и полное раскрытие хищений — могут быть оди-

наковыми. Это, например, относится к установлению связей между расхитителями предприятий и отдельными представителями колхозов и совхозов, занимающихся отправкой сельскохозяйственного сырья и др. Кроме того, для успешного расследования этих хищений во всех случаях приходится определять и осуществлять ряд организационных мероприятий: проведение ревизий и инвентаризаций, если они не были проведены или проведены, по мнению следователя, некачественно, неполно; подбор ревизоров и других специалистов для проведения ревизий и инвентаризаций, для участия в производстве следственных действий; принятие мер к обеспечению сохранности документации, отражающей операции с материальными ценностями и денежными средствами; обеспечение сохранности готовой продукции сырья, материалов, которые могут быть в ходе расследования направлены на исследование; создание для расследования бригады (группы) следователей и привлечение к проведению оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий оперативных работников аппарата БХСС.

Учитывая специфику деятельности предприятий, можно сформулировать конкретные для каждой отрасли задачи быстрого и полного раскрытия хищений. Рассмотрим эти задачи применительно к табачной и виноводочной отраслям промышленности.

Обобщение следственной практики показывает, что нередко совершаются хищения при заготовках табака, его переработке и изготовлении табачных изделий. Конкретное содержание поставленной задачи может быть сформулировано следующим образом: 1) обнаружить, где совершено хищение: на табачном заготовительном пункте или на перерабатывающем предприятии; 2) установить общий размер участка, на котором выращивался табак, а также размеры участков, закрепленных за конкретными лицами в бригаде, звене, занимавшихся уходом за табаком и его уборкой. Выяснение этих данных имеет большое значение для выдвижения версий, не было ли приписок табака при его сдаче отдельным колхозникам и рабочим совхозов. Практика показывает, что преступники на созданные излишки выписывают подложные документы о якобы принятом от колхозов и совхозов табаке. В свою очередь, отдельные представители колхозов и совхозов (бригадиры, управляющие, звеньевые) на основании этих подложных документов, полученных от расхитителей приемных пунктов, табачно-ферментированных предприятий, производят приписки количества табака колхозникам, рабочим совхозов (как правило, родственникам, знакомым). Последние, получив деньги за выращивание и сдачу табака, передают их расхитителям. Для выяснения таких фактов и необходимо устанавливать размеры участков, на которых выращивался табак, их расположение, одинаковое ли количество табака собрано с равных участков, находящихся в одном месте; 3) уточнить наименование и сорт табака, выращенного на всех участках; 4) определить, какой был урожай вообще и на каждом участке отдельно; 5) выяснить, в какой период времени собирался табак; способы его сушки, упаковки, транспортировки; 6) выявить всех

лиц, которые занимались сдачей табака на заготовительный пункт или перерабатывающее предприятие; 7) узнать, при какой погоде собирался урожай; 8) проверить, производились ли лабораторные анализы по определению влажности при приемке табака.

Расхитители, орудуя на винодельческих, виноводочных предприятиях, также различными путями создают неучтенные излишки материальных ценностей в процессе заготовки винограда, зерна, картофеля и другой продукции, используемой при изготовлении виноматериалов, спирта, при переработке сырья, обработке виноматериалов, изготовлении готовой продукции. Так, при изготовлении виноводочной продукции допускаются определенные отклонения в дозировке процентного содержания спирта и др. Например, при изготовлении водки марки «Экстра» содержание спирта допускается от 39,3% до 40,08%. Расхитители нередко используют это для создания неучтенных излишков. Так было на одном ликероводочном заводе, где водка выпускалась с 39,3% содержанием спирта, а по документам оформлялась как 40,08%. За счет этого преступники создали значительные излишки водочных изделий и реализовали их через торговые организации.

В конкретное содержание рассматриваемой задачи применительно к данной отрасли промышленности можно включить следующие действия: 1) выяснить, в каких звеньях производства или при каких операциях в ходе заготовки сырья создавались неучтенные излишки материальных ценностей; 2) установить, за счет чего создавались неучтенные излишки; 3) выявить преступные связи расхитителей, работающих на разных участках производства, характер этих связей; в какой период преступной деятельности они установлены, как долго продолжались; 4) узнать, каким способом осуществлялась поставка сырья (винограда, зерна, картофеля и т. д.) виноводочным предприятиям; 5) проверить, каким образом определялось и определялось ли вообще количество сырья, оформлялись ли показатели качества в документах; 6) установить, контролировалась ли работа автоматов по разливу виноводочной продукции, кем и каким образом.

Непосредственная задача расследования — привлечение к ответственности лиц, совершивших хищение, изобличение их собранными доказательствами и создание необходимых условий для предания их суду — в значительной мере решается при реализации вышерассмотренной задачи. Однако на основании закона, обязывающего изобличать виновных в совершении преступления и обеспечивать правильное его применение с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию, эту задачу необходимо рассматривать в качестве самостоятельной.

С учетом особенностей расследования хищений, совершенных в табачной отрасли промышленности, к конкретному содержанию данной задачи может быть отнесено: 1) собирание необходимых доказательств, выявленных при расследовании, о виновности или невиновности лиц в совершении хищений; 2) изобличение имеющимися доказательствами всех лиц, участвующих в совершении пре-

ступления; 3) установление соучастников, скрывшихся от следствия, и розыск их; 4) решение вопроса об избрании мер пресечения в отношении каждого из соучастников хищения и т. д.

Возмещение материального ущерба, причиненного хищением, является также одной из наиболее важных непосредственных задач расследования. Практика свидетельствует, что органы расследования еще не всегда выполняют ее в полном объеме, в том числе и на предприятиях пищевой промышленности. Неполное возмещение материального ущерба, причиненного хищениями, в определенной мере может быть объяснено тем, что органы расследования еще недостаточно внимания уделяют розыску похищенного имущества, денег, нажитых преступным путем; не обеспечивают надлежащую сохранность обнаруженного похищенного имущества и имущества, приобретенного на похищенные средства. В конкретное содержание задачи по обеспечению полного возмещения материального ущерба, причиненного хищениями в рассматриваемой отрасли промышленности, должно быть включено: 1) розыск похищенного и возвращение его предприятиям, заготовительным организациям, колхозам и совхозам; 2) розыск имущества, ценностей, денег, нажитых преступным путем, в целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества; 3) принятие мер, направленных на обеспечение сохранности обнаруженного похищенного имущества, а также имущества, ценностей, денег, нажитых преступным путем; 4) решение вопроса о предъявлении гражданского иска, т. е. кого признать гражданским лицом.

Для успешного выполнения задачи по выявлению причин и условий, способствовавших совершению хищения в процессе расследования, необходимо: 1) установить конкретные нарушения, недостатки в действующем порядке поставки, заготовки сельскохозяйственного сырья для нужд предприятий пищевой промышленности, его хранения, транспортировки, переработки и изготовления полуфабрикатов, готовой продукции, ее хранения и реализации; 2) выявить нарушения, недостатки в системе учета материальных ценностей, в эксплуатации оборудования предприятий, технологии переработки сырья, материалов и изготовления готовой продукции; 3) выяснить, в какой период времени, в какой стадии производства нарушались установленные требования технологического процесса, кем и в чем это выражалось; 4) узнать, принимались ли меры по устранению нарушений, недостатков, выявленных проверками, в деятельности предприятий, заготовительных организаций, кем, когда, кто не выполнял принимаемые меры и почему; 5) проверить, правильно ли осуществлялся подбор и расстановка кадров на предприятиях, заготовительных организациях; 6) определить, какие необходимы меры для устранения выявленных недостатков, нарушений в технологии переработки сырья и изготовлении готовой продукции, полуфабрикатов, в системе заготовки и поставки предприятиям сельскохозяйственного сырья, в финансово-хозяйственной деятельности предприятий и заготовительных организаций, в системе учета и отчетности.

Воспитание советских граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития также является важной задачей расследования.

Конкретным ее содержанием является: 1) убедить лиц, совершивших хищение, в важности и исключительно большом значении сохранности социалистического имущества; 2) провести такую же воспитательную работу с лицами, которые не будут привлечены к уголовной ответственности; 3) склонить обвиняемых к пониманию необходимости и целесообразности давать правдивые показания об обстоятельствах совершенного ими хищения; 4) разъяснить важность и целесообразность добровольного возмещения материального ущерба, причиненного хищением; 5) воздействовать на обвиняемых и других лиц, склонных к совершению хищений, с целью изменения у них антиобщественных взглядов на социалистическую собственность.

Таким образом, правильное определение и решение рассмотренных задач при расследовании, несомненно, будет содействовать эффективности расследования, выяснению необходимых для полного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., Политиздат, 1976. 112 с.
2. Косыгин А. Н. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы. М., Политиздат, 1976. 80 с.
3. Донцов А. М. О задачах предварительного следствия в советском уголовном процессе.— «Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. право», 1969, № 17.
4. Жогин Н. В. Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., «Юрид. лит.», 1965. 305 с.
5. Советский уголовный процесс. Под ред. Д. С. Карева. М., «Высш. школа», 1968. 103 с.
6. Стремовский В. А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М., «Юрид. лит.», 1958. 201 с.

В. Н. Г л и б к о, канд. юрид. наук

ОБЫСК И ВЫЕМКА КАК СРЕДСТВА ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ХИЩЕНИЯМИ, ГОСУДАРСТВЕННОМУ И ОБЩЕСТВЕННОМУ ИМУЩЕСТВУ

По уголовно-процессуальному закону органы расследования обязаны принимать необходимые меры к обнаружению похищенного имущества, ценностей и денежных средств и обеспечению гражданского иска и возможной конфискации (ст. 29 УПК УССР, ст. 30 УПК РСФСР). На это неоднократно указывал Генеральный прокурор отмечая, что следователи и прокуроры после возбуждения уголовного дела обязаны принять меры к поиску и изъятию похищенного и нажитого на преступные средства имущества

и ценностей. Было обращено внимание следственных органов на необходимость своевременного розыска похищенного имущества и принятия мер по его сохранности. Выполнение этих требований в значительной мере зависит от оперативного и своевременного проведения необходимых следственных действий и оперативных мероприятий по розыску похищенного и найтого преступным путем имущества, ценностей и денежных средств.

Расследуя дела о хищениях государственного и общественно-го имущества, следователь встречает определенные трудности, заключающиеся в том, что похищенное преступники предусмотрительно скрывают в различного рода тайниках, хранят у своих знакомых и родственников. В целях установления мест сокрытия похищенного и найтого на преступные средства имущества и ценностей следователь производит обыск. Обыск может быть произведен лишь при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о том, что орудия преступления, вещи, ценности и денежные средства, добытые и найтые преступным путем, скрыты в определенном месте либо у определенного лица (ст. 177 УПК УССР, ст. 169 УПК РСФСР).

Возмещение ущерба, причиненного хищением, является органической частью тех задач, которые разрешаются непосредственно обыском и могут решаться как в комплексе, так и самостоятельно. В процессе расследования задача обыска конкретизируется в зависимости от обстоятельств уголовного дела. Значение обыска состоит в том, что с его помощью следователь получает фактические данные, способствующие раскрытию преступления и возмещению причиненного ущерба [см.: 3, с. 221]. В процессе обыска по делам о хищении государственного и общественного имущества следователю необходимо отыскать и изъять следующие материальные ценности и документы, которые могут служить как вещественными доказательствами по делу, так и средством обеспечения возмещения ущерба и возможной конфискации.

1. Похищенное имущество. Похищая материальные ценности, преступники часто стремятся превратить их в деньги, подвергают доработке либо полной переработке, что порой затрудняет их розыск. Поэтому при подготовке к обыску и его производстве следователю необходимо учитывать эти особенности.

2. Имущество, ценности и денежные средства, найтые преступным путем. Решению этой задачи должна предшествовать тщательная подготовка. Следователь обязан учитывать, что расхитители на похищенные средства приобретают облигации 3% государственного займа, скупают изделия из золота и других ценных металлов и т. д. Обнаружение большого количества найтых преступным путем материальных ценностей способствует изобличению виновных и служит важным средством обеспечения причиненного ущерба и возможной конфискации.

3. Различные черновые записи, заметки, расчеты. Совершая хищения, преступники часто фиксируют похищенное имущество, количество реализованной продукции, сумму денег, полученных

соучастниками. Такие сведения способствуют установлению размеров причиненного ущерба, мест сбыта похищенного имущества, выявлению роли соучастников хищения.

В криминалистической литературе обыск принято делить на три вида: обыск в помещении (служебном, жилом, подсобном), обыск участков местности и личный обыск. Обыск по делам о хищениях чаще всего проводится в помещении или на местности. После проведения обыска в помещении следователь должен проинформировать личный обыск лиц. Следственная практика, однако, свидетельствует о том, что такие обыски проводятся крайне редко (из 50 изученных уголовных дел они были проведены лишь в двух случаях). Так, при расследовании уголовного дела по обвинению Юшина и др. по ст. 92 ч. III, 93¹ УК РСФСР следователь, обыскав помещение и обнаружив разыскиваемые предметы, не провел личного обыска Юшина, при котором, как впоследствии выяснилось, находилась сберегательная книжка с суммой вклада в 7 тыс. руб. (Архив обл. суда г. Тулы, 1973).

Учитывая способы хищения разыскиваемых объектов и его виды, следователь определяет тактику производства обыска. Тактические приемы обыска в целях отыскания похищенного имущества, а также ценностей, денег и имущества, нажитых преступным путем, имеют свои особенности. В первом случае эти особенности заключаются в том, что следователь может использовать аналогичное имущество в качестве образцов (ему, как правило, известны общий вид и признаки похищенного имущества), техническую и иную документацию, содержащую сведения о похищенном имуществе и т. д. Во втором же случае он не всегда располагает такого рода данными. Поэтому успеху обыска в определенной мере способствует допрос свидетелей и других лиц.

Успех обыска в значительной мере зависит от его подготовки. Следователю необходимо установить круг лиц, причастных к хищению, их роль в совершенном преступлении, лиц, у которых могут храниться интересующие следователя имущество и ценности. Наряду с этим следователь должен изучить объекты, где будет производиться обыск, определить время его проведения, распределить обязанности между участниками обыска, подготовить научно-технические средства. Круг лиц, у которых будет произведен обыск, можно определить из обстоятельств расследуемого дела и данных, полученных в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Так, при расследовании уголовного дела по обвинению Безродного и др. по ст. 84 ч. III УК УССР следователь установил с помощью оперативных работников всех участников хищений, определил возможные места сокрытия похищенного, уточнив сведения о лицах, у которых предполагалось проведение обысков. Располагая точной информацией, следователь произвел обыски у всех участников хищения и таким образом обнаружил имущество на общую сумму 6776 руб. (Архив нар. суда Купянского р-на Харьковской обл., 1970).

Успех обыска в значительной мере зависит от наличия сведе-

ний о лицах, у которых он будет проведен, их привычек, наклонностей, навыков и т. д. [см.: 2, с. 57—58]. Если по каким-либо причинам нельзя провести обыск одновременно у нескольких лиц, то необходимо определить очередность его производства, приняв все меры к тому, чтобы другие участники хищения не могли спрятать или уничтожить похищенное. При наличии точных сведений о намерении преступников перевезти и укрыть похищенное, производство обыска целесообразно отложить, одновременно поручив органам милиции наблюдение за этими лицами. Практика свидетельствует о том, что успех в отыскании похищенного и найтого преступным путем имущества зависит, в первую очередь, от своевременности и внезапности обыска. Эти факторы в ряде случаев не дают возможности расхитителям, их родственникам и знакомым ликвидировать или подменить ценное имущество, израсходовать найтые преступным путем деньги.

Тактика производства обыска в каждом конкретном случае зависит от следующих условий: а) места проведения обыска (городская квартира, служебное помещение, рабочее место, сельская местность, общежитие и т. д.); б) характера похищенного (деньги, ценности, промышленные товары, строительные материалы, уголь, железо и пр.); в) времени, прошедшего с момента совершения хищения, и периода, на протяжении которого длилось хищение.

Характер похищенного указывает на места возможного сокрытия, пути сбыта и т. д. При подготовке и проведении обыска необходимо учитывать размеры похищенного, его количество, возможность хранения в не приспособленных для этого условиях, вес и т. п. Кроме этого, нужно иметь в виду, что отдельные материалы могут быть использованы либо подвергнуты переработке, например, строительные материалы, ткани и пр. По профессии обыскиваемого предположительно можно определить, где спрятано похищенное или как оно использовано.

В процессе производства обыска следователю часто приходится сталкиваться с различного рода тайниками и преградами, мешающими обнаружению как похищенного, так и найтого преступным путем имущества и ценностей. Поэтому он должен знать и выполнять не только требования уголовно-процессуального закона, но и постоянно осваивать и шире использовать криминалистическую технику. Наиболее широко применяется при обыске судебная фотография, а в последние годы по сложным делам о хищениях — и киносъемка. Фотосъемка и киносъемка — важные средства изобличения виновных. Они способствуют объективному расследованию уголовного дела, позволяют наглядно представить место сокрытия похищенного, затрудняют подмену обнаруженного имущества, если оно было оставлено на хранение заинтересованным лицам.

При проведении отдельных следственных действий (допросов, очных ставок, воспроизведения обстановки и обстоятельств события) важное место занимает звукозапись, производство которой

регламентировано ст. 85' УПК УССР (ст. 141' УПК РСФСР). Звукозапись может применяться по усмотрению следователя. В юридической литературе отдельные авторы предлагают применять ее и при обыске. Так, по мнению А. Белецкого, наибольшего успеха при обыске достигают в тех случаях, когда опрос обыскиваемого лица в целях получения сведений об обнаруженном имуществе записывается на магнитофонную ленту. Сообщить об этом опрашиваемому лицу, отмечает А. Белецкий, следует лишь по окончании обыска, т. е. при составлении протокола, в котором необходимо сделать приписку следующего содержания: «Ваши объяснения в процессе обыска были записаны на магнитофонную ленту...» [см.: 1, с. 54]. С нашей точки зрения, выдвинутое А. Белецким предложение о применении звукозаписи при проведении обыска противоречит принципу объективности расследования и требования уголовно-процессуального закона в целом.

Следователь должен принимать меры к возмещению ущерба и возможной конфискации имущества на протяжении всего периода расследования. Часто после первого обыска, успокоившись и не рассчитывая на повторный, преступники извлекают из тайников похищенное. В таких случаях проведение повторных внезапных обысков нередко приводит к положительным результатам. Так, следователь Южного отдела транспортной милиции, расследуя уголовное дело Мизяк и др., совершавших хищения грузов на протяжении ряда лет, при повторных обысках обнаружил похищенное имущество у всех участников преступной группы. Причиненный государству ущерб был возмещен полностью (Архив нар. суда Червонозаводского р-на г. Харькова, 1974).

В процессе расследования хищений следователи и оперативные работники не всегда принимают должные меры к обеспечению возмещения причиненного ущерба или возможной конфискации. По отдельным делам обыски, направленные на отыскание имущества, ценностей и денег, либо вообще не проводятся, либо проводятся спустя длительное время после возбуждения уголовного дела. Естественно, в подобных случаях они не дают положительного результата. Так, при рассмотрении уголовного дела Килинец и др., обвиняемых по ст. 84 ч. II УК УССР (длительное время занимались хищением промышленных товаров), в судебном заседании было установлено, что органы расследования не принимали мер к возмещению материального ущерба и обеспечению возможной конфискации (Архив нар. суда Жовтневого р-на г. Днепропетровска, 1969).

Анализ следственной практики по делам исследуемой категории позволяет выделить наиболее часто встречающиеся недостатки в работе следователя и оперативных работников по розыску похищенного и нажитого преступным путем имущества и ценностей. К ним можно отнести:

а) недооценку отдельными следователями важности стоящей перед ними задачи по возмещению материального ущерба;

б) несвоевременное принятие мер по розыску похищенного и

нажитого преступным путем имущества, ценностей и денег (не запрашивают сберегательные кассы, органы государственного страхования, госавтоинспекции, органы коммунального хозяйства и инвентаризационного бюро, ломбарды);

в) запоздалое проведение обысков (длительный промежуток времени между возбуждением уголовного дела и обыском);

г) недостаточное применение криминалистической техники;

д) плохая подготовка к проведению обысков и т. д.

Наряду с допросом обвиняемого, свидетелей и обыском важное значение для розыска похищенного и нажитого преступным путем имущества, ценностей и денежных средств имеет выемка. Основанием для проведения выемки являются точные сведения о наличии конкретных документов, предметов или ценностей в определенном месте или у лица (ст. 178 УПК УССР, ст. 167 УПК РСФСР). До проведения выемки следователь изучает отдельные документы и предметы, в числе которых могут находиться интересные его. Как правило, выемке предшествует ознакомление с бухгалтерскими документами, готовыми изделиями и ценными бумагами. В соответствии со ст. 191 УПК УССР (ст. 179 УПК РСФСР) для оказания необходимой помощи следователь может привлекать специалиста. Бухгалтер, например, может обнаружить несоответствие в документах, товаровед — определить качество, сорт продукции.

Существенную роль в делах о хищениях играет выемка документов. В них часто содержатся данные о характере хищения, лицах, причастных к нему, о способах реализации и сокрытия как следов преступления, так и похищенного. С помощью документов устанавливается размер похищенного, а следовательно, и размер причиненного ущерба. Кроме того, для исследуемой категории дел они имеют большое доказательственное значение. Изъяв необходимые документы, следователь может также изучить процесс движения материальных ценностей на данном предприятии.

Для расследования преступления и возмещения причиненного хищением ущерба не менее важна почтово-телеграфная корреспонденция, ибо в ней также могут содержаться сведения о местах сбыта и сокрытия похищенного. Поэтому следователь на основании мотивированного постановления и с санкции прокурора должен своевременно изымать такую корреспонденцию (ст. 187 УПК УССР, ст. 174 УПК РСФСР).

По окончании производства обыска и выемки оформляется протокол, включающий индивидуальные признаки обнаруженных и изымаемых предметов, а также индивидуальные признаки тары и упаковочного материала. Это способствует изобличению виновных, информирует следователя о возможных местах и способах хищения, препятствует замене имущества на менее ценное, переданного на хранение отдельным лицам.

Таким образом, своевременное возмещение ущерба по делам о хищениях в значительной мере зависит от своевременности обыска и выемки, инициативы и оперативности следователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белецкий А. Применение звукозаписи при проведении следственных действий.—«Радянське право», 1970, № 10, с. 54—56.
2. Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, Изд-во Белорусск. ун-та, 1975. 127 с.
3. Радянська криміналістика (криміналістична техніка і слідча тактика). Київ, «Вища школа», 1973. 221 с.

С. Д. Волошко

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ПЕРЕДАЧЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

В Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева XXV съезду партии подчеркнуто, что «предстоит еще многое сделать, чтобы достижения науки быстро воплощались не только в отдельных — пусть самых блестящих — экспериментах и выставочных образцах, но и в тысячах и тысячах новых видов продукции, начиная от уникальных машин и кончая всем, что связано с улучшением условий труда и быта людей» [2, с. 47—48].

Правовой формой научно-технического сотрудничества предприятий и организаций по практическому внедрению новых научных идей является договор на передачу научно-технических достижений [см.: 4, с. 228—229; 5, ст. 118; 6, с. 25—28]. Однако правовая регламентация этого договора нуждается в значительном уточнении с учетом экономической природы регулируемых отношений и потребностей практики.

Хозрасчетные отношения по передаче научно-технических достижений складываются на стадии практической реализации достижений науки в производстве, их распространения в народном хозяйстве.¹ Договором здесь опосредствуется ранее не урегулированная сфера: возмездные отношения, возникающие в связи с участием научно-технических учреждений и иных предприятий и организаций «разработчиков» в приспособлении их новшеств к условиям производства заимствующих предприятий.

Экономические потребности предприятий-«получателей», побуждающие их вступать в договорные связи с «разработчиком», обуславливаются тем, что освоение сложных новшеств в разнообразных условиях конкретных производств почти неизбежно связано с трудностями, которые объективно нельзя предвидеть заранее. Более того, успешное внедрение новых научных идей часто бывает невозможно без специального обучения технического и производственного персонала «получателя», без научного консультиро-

¹ Экономический анализ особенностей этой стадии научно-технического прогресса осуществлен в работах Л. М. Гатовского [см.: 8, с. 3-14; 9, с. 218—251].

вания со стороны «разработчиков» и других форм их участия [см.: 18, с. 377—378].

При заимствовании «чужих» новшеств (разработок) предприятия нуждаются в получении таких научных и технических знаний, приобретение которых в виде вещественных носителей информации (например, документации, образцов и пр.) невозможно. Поэтому возникает необходимость в передаче «разработчиками» их научно-технического опыта, носителем которого является их же научно-производственный персонал. Такая передача предполагает выполнение работниками «разработчика» различного вида работ. В связи с этим и заключаются договоры на передачу научно-технических достижений.

Основным и обязательным элементом предмета данных договоров является выполнение «разработчиком» для «получателя» научно-технических (творческих) работ (например, переделка технической документации, участие в испытаниях, научное консультирование и т. п.). Предмет рассматриваемых договоров охватывает обычно и иные работы (например, чисто производственного или информационного характера). Они сопутствуют осуществлению работ творческого (исследовательского) характера и для правовой характеристики договора имеют второстепенное значение. С иными трактовками предмета договора согласиться трудно [см.: 11, с. 118—119; 7, с. 8—9; 19, с. 51].

Анализируемый договор нельзя относить к группе договоров подрядного типа. Включение договоров в области научно-технического сотрудничества социалистических организаций в группу подрядных было шагом вперед в исследовании их юридической природы [см.: 21, с. 14—15], но в то же время это не позволяло учесть наиболее специфические черты в отношениях между сторонами [см.: 20, с. 7—9; 15, с. 40—41].

Договорные (как и организационно-правовые) связи науки с производством должны учитывать, что комплекс «наука — техника — производство — потребление» может эффективно развиваться лишь при условии, если будет сохранено его единство, основанное на общности цели всех его стадий [см.: 9, с. 171—218]. Следовательно, правовое регулирование договорного научно-технического сотрудничества должно обеспечивать соединение целей научных и производственных организаций в единую, общую для них цель. При помощи права это принципиально возможно [см.: 18, с. 388]. Если же строить отношения сторон как подрядные, то договорные связи с выполнением предварительно определенного объема работ и передачей результатов этих работ заказчику должны заканчиваться независимо от того, достигнута ли конечная цель их научно-технического сотрудничества.

Специфика экономических отношений, опосредствуемых договорами в области научно-технического сотрудничества, состоит в том, что их возникновение связано с включением научной деятельности в процесс материального производства. Это происходит по заказам производственных предприятий, целью которых является

ся привлечение научных организаций к сотрудничеству в создании эксплуатационно применяемой, дающей реальный экономический эффект новой техники (технологии, продукции).

Опыт электротехнической и ряда других отраслей промышленности, переведенных на новую систему планирования, финансирования и экономического стимулирования работ по новой технике, показывает, что для перенесения механизма экономических законов на науку последнюю следует рассматривать со стороны производственного процесса, органической частью которого она становится. Научная деятельность приобретает экономическое значение только в том случае, когда она становится функцией материального производства, участвует в создании экономически значимого его продукта [см.: 12, с. 6—10; 10, с. 101]. В этой связи конечной целью научно-технической деятельности «разработчика» должно считаться содействие «получателю» в создании эксплуатационно применяемой новой техники (технологии). Поскольку же научный труд как процесс содержит полезный эффект, не овеществляющийся в материальном благе сам по себе, следовательно, «получатель» потребляет его, как деятельность, в экономической форме услуги: потребляется в процессе его осуществления, имеет всегда конкретного потребителя, предназначается для одnorазового потребления без дальнейшего включения в оборот и т. д. [см.: 16, с. 63—64)]¹.

Таким образом, если научно-техническая деятельность «разработчика» по оказанию помощи «получателю» в использовании заимствуемых им разработок должна рассматриваться как оказание научно-технических услуг, то и договор на передачу научно-технических достижений следует характеризовать как договор об оказании научно-технических услуг [см., например: 15, с. 43]. Данная трактовка договора позволяет наметить пути законодательного урегулирования ряда нерешенных вопросов, главным из которых является стимулирование «разработчиков» в широком распространении собственных новшеств.

1. Действующий порядок определения цены в договоре на передачу научно-технических достижений предусматривает, что «разработчику» должны быть возмещены расходы по передаче документации и по оказанию помощи, а также перечислены определяемые в зависимости от расчетного годового экономического эффекта у «получателя» средства на премирование работников [см.: 5, ст. 118]. Практически основным стимулом к участию в передаче научно-технического опыта для «разработчиков» служит возможность получения его работниками премий. Между тем Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 сентября 1970 г. на работы по использованию заимствуемых научно-технических достижений распространен порядок денежного и материально-тех-

¹ К. Маркс писал: «Услуга есть вообще лишь (способ) выражения для собой потребительной стоимости труда, поскольку она полезна не как вещь, а как деятельность» (1, с. 143-144),

нического обеспечения, который был установлен Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 г. № 760 для работ по решению основных научно-технических проблем. Поэтому и в договоре на передачу научно-технических достижений не только материальное поощрение работников, но и экономическое стимулирование самих организаций-«разработчиков» при передаче ими научно-технического опыта должно быть поставлено в прямую зависимость от фактической экономической эффективности, получаемой в народном хозяйстве в результате использования научно-технических разработок и новой техники [см.: 3, с. 128].

Поскольку предметом рассматриваемого договора являются научно-технические услуги, то именно эти последние и должны быть объектом при определении цены в договоре. Значение таких услуг для «получателя» состоит в том, что, потребляя их, он приобретает знания, необходимые для создания техники (технологии), дающей запланированный реальный экономический эффект. Поэтому с возмещением «разработчику» фактических затрат по оказанию услуг финансовые обязательства «получателя» по отношению к нему прекращаться не должны. Если научно-техническая деятельность «разработчика» становится составной частью расширенного воспроизводства, то и затраты на нее должны финансироваться за счет прибавочного продукта, созданного в сфере этого материального производства [см.: 24, с. 7; 14, с. 91]. Вот почему цены на научно-технические услуги «разработчиков» в договорах на передачу научно-технических достижений должны устанавливаться в зависимости от величины прибыли (экономии), получаемой в результате создания соответствующей новой техники (технологии), что и должно быть закреплено в законодательстве [см.: 22, с. 15; 11, с. 122].

2. Творческий характер услуг, оказываемых «разработчиком» по договору, обуславливает в известной степени неопределенность в получении желаемых результатов. Но законодательство о передаче научно-технических достижений не содержит норм о творческом риске в отличие, скажем, от п. 5 Типового договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ [см.: 13, с. 588]. В этой связи в научной литературе высказаны мнения, что именно отсутствие возможности получить отрицательный результат отличает договор на передачу научно-технических достижений от договоров на НИР и ОКР [см.: 15, с. 43]. Однако, как показывает практика, применение многих видов научно-технических разработок в условиях взаимодействующих предприятий требует подчас довольно значительных дополнительных работ по их «привязке» к конкретному производству. Такие дополнительные исследования связаны, как правило, с творческим риском, но они не направлены на создание принципиально новых решений, отличных от заложенных в уже имеющейся разработке, а поэтому и не могут опосредствоваться договорами на НИР или ОКР. Здесь должны заключаться договоры на передачу научно-технических достижений.

То обстоятельство, что вопрос о творческом риске в договорах этого вида не урегулирован, приводит нередко к таким ситуациям, когда «разработчики», прежде чем заключить договор с тем или иным «получателем», вынуждены за свой риск дорабатывать разработку применительно к ее новому назначению. Это бывает под силу обычно только крупным научным организациям, хотя и для них является сдерживающим моментом в передаче собственного научно-технического опыта.

Последовательное правовое регулирование договора на передачу научно-технических достижений на основе принципов, общих для всех договоров в области научно-технического сотрудничества, требует исходить из того факта, что творческий риск имеется при осуществлении любой исследовательской деятельности [см.: 17, с. 6—45]. Законодательство о рассматриваемом договоре также должно учитывать это, хотя и не вызывает сомнения, что степень риска при «привязке» новшеств к условиям заимствующей организации, как правило, ниже, чем при его разработке.

3. В связи с необходимостью единообразного правового регулирования всех договоров социалистических организаций в области научно-технического прогресса вряд ли оправдана была разработка и принятие особого Положения о договорах на передачу научно-технических достижений, как это предлагалось в литературе [см.: 11, с. 124]. Теоретически и практически представляется более правильным другой путь: переработка с учетом урегулирования отношений по передаче научно-технических достижений действующего Типового положения о порядке заключения хозяйственных договоров и выдачи внутриминистерских заказов на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ [см.: 13, с. 583—586]. В частности, это можно сделать созданием документа, состоящего из трех частей: 1. Общие положения. 2. Договоры на НИР и ОКР. 3. Договоры на передачу научно-технических достижений. Назвать такой нормативный акт можно так: «Типовое положение о порядке заключения хозяйственных договоров и выдачи внутриминистерских заказов на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и на передачу научно-технических достижений».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII). М., Партийное издательство, 1933. 368 с.
2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6. М., Политиздат, 1970. 685 с.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 8. М., Политиздат, 1972. 671 с.
5. СП СССР, 1971, № 16.
6. «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР», 1973, № 4. 48 с.

7. Быков А. Договоры на передачу научно-технических разработок.— «Сов. юстиция», 1974, № 6, с. 8—10.
8. Гатовский Л. Новая и старая техника.— «Вопр. экономики», 1973, № 1, с. 3—14.
9. Гатовский Л. М. Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма. М., «Наука», 1974. 431 с.
10. Гатовский Л. Наука как объект экономического исследования.— «Вопр. экономики», 1974, № 5, с. 94—108.
11. Дозорцев В. Новое в распространении научно-технических достижений в СССР.— «Плановое хозяйство», 1973, № 7, с. 118—124.
12. Ельмеев В. Экономика науки в системе экономических наук.— «Эконом. науки», 1974, № 7, с. 3—10.
13. Законодательство о капитальном строительстве. Вып. 1. М., «Юрид. лит.», 1970. 631 с.
14. Казокин В. А. Затраты на научные разработки и их влияние на ценообразование новой техники.— В кн.: Управление наукой (материалы конференции). М., 1974. 192 с.
15. Маслов В., Пушкин А. Юридическая природа договоров в сфере научно-технического творчества.— «Радянське право», 1975, № 7, с. 40—44.
16. Нехорошев Ю. С. Продукты науки как специфическая материально-предметная форма общественного богатства. 5-й Киевский симпозиум по науковедению и научно-техническому прогнозированию. Ч. IV—V. Киев. УкрНИИНТИ, 1974. 146 с.
17. Омельченко А. И. Творческий риск и его государственно-правовая охрана. М., Изд-во Моск. ун-та, 1955. 52 с.
18. Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР. М., «Наука», 1973. 422 с.
19. Прахов Б. О договоре возмездной передачи технического опыта.— «Радянське право», 1973, № 10, с. 51—53.
20. Рассудовский В. Совершенствовать договоры научно-технической помощи производству.— «Сов. юстиция», 1966, № 3, с. 7—9.
21. Ринг М. П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М. «Юрид. лит.», 1967. 199 с.
22. Рассохин В. П. О договоре возмездной передачи технического опыта.— «Вопр. изобретательства», 1970, № 9, с. 11—15.
23. Социалистическое государство, право и научно-техническая революция. М., «Юрид. лит.», 1975. 270 с.
24. Стеркин С. Л. Цена научной продукции и совершенствование хозяйственных отношений в научно-технических организациях.— «Электротехническая промышленность, Общепромышленные вопросы», 1972, вып. 18.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ОСОБО
ОПАСНЫМ РЕЦИДИВИСТОМ

Проблема борьбы с рецидивной преступностью — одна из важных задач органов советской юстиции. Правовой основой этой борьбы является советское законодательство и, в первую очередь, законодательство уголовное. Совершенствование уголовного законодательства в последнее время идет по пути усиления борьбы именно с рецидивной преступностью в целях создания правовых предпосылок для предупреждения и полного искоренения рецидива. По данным выборочных исследований рецидивисты составляют 25—30% по отношению к общему числу осужденных [см.: 11, с. 249].

Важное значение в борьбе с рецидивной преступностью имеет и ст. 23—1 Основ уголовного законодательства (ст. 26 УК УССР)¹, регулирующая вопрос об ответственности особо опасных рецидивистов. Хотя их удельный вес по выборочным данным всего около 5% по отношению к числу судимых повторно или неоднократно [см.: 11, с. 262], особо опасные рецидивисты представляют повышенную общественную опасность. Поэтому правильное применение ст. 26 УК является необходимым условием обеспечения успешной борьбы с этими преступниками. Общее и частнопредупредительное значение этой нормы достаточно велико. Она призвана детерминировать в нужном направлении поведение тех лиц, которые уже имеют судимости и вновь могут совершить преступления, либо тех, которые в установленном законом порядке уже признаны особо опасными рецидивистами.

Все это предопределяет необходимость исследования проблемы признания лица особо опасным, рецидивистом. Проблема эта может иметь различные аспекты изучения. Она может и должна разрабатываться в уголовно-правовом, криминологическом и психологическом планах, в плане исправительно-трудовой политики и педагогики, в плане уголовно-процессуальном. Однако, если в науке уголовного права можно отметить некоторые сдвиги в этом направлении [см., например: 5, с. 62—95; 7, с. 99—111; 8, с. 6—20], то применительно к уголовно-процессуальному праву в литературе имеются лишь отдельные фрагментарные высказывания. В данной статье делается попытка в какой-то мере осветить эти вопросы.

Правовой основой признания лица особо опасным рецидивистом при рассмотрении уголовного дела является ст. 26 УК УССР. В этой норме закона определяются признаки, дающие суду основание признать лицо особо опасным рецидивистом. Эти признаки представляют собой сочетание различных обстоятельств, которые, с одной стороны, необходимы, а с другой — достаточны для признания лица особо опасным рецидивистом. Эти признаки необходимы в том смысле, что без них невозможно признать лицо особо опасным

¹ В дальнейшем УК УССР будет обозначаться УК.

рецидивистом, а следовательно, исключается наступление тех правовых последствий, которые такое признание вызывают. Они достаточны, потому что нет надобности устанавливать какие-то дополнительные данные, чтобы иметь основание для признания лица особо опасным рецидивистом. В связи с этим можно без преувеличения сказать, что норма, закрепленная в ст. 26 УК, призвана играть, по крайней мере, двоякую роль. Во-первых, она определяет совокупность признаков, которые дают основание признать в конкретном случае лицо особо опасным рецидивистом. Во-вторых, она очерчивает те обстоятельства, которые должны быть установлены при признании лица особо опасным рецидивистом, т. е. предмет доказывания. Этот «отдельный» предмет соотносится со всем предметом доказывания по делу как часть и целое. Иначе говоря, в общий предмет доказывания по делу входят в этом случае и факты, доказывающие наличие признаков, дающих возможность признать лицо особо опасным рецидивистом. Пункт 3 ст. 64 УПК УССР указывает, что при производстве предварительного расследования дела подлежат доказыванию обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Именно в эту группу и входят обстоятельства, указанные в ст. 26 УК и дающие основание для признания лица особо опасным рецидивистом. Этими основаниями являются: а) осуждение лица к лишению свободы за ранее совершенные преступления; б) наличие определенного количества судимостей за преступления, совершенные после достижения лицом 18 лет; в) наличие не снятых или не погашенных судимостей за истерпяваемо указанные в ст. 26 УК преступления; г) назначение за преступление, в связи с совершением которого лицо может быть признано особо опасным рецидивистом, наказания в виде лишения свободы. Все эти признаки должны быть установлены.

Официальными документами, которые подтвердят наличие судимостей за указанные в ст. 26 УК преступления и будут свидетельствовать, что лицо осуждалось за них к лишению свободы, являются копии приговоров. Лишь тогда, когда такую копию нельзя вообще отыскать и приобщить к делу, возможна констатация судимостей на основе официальных справок МВД. Предметом доказывания в этих случаях являются и данные характеризующие личность обвиняемого, который может быть признан особо опасным рецидивистом.

В качестве общего исходного положения необходимо отметить, что расследование и рассмотрение уголовных дел, где решается вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, не имеет каких-либо принципиальных особенностей. Такое расследование и рассмотрение подчиняется универсальному, общему регламенту процессуальной процедуры, которая установлена в УПК. Все демократические принципы советского уголовного судопроизводства находят и в таких делах свое полное выражение. Полнота, всесторонность и объективность расследования и рассмотрения уголовных

дел как ведущий принцип советского уголовного процесса воплощается и в тех делах, где есть основание для признания лица особо опасным рецидивистом. Строжайшее соблюдение материального и процессуального закона с обеспечением всех прав обвиняемого — важнейшее условие правильного разрешения уголовных дел данной категории.

В связи с тем, что действующее процессуальное законодательство не требует от следователя предъявления обвиняемому обвинения в том, что при рассмотрении дела судом он может быть признан особо опасным рецидивистом, в нашей литературе был высказан ряд суждений, с которыми нельзя согласиться. Так, утверждалось, что это — существенный пробел нашего процессуального права и что необходимо дополнить УПК нормой, в которой бы устанавливалась такая обязанность следователя [см., например, 9, с. 33]. Эти предложения не были приняты законодателем, хотя в 1969 г. он специально решал вопросы унификации понятия особо опасного рецидивиста в масштабе всего Союза ССР. Признав необходимой такую унификацию в Законе от 11 июля 1969 г. «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», союзный законодатель обязал республики внести соответствующие изменения и дополнения в УК и УПК. Однако дальше воспроизведения общесоюзной нормы (ст. 23-1 Основ) об особо опасном рецидивисте (ст. 26 УК УССР) и уточнения некоторых положений о мотивировке такого признания в приговоре (ст. 324, 334, 335 УПК УССР) законодательство союзных республик не пошло. Для этого имелись и имеются достаточные основания, которые, прежде всего, заключаются в том, что действующее процессуальное законодательство устанавливает надежные гарантии, связанные с признанием лица особо опасным рецидивистом. Это признание происходит в тех развернутых демократических формах, которые свойственны советскому уголовному процессу, и никакие ограничения по сравнению с общим порядком расследования и рассмотрения уголовных дел не применяются. Напротив, ряд норм процессуального права и должны именно найти при решении этого вопроса наиболее развернутое свое осуществление. Поэтому надо ставить вопрос не об изменениях и дополнениях действующего в этой области процессуального права, а об использовании на практике тех положений УПК, которые гарантируют от ошибок в признании лица особо опасным рецидивистом. В этом плане следует усилить прокурорский надзор за тем, чтобы следователь полно и всесторонне собрал и исследовал в ходе предварительного следствия все материалы и обстоятельства, свидетельствующие о наличии не погашенных и не снятых судимостей за преступления, указанные в ст. 26 УК. Должны быть собраны материалы, характеризующие степень опасности личности обвиняемого, показывающие, что он является злостным преступником. Именно такие требования выдвигает перед следователем ст. 22 и 64 УПК УССР. Ознакомление же обвиняемого со всеми материалами дела.

участие защитника в ходе следствия, обязанность следователя обеспечить полную и объективность расследования в достаточной мере гарантируют и ограждают все права обвиняемого, который при рассмотрении дела судом может быть признан особо опасным рецидивистом.

Признание лица особо опасным рецидивистом является последствием назначения ему определенной меры наказания в виде лишения свободы. Поэтому признание лица особо опасным рецидивистом лежит, как и назначение этого наказания за пределами обвинения, сущность которого составляют фактические и юридические признаки, образующие состав определенного преступления [см.: 3, с. 36—82]. В связи с этим невозможно предъявить обвинение в том, что обвиняемый может быть признан судом особо опасным рецидивистом, как невозможно, предъявить ему обвинение в том, что он будет наказан судом лишением свободы либо к нему может быть применена ссылка или даже смертная казнь.

Предложение включить в постановление о привлечении в качестве обвиняемого утверждение о том, что он может быть в суде признан особо опасным рецидивистом, неприемлемо и по следующим соображениям. Общеизвестно, что в обвинительном заключении выводы следователя о виновности обвиняемого и о квалификации совершенного им преступления должны соответствовать действительности, т. е. быть истинным [см., например, 12, с. 118]. Обвинение же, содержащееся в обвинительном заключении, как этого требует закон (ст. 141 УПК УССР), должно быть тождественно с тем обвинением, которое было сформулировано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, и, следовательно, те выводы, которые сделаны в этом постановлении, также являются истинными. Это выводы о конкретном составе преступления и лице, совершившем это преступление [см.: 1, с. 216—217]. Отсюда следует, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не могут содержаться гипотетические, вероятные суждения. Суждение же следователя о том, что в суде обвиняемый, возможно, будет признан особо опасным рецидивистом, является проблематичным, вероятным и поэтому не может быть включено в обвинение.

Практика Верховных Судов УССР, совершенно правильно толкуя закон, исходит из того, что ст. 132 УПК УССР (ст. 144 УПК РСФСР) не требует указания в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого на возможность признания его в суде особо опасным рецидивистом. Такое решение вопроса вовсе не исключает разъяснения обвиняемому тех последствий, которые могут наступить в связи с рассмотрением его дела в суде. В связи с этим представляется обоснованным предложение о необходимости уведомлять обвиняемого (при наличии соответствующих оснований), что он может быть признан судом особо опасным рецидивистом при разъяснении ему следователем процессуальных прав, о чем следует делать отметку в соответствующем протоколе [см.: 4, с. 7].

Указывая в обвинительном заключении, как того требует ст. 223 УПК УССР, сведения о личности обвиняемого, следователь обязан привести данные о судимостях, наличие которых дает суду возможность признать лицо особо опасным рецидивистом. Представляется, однако, полезным внедрение в практику специальных «анкет-заключений», где содержались бы данные, наиболее полно характеризующие личность обвиняемого, имеющиеся у него судимости, причины и условия, способствующие совершению преступления и пр. Такие предложения неоднократно вносились в нашей литературе [см.: 2, с. 110—111; 6, с. 34]. В первую очередь, такая анкета должна появиться в делах, где имеются основания для признания лица особо опасным рецидивистом. Ее введение будет ориентировать следователя, а затем и суд на детальное исследование обстоятельств дела, устанавливающих указанные данные. Такая анкета обеспечит составление необходимых представлений следователя и частных определений судов. Она облегчит суду первой инстанции исследование всех обстоятельств, обуславливающих признание лица особо опасным рецидивистом, а суду 2-й инстанции — проверку дела под углом зрения правильности принятого в приговоре в этой части решения. «Анкета-заключение» могла бы быть исходным материалом для статистических и криминологических обобщений с широким использованием полученных выводов для предупреждения особо опасного рецидива. Анкета должна находиться в деле и заполняться в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Конечно, разработка схем подобных анкет — дело трудное, однако трудности могут быть преодолены усилиями практических и научных работников. Известно, что метод анкетирования получил в последнее время широкое распространение.

Существенные процессуальные гарантии признания лица особо опасным рецидивистом установлены и в стадии судебного разбирательства. Вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом — один из вопросов, который суд обязан согласно ст. 324 УПК УССР разрешить в приговоре. Вот почему вопрос этот должен быть с необходимой полнотой и всесторонностью выяснен в ходе судебного следствия. Таким образом, обстоятельства, указанные в ст. 26 УК и дающие суду право признать лицо особо опасным рецидивистом, должны быть предметом судебного исследования. Причем, установлению подлежат как общие основания такого признания, т. е. количество необходимых судимостей за указанные в ст. 26 УК преступления, так и частные, индивидуальные, т. е. характерные для данного дела, а именно: личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершенном преступлении и другие обстоятельства дела [см.: 8, с. 14—17]. Признание лица особо опасным рецидивистом на основе установления указанных обстоятельств может иметь место лишь при условии, что подсудимому была предоставлена полная возможность осуществить свое право на защиту в этой части — возможность дать показания по этому вопросу, истребование соответству-

ющих документов о прошлых судимостях и разрешение других вопросов [см.: 14, с. 586—587]. Процессуальной гарантией правильного признания лица особо опасным рецидивистом является мотивировка такого признания в приговоре суда. Это требование закреплено ст. 26 УК и в ст. 334 УПК УССР. В постановлении Пленума Верховного Суда «О судебном приговоре» прямо говорится, что, кроме ссылки на наличие судимостей, совокупность которых дает основание для признания лица особо опасным рецидивистом, в приговоре должно быть указано, по каким соображениям, относящимся к личности виновного, степени осуществления преступных намерений, характеру и степени участия в совершении преступлений, а также другим обстоятельствам дела, суд пришел к выводу о «необходимости признания лица особо опасным рецидивистом».

Для мотивировки признания лица особо опасным рецидивистом, прежде всего, надо констатировать наличие общего основания, т. е. необходимое количество не погашенных и не снятых судимостей за определенные преступления, указанные в ст. 26 УК. Мотивировка приговора должна содержать указания о том, что подсудимый по достижении им 18-летнего возраста был дважды, трижды и т. д. осужден к лишению свободы по таким-то уголовным законам, за такие-то конкретные преступления и что судимости за них с него не сняты и не погашены. Этот элемент мотивировки приговора должен быть основан на соответствующем пункте или пунктах ст. 26 УК. При этом необходимы ссылки на копии приговоров, по которым у лица имеются судимости, а в случаях невозможности их получения — на соответствующие справки о судимости.

Мотивировка наличия индивидуального (частного) основания для признания лица особо опасным рецидивистом черпается из конкретных обстоятельств дела и предполагает оценку степени общественной опасности совершенных преступлений и личности осужденного, а также иных обстоятельств дела. Мотивировка суда о признании лица особо опасным рецидивистом должна свидетельствовать о том, что осужденный является злостным преступником и представляет большую опасность для нашего общества. «Особо опасными рецидивистами,— указал Пленум Верховного Суда СССР по делу Н.,— должны признаваться злостные преступники, неоднократно судимые, представляющие повышенную общественную опасность и упорно не желающие стать на путь исправления». Это же положение было повторено в руководящем разъяснении Пленума от 18 марта 1970 г. по вопросам признания лица особо опасным рецидивистом. Полная и подробная мотивировка дает суду возможность в резолютивной части приговора сформулировать решение о признании лица особо опасным рецидивистом. Если почему-либо суд, указав в мотивировочной части приговора на необходимость признания лица особо опасным рецидивистом, в резолютивной части не указал на это, лицо нельзя считать особо опас-

ным рецидивистом, а данную ошибку исправить без отмены приговора уже невозможно.

Кассационная и надзорная инстанция при проверке законности и обоснованности приговора, которым лицо признано особо опасным рецидивистом, обязана тщательно рассмотреть вопрос о правильности такого признания и о строгом соблюдении норм материального и процессуального права по делу. Неправильное признание лица особо опасным рецидивистом должно быть исключено вышестоящим судом из приговора, что влечет за собой и изменение вида ИТК. Если при признании лица особо опасным рецидивистом грубо нарушены требования процессуального закона, приговор подлежит отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение.

Процессуальные вопросы признания лица особо опасным рецидивистом требуют дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов М. И. Об истинности процессуальных актов в советском уголовном судопроизводстве. — В кн.: Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1968.
2. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., «Юрид. лит.», 1965. 227 с.
3. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, Среднеуральское кн. изд-во, 1974. 136 с.
4. Ермаков Н., Элькин П. Из практики применения постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре». — «Сов. юстиция» 1970, № 12.
5. Кафаров Т. М. Проблема рецидива в советском уголовном праве. Баку. Изд-во «ЭЛМ», 1972, 256 с.
6. Кузнецова Н., Остроумов С., Яковлева З. Необходимо статистическое изучение причин преступности. — «Соц. законность», 1975, № 1.
7. Курс советского уголовного права. Часть Общая, Т. 2. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 672 с.
8. Новое в уголовном законодательстве. М., «Юрид. лит.», 1970. 92 с.
9. Перлов И. Признание лица особо опасным рецидивистом. — «Соц. законность», 1969, № 4.
10. Попов В. И. Борьба с особо опасным рецидивом (по материалам УССР). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Киев, 1973, 22 с.
11. Советское уголовное право. Общая часть. М., Изд-во Моск. ун-та, 1974. 446 с.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юрид. лит.», 1973. 736 с.
13. Тирский В. Основания признания особо опасным рецидивистом должны указываться в приговоре. — «Сов. юстиция», 1970, № 5.

СОДЕРЖАНИЕ

† Якуба О. М., Павловский Р. С. Основные направления развития законодательства о борьбе с административными правонарушениями в современный период	3
† Страхов Н. Н. Понятие и сущность конфедерации	11
† Постовой А. Д. Развитие Украинского советского законодательства об органах дознания	19
† Кудрявцев О. Н., Швецов Д. Ф. Ответственность за правонарушения по семейному законодательству	26
† Гречко В. В. Решения XXV съезда КПСС и правовые вопросы рационального природопользования	31
† Процевский А. И. Влияние технического прогресса на изменение содержания трудовой функции	35
† Цесаренко И. Г. Совершенствовать контроль местных Советов за соблюдением законодательства о труде	46
† Барабаш А. Т. К вопросу о понятии дисциплинарной ответственности рабочих и служащих	49
† Сафронова И. П. К вопросу о сущности производственного совещания	57
† Попов В. А. О правовой охране служебных изобретений	65
† Кривоченко Л. Н. Логические основы классификации преступлений	71
† Жеребкин В. Е. Типы логических структур состава преступления	75
† Голина В. В. Понятие отбытого наказания при погашении судимости	84
† Ткаченко В. И. Сильное душевное волнение как психологическая категория в уголовном праве	91
† Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием	99
† Тихий В. П. Цели хищения оружия и их уголовно-правовое значение	106
† Матусовский Г. А. Криминалистика как юридическая наука	111
† Суетнов В. П. Некоторые вопросы методики расследования хищений, совершенных на предприятиях пищевой промышленности	118
† Глибко В. Н. Обыск и выемка как средства возмещения ущерба, причиненного хищениями, государственному и общественному имуществу	125
† Волошко С. Д. О совершенствовании правового регулирования договорных отношений по передаче научно-технических достижений	131
† Бажанов М. И. Процессуальные вопросы признания лица особо опасным рецидивистом	137

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
тематический
научный сборник

Выпуск 2

Издательство при Харьковском
государственном университете
Издательского объединения «Вища школа»

Редактор *Л. В. Ковальчук*
Обложка художника *В. А. Овчинникова*
Художественный редактор *А. С. Романова*
Технический редактор *Л. Т. Момот*
Корректоры *Л. А. Федоренко, Е. И. Шевкунова*

ИБ № 2517

Сдано в набор 9.IX 1976 г. Подписано в печать 10.XII 1976 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 9.
Уч.-изд. л. 10. Тираж 1000. Изд. № 437. БЦ 50255. Зак. 4-2610.
Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа»

310003, Харьков, 3. Университетская, 16.

Отпечатано с матриц Полиграфкомбината изд-ва «Соціалістич-
на Харківщина», в Харьковской городской типографии № 16
Областного управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Харьков-3, Университетская, 16. Зак. 454.